

Журнал **Мономах**
и виртуальный музей
резных наличников
 Nalichniki.com

Фотоконкурс **СИМБИРСКИЕ НАЛИЧНИКИ**

Срок: 1 декабря 2017 года

Тема: в объективе – резные наличники
Симбирского-Ульяновского края.
Любуемся сами, показываем всем!

Участники: нет ограничений.

Требования к фото: фронтальные
полноцветные фото в формате TIF или JPEG
размером не менее 1200 пикселей по малой стороне.

Адрес: Фотографии на конкурс присылайте
на электронный адрес: fotokonkurs_monomah@mail.ru
Не забудьте указать, где вы сделали фотографию,
а также напишите о себе.

Победители получают призы!

Задать вопрос и следить за ходом
конкурса можно в соцсетях:

 vk.com/monomah_ul

 ok.ru/group/53189760385233

 facebook.com/groups/monomah73

СИМБИРСКАЯ
ПРАВДА

До революции в Симбирске и Симбирской губернии выходили самые разные печатные издания. Наиболее популярными были газета «Симбирские губернские ведомости» и журнал «Симбирские епархиальные ведомости». В 1917 году были закрыты привычные всем горожанам газеты и журналы, но стали издаваться новые: «Симбирский рабочий» и «Симбирская Правда».

Первая большевистская газета

Журнал «Симбирский рабочий» был еженедельным органом Симбирской организации РСДРП (меньшевиков). Возглавлял редакцию К.С. Шеленшкевич. Издание просуществовало недолго, с 1917-го по 1918 год вышло всего 10 номеров.

О газете «Симбирская Правда» стоит рассказать подробнее. Это первая еженедельная большевистская газета в Симбирске, орган Симбирского комитета РСДРП(б). Первый её номер вышел в субботу 21 октября (3 ноября) 1917 года, когда до Октябрьской революции оставалось 4 дня.

Редактором первого выпуска указан Е.Н. Аблов. Редакция размещалась в не сохранившемся до наших дней Доме Свободы, бывшем доме губернатора. «Симбирская Правда» издавалась до 22 января 1918 года, когда её заменили «Известия Симбирского Совета».

В Государственном архиве Ульяновской области, в личном фонде С.Л. Сытина сохранился экземпляр первого номера газеты. К 50-летию Октябрьской революции 5 октября 1967 года этот выпуск продублирован «Ульяновской правдой».

В первом номере «Симбирской Правды» опубликовано обращение редакции к рабочим и солдатам.

*«Товарищи рабочие и солдаты!
Приближается день выборов в Учредительное Собрание, для чего рабочим и солдатам необходима крепкая организация, такой организации у нас в Симбирске нет. Враги же Свободы народной и русской революции не дремлют. Они давно уже организовались и организованно ведут борьбу с революцией способом всяких обманов и словами, и печатью.*

Революционному народу – рабочим, солдатам и крестьянству необходимо противопоставить контрреволюционной борьбе – борьбу революционную и, в особенности, во время выборной кампании в Учредительное Собрание.

Необходимо иметь и нам печатное слово, дабы представилась и нам возможность сказать избирателям истинную правду. Для этого нужна газета. Но газета может существовать только при полной поддержке трудового народа – рабочих и крестьян.

Эта поддержка нужна не только моральная, но и материальная. Необходимо всем желающим иметь свою родную газету, производить добровольные сборы и делать отчисления от своего заработка в пользу газеты «Симбирской Правды». Необходимо распространять свою газету самим рабочим, солдатам и крестьянам, среди несознательной части населения. Товарищи, долг каждого из Вас организовать сборы в фонд «Симбирской Правды» и на выборную кампанию в Учредительное Собрание. Враги наши не дремлют».

В своём первом номере газета знакомила своего читателя с целями и задачами издания: «Да, наша газета, газета Симбирского рабочего пролетариата, впервые появляющаяся в Симбирске и издаваемая на средства, добытые кровавым потом этого пролетариата, будет говорить только правду. Пролетариат иначе говорить не может. <...> «Симбирская Правда» положила первейшей своей целью разъяснять рабочему пролетариату, солдатам и беднейшему крестьянскому населению все то, что так разрушительно, так губительно отражается на самом беднейшем населении страны...».

В этом же номере редакция поместила статью В.И. Ульянова-Ленина «Кризис назрел» под псевдонимом Н. Ленин: «Нет сомнений – конец сентября принёс нам величайший перелом в истории русской, а, по сей видимости, также и всемирной революции».

Аблов
Евгений
Николаевич
(1894–1918)

Евгений Николаевич Аблов (1894–1918) родился в городе Кузнецке Пензенской губернии в семье владельца типографии. В 1906 году семья переехала в Симбирск, а затем в посад Мелекесс. Окончил гимназию и поступил в Московский межевой институт. В 1914 году призван в армию. После Февральской революции демобилизовался и возвратился в Мелекесс. В типографии отца освоил наборное, печатное и переплётное дело. С образованием первого посадского Совета рабочих и солдатских депутатов стал его первым председателем. Редактировал газеты «Рабочий» (май–июнь 1917 года), затем «Известия Мелекесского Совета». С первых дней Гражданской войны и создания в Мелекессе ревкома стал его членом. В июле 1918 года с отступающими частями Красной армии ушёл в Казань. Убит в боях за Казань в августе 1918 года. Его имя носит одна из улиц города Димитровграда, где жила семья Абловых.

(По материалам «Истории мелекесско-димитровградских улиц» А.С. Милошова).

Роза Макарова,
начальник отдела научно-справочного
аппарата Государственного
архива Ульяновской области

В ноябре «Ульяновская правда» отметит свой вековой юбилей. 100 лет – и вершина, и рубеж. Что собой представляет «УП» сегодня? В каком направлении развиваться дальше, какие задачи решать? На чем делать акцент, чтобы, априори проигрывая телевидению и Интернету в оперативности, оставаться читателям интересной? О планах перевода издательского дома «УП» в мультимедийный формат и о проблемах рынка печатной прессы рассказала в интервью журналу «Мономах» главный редактор Объединенной редакции «Ульяновской правды» Ирина Арановская.

Три слоя сметаны из одной банки молока

– **Ирина Михайловна, вы много лет возглавляете «Ульяновскую правду». Как за это время изменилась газета?**

– Первое, что удалось сделать, – это перевести газету в формат А3. Мы руководствовались ровно одним обстоятельством – этот формат наиболее комфортный для наших читателей. Второе большое событие – создание телевизионной службы «Ульяновская правда» и сайта. И третье наше достижение – начало работы «УП» как большого издательского дома.

– **На что сегодня делаете ставку в развитии газеты?**

– Сейчас больше всего мы думаем о развитии сайта, чтобы он становился более популярным. Вот сейчас, когда мы с вами разговариваем, передо мной лежит статистика посещаемости сайта за вчерашний день, так вот за последние 24 часа на сайте были 16 тысяч 759 посетителей. За последние 15 минут на сайте были 363 посетителя, 67 просмотрели более одной страницы (по ситуации на 29 августа. – Ред.) Эти цифры уже превышают тиражи газеты. Большую часть нашего времени мы тратим на осмысление того, как нам пере-

сти издательский дом «Ульяновская правда» в мультимедийный формат. В принципе, о том, что мультимедийный формат – это будущее СМИ, говорят все. Но на самом деле большинство изданий дальше разговоров не идут. К 2015 году ситуация пришла к тому, что газета – это очень устаревший продукт. Бумага стоит дорого и не дешевеет, полиграфические услуги и распространение – тоже. В то же время развиваются телевидение, Интернет, радиоэфир (FM-диапазон) – в сравнении с газетой все это не стоит ничего, там нет бумаги, полиграфии, нет необходимости развивать продукт по киоскам. Поэтому, безусловно, печатные газеты под угрозой. Что происходит? У тех, кто просто издает традиционную газету, постепенно падают тиражи. А падают они потому, что потребитель смотрит телевизор, Интернет, слушает радио – это быстро, оперативно, достаточно качественно и комфортно.

Мы что делаем? Мы развиваем Интернет и службу ТВ. Сегодня у нас аудитория сайта Ulpravda в лучшие дни доходит до 25 тысяч просмотров день, а «лучшие дни» – это, на самом деле, увы, худшие дни для региона – это шу-

рыгинские новости («на доньшке»), выпавший из окна ребенок...

Телевидение открыло новые возможности для газет. Например, приглашаем в пресс-центр какого-то интересного человека. Те, кто не смотрит наш видеоконтент, может затем прочесть расшифровку той или иной беседы в эфире на страницах газет, входящих в наш медиахолдинг, – «Народной газете» или «Чемпионе» например.

С чем пришлось столкнуться? С невероятным нежеланием журналистов работать в Интернете.

Сейчас только новостных заметок журналисты ИД размещают в Интернете до полусотни ежедневно. Человек, идущий на задание, знает, что ему нужно сделать фото, материал для сайта, иногда и сделать видеосъемку. У журналиста появилось несколько каналов, по которым он может рассказать о том, что он видел. И получить обратную связь. С одной банки молока мы, таким образом, снимаем три слоя сметаны.

Это к тому же оптимизация затрат, что очень важно для любой газеты, которая живет исключительно за свой счет.

Это и оптимизация работы журнали-

ста, потому что он не делает три разные работы. Это и уважение нашего читателя, который может знакомиться с нашей работой в разных формах, какая ему доступнее.

– **Бумажная версия газет, на ваш взгляд, совсем не исчезнет?**

– Она совсем не исчезнет, потому что, во-первых, основная задача газеты «Ульяновская правда» – публикация нормативно-правовых документов, после чего все региональные законы и постановления правительства и губернатора вступают в законную силу. И эту задачу подменить в настоящее время никакой электронный ресурс не готов. Во-вторых, у «бумажной газеты» тоже есть свои удобства. Например, в Турции происходит очень интересный эксперимент. – Ред.). Газете Haber turk всего несколько лет – она переведена на мелованную бумагу, набита рекламой, новую по технологиям. Есть реклама, которую надо смотреть через специальные стереочки, они прилагаются к газете. Я не знаю, сколько это стоит, как они выкрутятся, но рекламный рынок они на себя перетягивают. Есть страницы, которые пропитаны теми или иными пищевыми запахами – шоколадом, ванилью, кокосом, если есть реклама парфюмерии например. Это, наверно, дорого, но страшно интересно. Полагаю, что выживет очень немного газет, но выживут те, кто очень серьезно думает об использовании современных технологий в работе с читателями.

– **Критики часто относят «УП» к «прессе власти». Не обижает ли вас такая «слава»?**

– Мне приятны эти разговоры. К сожалению, у меня нет личных связей с властью. Я очень сожалею (смеётся).

Если говорить более серьёзно, летописец родного края, ведущая газета региона не может занимать маргинальную позицию. Не может сказать: «Мы – газета оппозиции». Могучие газеты должны... Я не говорю – поддерживать, я говорю – считаться с властью, уважать её и в целом содействовать стабильности общества. Если власть не проводит какой-то безумной политики, конечно.

– **Кризис сказался на рекламных доходах прессы – их падение, по оценкам экспертов, составило около 40%. Как на сегодняшний день обстоит дело с рекламными доходами в «УП»?**

– Кризис и по нам прошёлся «со всей дури». Сейчас мы восстанавливаемся, как и рынок в целом. На кризис мы реагировали, как положено – сократили людей, объём газеты, снизили всю

расходную часть, где можно. Странная вещь – многие чисто коммерческие мультипликативные медиаструктуры СМИ прошли сквозь «смутные времена» очень хорошо, с прибылью. Мы тоже закончили с прибылью – благодаря кризису возникла атмосфера, которая позволяла правильным менеджерам урезать расходы, без которых можно обойтись.

– **Какие проблемы, на ваш взгляд, существуют на современном рынке печатной прессы в целом?**

– Самая главная проблема – печатные СМИ по определению очень устаревший и затратный продукт. Идёт новая медийная революция. Главред «Комсомолки» Владимир Сунгоркин в одном из своих интервью сравнил нынешнюю ситуацию на газетном рынке со временем, когда появились пароходы: даже первые, на угольной тяге, всё равно были более эффективны, чем парусные суда. Для того чтобы газету издавать, нужна очень большая рекламная подпитка, бумага, полиграфия, распространение. Это проблема всей мировой газетной индустрии. Что пытаются делать? Пытаются переводить на бесплатные тиражи – если рекламы достаточно для того, чтобы совпали расходы с доходами и прибыль осталась, тогда можно проскочить. У газеты «Метро» в Москве и Питере получилось, она прибыльная, потому что там редакция – 7 человек, они в основном из Интернета перебирают, такая газета-«фастфут».

По мнению экспертов, газет останется гораздо меньше, чем сейчас. Этот процесс идёт в Америке, Европе. Просто по ряду причин у нас он идёт медленнее. Приведу ещё одну цитату главреда «Комсомольской правды» – в которой, кстати, 18 лет назад началась моя газетная судьба, – что те газеты, «которые зациклены на обслуживании читателя, выживут». Жаль, что таких и в России, и во всем мире немного.

– **Как коллектив газеты отметит юбилей?**

– Просто, по-семейному: нынешние работники и ветераны встретятся на полях регионального фестиваля масс-медиа «Волжский Венец-2017», выпьют-закусят, пообщаются. Очень надеюсь на продолжение профессионального и «правдинского» разговора с нашими коллегами из «однокоренных» газет из Кирова, Пензы, Нижнего, Саранска. Кстати, многие из них уже отметили свой столетний юбилей. Получается, ответ на вопрос «Есть ли жизнь после 100» звучит утвердительно...

Красная гвардия: петроградские рабочие в Симбирске

Важнейшую роль в истории Октябрьской революции сыграли добровольные вооружённые формирования Красной гвардии. 100 лет назад была создана Красная гвардия в Симбирске. Её история интересна как отражение общественных настроений и социально-политических процессов, происходивших в губернском центре в революционном 1917 году. В данной статье будут найдены ответы на вопросы: когда и кем была создана симбирская Красная гвардия, какие общественные группы населения в неё входили, какую роль красногвардейцы сыграли в установлении советской власти в Симбирске и губернии. Читатель побывает на своеобразной экскурсии по местам памяти симбирской Красной гвардии.

Для начала следует отметить, что в крупных индустриальных центрах России в 1917 году Красная гвардия стала создаваться сразу после Февральской революции. При заводах формировались вооружённые дружины рабочих, охранявшие предприятия от криминала, усилившегося в стране после падения царской власти, роспуска полиции и освобождения преступников. Опекали Красную гвардию советы, стремившиеся иметь рычаги воздействия на Временное правительство. Само же правительство колебалось: от разоружения красногвардейских отрядов после июльских волнений в столице до их одобрения

во время подавления выступления Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. Именно в период Корниловского выступления в конце августа 1917 года в России началось массовое создание отрядов Красной гвардии, лидерами которых становились большевики или близкие к ним люди.

В конце августа 1917 года первый отряд Красной гвардии был создан и в Симбирске. Местом его создания был не старый город, а совершенно новая для того времени индустриальная часть Симбирска – Заволжский рабочий район, где шло строительство патронного завода, крупнейшего предприятия во всей губернии, с самой массовой базой рабочего класса в 1917 году – более двух с половиной тысяч человек.

А.Д. Дерябин и П.С. Дерябин.
Симбирск, 1917

Сейчас территория формирования симбирской Красной гвардии – это уже старейший ульяновский индустриальный микрорайон Нижняя Терраса, где с 1917 года сохранились офицерские деревянные дома на улицах Metallistov и Академика Сахарова, построенные для военно-начальствующего состава Симбирского патронного завода по проекту архитектора Ф.О. Ливчака с использованием пустотелого бетонного камня его системы для кладки фундаментов. Эти вековые дома – свидетели становления Красной гвардии Симбирского патронного завода.

Для консервативного Симбирска характерно, что главную роль в создании красногвардейского отряда сыграли не местные рабочие и не партийный комитет большевиков, которого в губернском центре в августе ещё даже не существовало, а несколько сотен

Один из сохранившихся до наших дней офицерских домов на ул. Metallistov

Красногвардейцы патронного завода в Симбирске И.Я. Сыромятников и А.Д. Дерябин

рабочих-петроградцев, направленных в Симбирск в 1916 году для создания важнейшего во время Первой мировой войны патронного предприятия.

Петроградцы жили новостями из революционной столицы. Известие о движении корниловских частей к Петрограду вызвало их реакцию. Как писал токарь механической мастерской патронного завода и десятский в красногвардейском заводском отряде Иван Яковлевич Сыромятников: «Рабочие, особенно петроградцы, требовали реальных действий. В эти дни у нас впервые заговорили о Красной гвардии. Инициатором и организатором первого красногвардейского отряда был Вавилов. Отряд в составе 30 человек, вооружённый кто чем мог, под командой Вавилова и Самарина, 29 августа выехал в Симбирск». Красногвардеец патронного завода А.Д. Дерябин отметил, что отряд из 30-40 человек был вооружён берданками и дробовиками.

29 августа 1917 года в Симбирске в городском саду (скорее всего, в Николаевском, ближайшем к Дому Свободы, где заседал Симбирский Совет) состоялось объединённое собрание советов, представителей профсоюзов, фабрично-заводских, ротных и полковых комитетов. На собрание прибыл первый отряд Красной гвардии Симбирска из рабочих патронного завода, заявивший о своей готовности выступить против корниловских частей. Возглавлявшие отряд Вавилов и П.Г. Самарин были заводчанами-петроградцами. Вавилов был кузнецом. Интересно, что о Самарине сведения разнятся. По воспоминаниям Дерябина, Самарин был токарем по металлу инструментального цеха; Сыромятников же о нём писал: «кажется, бухгалтер», «франтоватый и лихой парень».

После провала корниловского выступления влияние большевиков в стране стало усиливаться. Однако нельзя не упомянуть, что политические оп-

поненты большевиков – глава Временного правительства А.Ф. Керенский, лидер партии кадетов П.Н. Милюков, указывали и на германскую финансовую помощь как на фактор успехов большевиков. В Симбирске же, тем не менее, говорить об успехах большевиков не приходилось, вся их городская организация насчитывала в октябре 30 человек. Октябрьская революция обнаружила крайнюю слабость и неготовность симбирских большевиков. Рабочие-петроградцы патронного завода не скрывали своего негодования. И.Я. Сыромятников писал: «Наши заводские петроградцы не находили себе места и почём зря «крыли» Михаила Гимова, местного большевика, за то, что в Симбирске ещё не установлена Советская власть».

Симбирский патронный завод взял на себя инициативную роль – 3 ноября (по старому стилю) было проведено общезаводское собрание рабочих, было решено укрепить заводскую Красную гвардию, держать её в полной боевой готовности, задача была возложена на петроградцев Вавилова, Самарина, И.П. Рейникова, П.Ф. Лоханина. В отряд записались 70 человек. Небольшой отряд из строителей завода был создан техником Е.Я. Малаховским. Общая численность обоих отрядов превышала 100 человек.

В «Очерках истории Ульяновской организации КПСС» упоминалось, что красногвардейский отряд патронного завода пополнили даже «петроградские боевики». Реально ли это? И кто подразумевался под «петроградскими боевиками»? Возможно, на симбирский завод прибыла группа революционно настроенных рабочих из Петрограда.

В Заволжском рабочем районе, начиная с 3 ноября, установилась власть заводского рабочего комитета. В правобережном Симбирске после Октябрьской революции наступила патовая ситуация, перевес, однако, рано или поздно должен был оказаться на чьей-либо стороне. Беря пример с патронного завода, в правобережье также начали формирование красногвардейского отряда в составе двух взводов во главе с поручиком-большевиком И.Г. Новиковым. В отличие от рабочего отряда заволжцев, отряд Новикова был социально разнородным, что соответствовало социальному облику Симбирска. Как писал член Симбирского Совета рабочих депутатов А.Г. Степанов, в отряде Новикова были металлисты из небольших чугунолитейных симбирских заводов, некоторая часть железнодорожников,

ученики ремесленного, землемерного, реального училищ, гимназисты и даже банковские низшие служащие. Очевидно, антикапиталистические настроения в 1917 году проникли даже в цитадели капитализма – банки. Обращает на себя внимание факт, что в Красную гвардию вступала учащаяся молодёжь. Вероятно, возможность творить революционную историю захватывала дух молодых людей. Вступивших в Красную гвардию обучали обращению с винтовкой, строевой организации. Инструкторами были прошедшие военную службу люди.

Подталкивали создание отрядов Красной гвардии прокатившиеся по Симбирску в конце октября, после известий о низложении Временного правительства, «пьяные погромы», в которых участвовало значительное количество деморализованных солдат гарнизона. Для охраны порядка по инициативе Симбирской городской думы стали создаваться добровольные вооружённые отряды гражданской охраны. Становилось очевидным, что в Симбирске шла подготовка к вооружённой борьбе за власть и противостоящие стороны накапливали силы.

В губернский центр для пополнения Красной гвардии направлялись вооружённые рабочие-текстильщики, 20 человек привёл с Языковской суконной фабрики солдат А.Г. Князихин. Сызранский Совет прислал эскадрон. Для повышения боеспособности симбирской Красной гвардии необходимо было много вооружения. Красногвардейцы патронного завода отправили на Сестрорецкий оружейный завод за партией оружия делегацию во главе с И.П. Рейниковым, полагаясь на его петроградские связи. Сестрорецкий завод активно снабжал оружием петроградскую Красную гвардию. Результат для симбирских красногвардейцев оказался положительным – 4 декабря 1917 года Петроградский военно-революционный комитет разрешил провоз оружия с Сестрорецкого завода. 7 декабря на станцию Киндяковка прибыл вагон винтовок. 8 декабря вагон без паровоза перегнали через железнодорожный волжский мост красногвардейцы правобережья. В Заволжье новые винтовки были розданы отряду Красной гвардии патронного завода.

Об исторических событиях последующих дней, приведших к провозглашению советской власти в Симбирске и губернии 10 декабря 1917 года, написал И.Я. Сыромятников: «Ночью 9 декабря 1917 года красногвардейцы опять были

подняты по тревоге. Волга уже замёрзла, мы по льду перешли на городскую сторону. Во главе отряда Красной гвардии был Пётр Самарин. Как сейчас помню его: в венгерской курточке, в финской шапочке, с саблей на боку, с красной повязкой на рукаве. Он был весел и много шутил, видимо, для того, чтобы поднять наш боевой дух. Самарин повёл нас в гору рассыпным строем, с целью потренировать в военном отношении. Утром 10 декабря прибыли в бывший дом купца Медведева. Но это здание не было подготовлено для жилья <...> В ночь с 10 по 11 декабря власть в городе и губернии перешла в руки Советов. Наши красногвардейцы в эту ночь патрулировали у здания, где шло заседание Симбирского Совета». В воспоминаниях А.Д. Дерябина есть любопытная дополнительная подробность: на Симбирскую гору отряд поднялся Завьяловским спуском (спуск в конце бульвара Пластова).

Красногвардейцы правобережья и Заволжья были размещены в Доме Свободы (бывший губернаторский дом). На первом этаже расположился штаб Красной гвардии во главе с К.М. Антоновым, Рейниковым и Самариним. Красногвардейцы за службу получали хорошее вознаграждение. В январе 1918 года, как писал Сыромятников, из-за тесноты в Доме Свободы Красная гвардия Симбирска разместились в доме купца Медведева – имелся в виду дом С.В. Медведевой (ул. Гончарова, 19). Тем не менее у Дома Свободы красногвардейцы несли патрулирование. Однажды их там увидел генерал-

И.Я. Сыромятников и А.Д. Дерябин

майор военно-судебного ведомства в отставке, известный коллекционер А.В. Жиркевич, написавший в дневнике 10 января 1918 года: «Вчера утром, идя на почту, в первый раз видел «красногвардейцев» на улицах Симбирска. Это рабочие с местного патронного завода, в числе нескольких сот человек, явившиеся на помощь большевикам. Я видел их в качестве охраны Дома Свободы, разгуливающими по городу группами. Большинство – зелёная молодёжь, безусая, цветущая, одетая в тулупы с чёрным верхом, в чёрных папахах на головах, с заряженными винтовками в руках. Вид глупо-победоносный... Вчера «красногвардейцы» изумлённо, насмешливо оглядывали мою фигуру. А у меня и подкладка пальто, и канты на нём генеральские. В городе приход «красной гвардии» заставил всех ещё больше съёжиться. Все ждут резни, ограбления, бесчинств и всяческих насилий».

Красногвардейские отряды каждый день отправлялись на различные опера-

ции. Особо важные: роспуск городской думы, кадетского корпуса, занятие отделений банков, разгон оппозиционных демонстраций, аресты гласных думы, подозрительных офицеров, бандитов, подавление локальных мятежей, разоружение штабов гражданской охраны в Симбирске. Происходили нападения и на красногвардейские патрули в городе, например, 26 декабря 1917 года. Немало было тех, кто считал, что власть большевиков долго не продержится. 23 февраля 1918 года на Мартыновой улице штаб гражданской охраны оказал сопротивление красногвардейцам, произошло вооружённое столкновение, закончившееся арестом зачинщиков сопротивления.

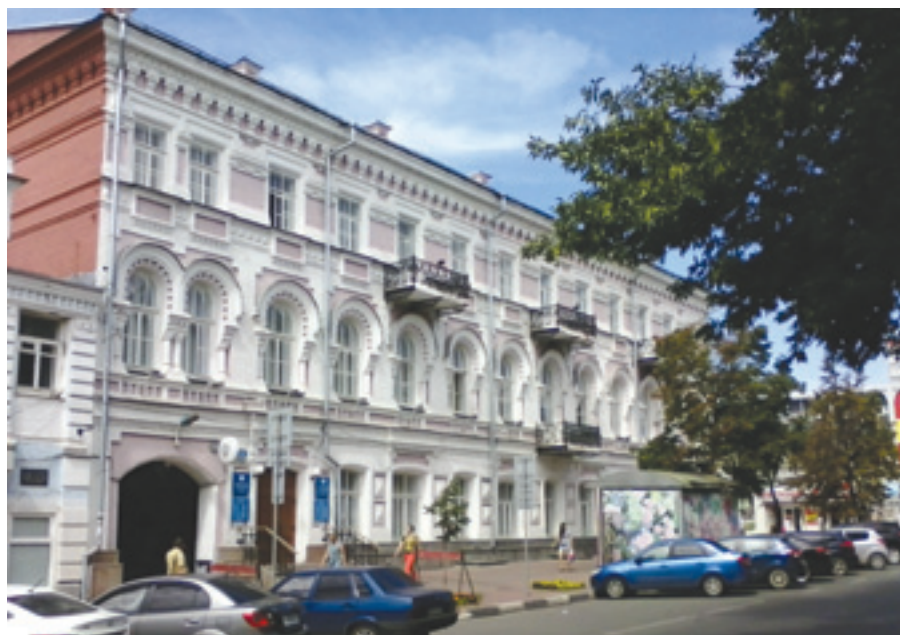
В марте 1918 года, после того как старые органы городской и земской власти были упразднены и заменены советскими, решением Симбирского Совета Красная гвардия была распущена, к этому времени её численность в городе достигла 400 бойцов. Как отмечал Сыромятников, большинство красногвардейцев вернулись на предприятия, небольшая часть вошла в состав 1-го Симбирского полка Красной армии. Были и те, кого комитет большевиков направил в советские комиссариаты. Например, Н.А. Белоусов из села Вырыпаевка, в 17 лет записавшийся в симбирскую Красную гвардию, был направлен в комиссариат земледелия, хотя окончил только низшую сельскохозяйственную школу. Таким образом, для некоторых людей участие в Красной гвардии послужило социальным лифтом.

Гражданская война, вскоре охватившая Поволжье, мобилизовала бывших красногвардейцев кого в Красную армию, кого в продотряды, в карательные части, подавлявшие крестьянские восстания. Люди, поверившие в 1917 году в лозунги большевиков и вложившие свой труд в дело установления советской власти, испили кровавую чашу жестокой братоубийственной войны до дна – это ужас того поколения.

Антон Долматов,

член Ульяновского регионального отделения Российского военно-исторического общества

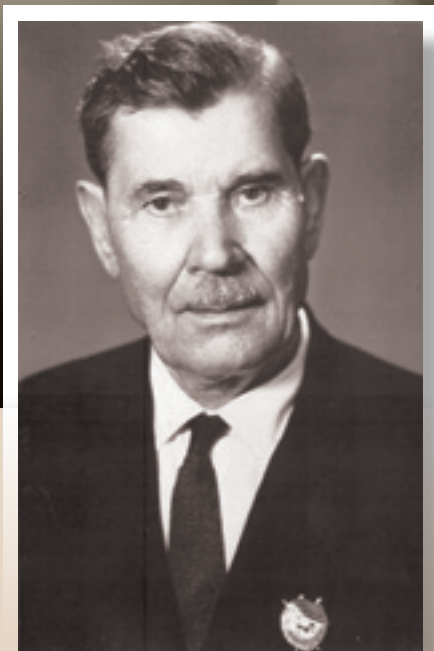
При подготовке статьи использованы документы ГАНИ УО, материалы сборника «За власть Советов: воспоминания участников Октябрьской революции в Симбирской губернии», дневник А.В. Жиркевича.

Дом С.В. Медведевой, где в 1917 году размещались отряды Красной гвардии

Фото предоставлено автором и ГАНИ УО

В.И. Ленин на Красной площади. Слева от него Тибор Самуэли, справа – секретарь Московского комитета партии В.М. Загорский, позади Н.С. Туляков

Н.С. Туляков

Моя встреча с Никитой Сергеевичем Туляковым произошла ранней весной 1967 года, когда я по его приглашению побывал у него в гостях, в квартире в Ананьевском переулке Москвы. Рассказ об этом человеке занял бы несколько десятков страниц, поэтому остановимся на самых важных этапах его жизни.

Солдат революции Никита Туляков

Деревенское детство

Улица Дурасовская в селе Чертановка Кузоватовского района 100 лет назад была самой длинной. Начиналась она от центральной площади, где находились Казанско-Богородицкая церковь, волостное правление, земская народная школа, больница, небольшие торговые ряды для еженедельных базаров, две каменных купеческих лавки и народный дом. Заканчивалась улица у самой околицы, где стояли общественные хлебные магазины (амбары) и где начинался почтовый Карлинский тракт.

Недалеко от околицы села жила семья Сергея Дмитриевича и Евгении Тимофеевны Туляковых. Евгения Тимофеевна была из большого крестьянского рода Терехиных. В апреле 1887 года в семье Туляковых родился сын Никита. По архивным документам удалось выяснить, что у Никиты были братья Фёдор, Николай, Степан, сестра Евфимия.

Через несколько домов от Туляковых жила семья крестьянина Михея Ивановича Козулова. Его дочь Татьяна в январе 1895 года вышла замуж за Фёдора Сергеевича Тулякова. Если Туляковы относились к наиболее бедной части крестьян, то Козуловы были несколько зажиточнее. Через семью Козуловых с Туляковыми породнилась семья Николая Петровича Ганина – его сестра

Евдокия в 1877 году вышла замуж за Александра Михеевича Козулова. Этот экскурс в семейную историю необходим для того, чтобы показать близость этих семей в воспоминаниях потомков. Фёдор Николаевич Ганин и Никита Сергеевич Туляков были не только ровесниками, но и одноклассниками по Чертановской земской народной школе.

Школу ни тому, ни другому окончить не пришлось, нужда заставила бросить учёбу и в девять лет пойти в работники: в Игнатовку пошёл наниматься Фёдор Ганин, в Загоскино – Никита Туляков. На этом закончилась не только их учёба в школе, но и совместное детство. Тихий и послушный Фёдор Ганин учился у местного мастера Родионова выделывать овчины, а Никита Туляков, парень живой и бойкий, стал подпаском при сельском стаде. Вскоре он самостоятельно перебрался в Симбирск, где некоторое время служил в колбасной лавке мальчишкой на посылах.

В конце XIX – начале XX века многие сельские мужики уходили на заработки в Самару, и Никита в свои 15 лет начал с братьями плотничать на сахарном заводе в большом селе Богатое Самарской губернии. Здесь он получил первый урок так называемой классовой борьбы: в 1905 году за участие в забастовке был уволен.

Школа революции

В 1912 году, пройдя срочную службу в артиллерии, демобилизованный солдат трудился столяром на Жигулёвском пивоваренном заводе в Самаре.

Через два года, в связи с началом войны, Туляков был призван в армию и направлен на передовую. В 1915 году под Варшавой был ранен и отправлен в тыл на лечение, после чего был определён на службу в Брест-Литовскую крепость. До отступления русской армии в глубь России из Брест-Литовска вывезли все тяжёлые крепостные и осадные орудия. Вооружение и личный состав крепости поступили в распоряжение командующего Московским военным округом. Для переоборудования крепостных и осадных орудий в обычные полевые пушки в Москве были созданы специальные мастерские тяжёлой артиллерии «Мастяжарт». К Февральской революции «Мастяжарт» представлял собой универсальный завод, где сборку и ремонт орудий вели силами рабочих, собранных из различных воинских частей.

В феврале 1917 года Н. Туляков в числе других солдат участвует в разоружении московской полиции и гарнизона одного из пехотных полков, получившего приказ выступить против уличной демонстрации.

Туляков избирается председателем объединения цеховых старост завода (к тому периоду на «Мастяжарте» работали более пяти тысяч рабочих и солдат), а также членом его исполкома, становится членом Московского Совета солдатских депутатов.

В мае 1917 года Никита Туляков становится членом большевистской партии. Это определило его дальнейшую судьбу. Всю жизнь член партии большевиков Никита Сергеевич Туляков был преданным её солдатом. В июне 1917-го Туляков – делегат Всероссийской конференции военных организаций РСДРП(б), проходившей в Петрограде. Здесь он впервые увидел В.И. Ленина. Осенью 1917 года многотысячный коллектив рабочих и солдат «Мастяжарта» вместе с вооружением поступают в распоряжение Московского военно-революционного комитета. Никита Сергеевич вспоминает: «26 октября телеграф принёс <...> радостную весть – в Петербурге победила социалистическая революция. <...> На следующий день мастяжартовцы все, как один, вооружились винтовками, пулемётами, гранатами. Меня, тогда совсем ещё

В.И. Ленин с группой командиров обходит фронт войск Всевобуча на Красной площади. Москва. 25 мая 1919 года

молодого большевика, избрали в революционный солдатский комитет и назначили командиром артиллерийского подразделения».

Чтобы победить в Москве, нужно было взять Кремль, в котором сосредоточились основные воинские части противника. Взять же Кремль без применения артиллерии было невозможно. Вновь обращаемся к воспоминаниям Тулякова: «Считая себя мобилизованными революцией, мы открыли депо, выкатили пригодные для стрельбы орудия и доставили их на огневые позиции. <...> к Андронинову монастырю <...>. Отсюда Кремль был виден как на ладони. <...> Команда. Первый выстрел. Снаряд разорвался на плацу Кремля, где проходил развод юнкеров. Когда прогремел второй выстрел, мы увидели, как Спасскую башню окутала густая пелена пыли. Как выяснилось потом, снаряд повредил часы и куранты, которые навсегда перестали исполнять «Коль славен».

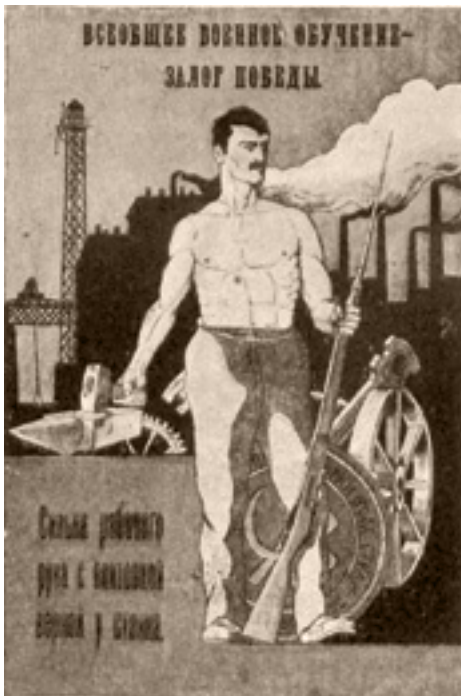
В ночь на 31 октября перестали сопротивляться Лефортовский кадетский корпус, затем Алексеевское юнкерское училище. Между полковником Ивановым и солдатом Никитой Туляковым произошёл разговор. Бывший преподаватель военного училища спросил: «Какое училище вы кончили, господин офицер? Я поставил бы вам высший балл за такую меткую стрельбу», на что получил ответ: «Я рядовой солдат. <...> Окончил всего лишь <...> сельскую школу <...> да ещё вот прохожу школу революции».

Всевобуч

Весной 1919 года Н.С. Туляков руководил созданием коммунистических отрядов особого назначения при МК партии. Вооружённые отряды рабочих создавались повсеместно, их готовили в рамках всеобщего обучения военному делу (Всевобуч), не отрывая от производства. 25 октября 1919 года было решено провести общий смотр войск Всевобуча на Красной площади. От Н.И. Подвойского Туляков получил приказ о выводе отрядов, которыми он командовал, на Красную площадь для участия в параде.

Это событие хорошо представлено в официальной прессе того времени. «Около полудня на Красной площади собрались все отряды Московского Всевобуча. Здесь же в полном составе и его штаб. Прибытие тов. Ленина встречается громкими приветственными кликами. Обойдя фронт, тов. Ленин обращается с речью к рабочим батальонам».

Более подробно об этом говорится в биографической хронике В.И. Ленина, изданной в 1976 году: «Ленин прибывает в 12 час. на Красную площадь на парад частей Всевобуча в связи с празднованием первой годовщины Всеобщего военного обучения, введённого декретом ВЦИК от 22 апреля 1918 г. В сопровождении штаба Всевобуча Ленин обходит по фронту строй рабочих батальонов, районных коммунистических отрядов, курсантов московских военных школ. После обхода войск Ленин выступает на открывшемся митинге с речью о роли рабочего класса в

Плакат революционного времени.
Худ. С. Мухарский

Революционный плакат неизвестного художника

защите социалистического отечества и международном значении Советского государства. «Когда мы смотрим на этот парад, – говорит Владимир Ильич, – мы становимся уверенными, что Советская власть завоевала сочувствие рабочих всех стран, что вместо международной войны будет установлен братский союз международных Советских республик». Далее выступает Тибор Самуэли – комиссар по военным делам Венгерской Советской республики.

В.И. Ленин по поводу военного обучения рабочих беседовал со многими сопровождающими его лицами, в том числе и с Н.С. Туляковым. Владимира Ильича «интересовало и как проходят занятия, в какое время, сколько раз в неделю, получают ли курсанты дополнительное питание», на что Никита Сергеевич отвечал: «Рабочие, Владимир Ильич, не жалуются, знают, что занятия необходимы, идёт Гражданская война, контрреволюция и интервенты рвутся к власти».

Комиссар и орденосец

Вскоре после встречи и разговора с В.И. Лениным, и по его рекомендации, Н.С. Туляков создаёт и возглавляет продовольственный отряд, который был направлен сначала в Тамбовскую губернию, затем в Воронежскую.

После выполнения этого задания Туляков был направлен в Красную армию. Учитывая боевой опыт, полученный в войну с Германией, преданность делу революции и организаторские способности, его назначают на политическую работу. Сначала Н.С. Туляков становится комиссаром полка, затем – дивизии.

На Польском фронте весной 1920 года он был награждён орденом Красного Знамени. В нашем распоряжении имеется копия временного документа о его награждении. Вот что в нём говорится: «Революционный Военный Совет 3-й Армии постановил присудить орден КРАСНОГО ЗНАМЕНИ за № 5106 Военному Комиссару 56 стрелковой дивизии Никите Сергеевичу ТУЛЯКОВУ за отличие в бою против врагов Социалистического Отечества 17-го августа 1920 года». Факт отличия Н.С. Тулякова заключался в том, что «при наступлении противника крупными силами на соседние части 56-й дивизии, которые <...> начали отступать <...>, тов. Туляков, видя тяжёлое положение частей дивизии и Штаба, по собственной инициативе взяв под своё командование Дивизионную школу и мелкие Штабные команды, своим умелым руководством и храбростью, во-

одушевляя красноармейцев, задержал наступление противника <...>. К этому времени подошёл Кавполк дивизии, который также был взят под руководство т. Тулякова, и новым натиском на противника последний был окончательно задержан, а отрезанные части, тяжёлая и лёгкая батареи дивизии, были выведены из окружения». Подлинные наградные документы находятся в музее Советской армии. Орден Никита Сергеевич получил в том же 1920 году вместе с Ф.И. Толбухиным.

Во время выступления кронштадтских моряков Туляков находился в Петрограде, здесь происходит ещё одна встреча с Лениным, во время которой, как вспоминает Никита Сергеевич, его и нескольких других товарищей по личному распоряжению Владимира Ильича направили работать на железную дорогу.

После Гражданской войны Н.С. Туляков длительное время находился на партийной, советской и хозяйственной работе. Но где бы он ни работал, никогда не забывал о родном селе Чертановка, о родственниках и друзьях. По воспоминаниям старожилов, в тяжёлом 1921 году, когда Никита Сергеевич работал в Народном комиссариате путей сообщения, односельчане ездили к нему в Москву с просьбой о том, чтобы дал он им два или три вагона для поездки в Ташкент за хлебом. Вагоны чертановцы получили, хлеб привезли, но на станции Майна их уже ждали представители местной власти... И всё же кое-что из хлебных вагонов успели мужики привезти в Чертановку, на смена хватило.

В качестве заключения

Крестьянского парня Никиту Тулякова судьба вознесла на такие жизненные высоты, о которых он и мечтать не мог. По заслугам он получал от новой власти многие высокие должности. Бурная школа революции, верным солдатом которой был он всю жизнь, не прошла даром: был Н.С. Туляков и кандидатом в члены ВЦИК, и депутатом Моссовета, и членом Московского Совета народного хозяйства, и председателем Бауманского райсовета. И всё это – с начальным образованием сельской школы. Посмотрите на его почерк и грамотность, которые имеют место на некоторых вырезках из газет, а также на обороте фотографии, подаренной в 1967 году пионерам одной из сельских школ Кузоватовского района.

Константин Новеньков

Комиссары огненных лет: вспомнить всех

Говорят документы

В 1917 году, 100 лет назад, Россия вступила в новый этап своего развития. Закончился период Российской империи и началась эпоха России советской. В Петрограде власть Временного правительства пала уже в октябре, а на территории Симбирской губернии установление советской власти происходило несколько дольше. Лишь 12 декабря 1917 года завоевание власти большевиками завершилось провозглашением власти Советов в Симбирске. Всем известны имена деятелей коммунистической партии, способствовавших свершению революции, – Иосиф Варейкис, Михаил Гимов, Александр Швер, Виктор Пеньевский, Михаил Крымов. Однако нельзя забывать и о тех, кто внёс вклад в дело становления нового государства в самых разных уголках губернии: простых крестьянах, рабочих, солдатах, рядовых партийцах.

В разных районных центрах губернии установление советской власти не происходило одновременно, что связано в первую очередь с тем, что вплоть до 1917 года она являлась одним из аграрных районов России, в наибольшей степени здесь сохранились пережитки крепостничества. Соответственно, не было широкой социальной базы для укоренения идей большевизма. В Карсуне и Ардатове, где рабочая прослойка была незначительной, большевики опирались главным образом на городскую и деревенскую бедноту, на революционных солдат местных запасных полков и прибывших на родину фронтовиков.

Одним из активных участников борьбы за власть Советов в Карсунском уезде был Владимир Леонтьевич Вишняков – фельдшер по образованию, в годы Первой мировой войны прапорщик 158-го запасного пехотного полка, стоявшего в Карсуне. Принципиальный и смелый, чутко относящийся к солдатам, он пользовался среди них большим авторитетом.

1 марта 1917 года, как только в Карсуне стало известно о победе Февральской революции и свержении царизма, батальон солдат пошёл вслед за большевиками Вишняковым и Бутыревым сначала на митинг, возникший на соборной площади, потом к тюрьме, чтобы арестовать её начальника, исправника и разогнать полицию. Солдаты действовали решительно. Они убили начальника полка – полковника Столярова, пытавшегося не пустить демонстрантов в здание полицейского управления.

Вместе с другими большевиками – членами Совета рядовыми Липкиным, Бутыревым, Солнцевым – Вишняков предпринимал попытки сколотить в Совете твёрдое ядро, которое могло бы действовать решительно, независимо от кадетско-эсеровского офицерства полка и его начальника Решетникова. Вместе они вели агитационную работу среди солдат, призывали к решительной борьбе за мир и власть Советов. Рост влияния большевиков среди солдат и гражданского населения вызвал ответные меры со стороны противников большевизма. Используя приказ военного министра Керенского об изъятии из армии вредных элементов, были проведены аресты солдат – членов Совета солдатских депутатов. В связи с этим 26 июня состоялись перевыборы Советов, в ходе которых Владимир Леонтьевич занял пост председателя Совета.

Современники отмечали, что под руководством Вишнякова Совет стал действовать более решительно и смело: была провозглашена выборность всех должностных лиц в полку, принято постановление о том, чтобы считать командира полка Решетникова отказавшимся от должности, в деревни и села уезда были посланы депутаты Совета, чтобы лучше узнать настроения крестьян и рабочих и укрепить с ними связь. Борясь за упрочение союза рабочего класса, крестьян и солдат, исполком Совета постановил избрать депутатов в Совет от крестьян, от волостей и по несколько человек от фабрик

Карсунского уезда.

Председатель Совета Вишняков всегда был в курсе общеполитических событий в стране и информировал о них своих товарищей, собирал их по вечерам в казарме, в комнате канцелярии роты.

Начальник штаба Казанского округа полковник Караулов в телеграмме от 1 августа 1917 года, адресованной военному министру, писал: «...с прибытием Вишнякова в Карсун налаженный порядок сразу нарушился. Он вносит полную дезорганизацию в жизнь полка, предназначенного отправлению на фронт, приказам округа не подчиняется, третирует командира полка, самовольно, без согласия командира полка и начальника гарнизона решил освободить от отправления на фронт три роты нестроевых, из коих формирует легион свободы». Представители Временного правительства в Карсуне уездный комиссар Дружицкий и начальник милиции Чернышев обратились к симбирскому комиссару Головинскому с просьбой немедленно убрать Вишнякова. 17 августа Владимир Леонтьевич был арестован, но депутаты Совета и солдаты Карсунского гарнизона, представлявшие собой многочисленные вооружённые силы, встали на защиту своего председателя.

Деятельность Вишнякова на посту председателя Совета получила высокую оценку со стороны солдат, рабочих и крестьян: они избирают его своим делегатом на II Всероссийский съезд Советов. В Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области хранится подлинник удостоверения, выданного Владимиру Леонтьевичу. Как известно, именно этот съезд провозгласил образование Советского государства, и был создан Совет народных комиссаров во главе с Владимиром Ильичом Лениным. Совместно с другими делегатами съезда Вишняков утверждал первые декреты советской власти – декреты о мире и о земле.

В самом Симбирске борьба за власть

Советов приняла осложнённый и затяжной характер. Эсеро-меньшевистские силы оказались здесь более многочисленными и сплочёнными, рабочие же – малочисленны. Многие из них были сосредоточены на мелких предприятиях кустарного типа. Глухое брожение и недовольство солдат войной по получению известий о свержении самодержавия вылились в бурные митинги и демонстрации. Солдаты стремились закрепить завоеванные свободы и 4 марта 1917 года избрали ротные и полковые комитеты.

5 марта 1917 года был избран в полковой комитет и Кирилл Мартьянович Антонов. А в апреле 1917 года он же вошёл в состав комиссии по организации

Кирилл Мартьянович Антонов – участник установления советской власти в Симбирске. 1917

Симбирского Совета солдатских депутатов, который и был организован в середине апреля 1917 года при огромном сопротивлении офицерского состава гарнизона.

В течение лета 1917 года не раз происходили стычки солдат с реакционным офи-

церством. Солдаты не желали воевать за чуждые им интересы и отказывались от отправки на фронт. Когда начальство всё же решило отправлять отдельные роты, то они разбегались в пути, и командование бригады, должествующей получать пополнение, жаловалось, что на фронт прибывают только списки да красные флаги с лозунгами «Война до победного конца».

В июле 1917 года в Казани ожидался приезд премьер-министра Александра Фёдоровича Керенского. Антонов был избран главой делегации для вручения Керенскому постановления полка об отказе выполнить его приказ о выступлении на фронт. Однако маршрут Керенского был изменён, и этой миссии не суждено было состояться.

Будучи ещё беспартийным, Кирилл Мартьянович по своим взглядам примыкал к большевикам. Среди большевистских агитаторов ему принадлежала не последняя роль. Из-за болезни горла он не был сильным оратором, голос у него был слабый, но его речи против войны, Временного правительства солдаты выслушивали с вниманием.

28 октября 1917 года Антонов был избран председателем Симбирского Совета солдатских депутатов, вёл активную борьбу с соглашательскими элементами Совета – Фавстрицким, Люстгартеном и другими. В конце ноября 1917-го Совет был освобождён от меньшевиков Чебоксарова, Шеленшкевича и вместе с Гимовым готовил переход власти в руки Советов: стягивали Красную гвардию с патронного завода в город, вербовали красногвардейцев из числа наиболее надёжных солдат гарнизона и текстильных фабрик. Кирилл Мартьянович лично руководил разоружением офицеров кадетского корпуса. В январе при переходе власти рабочих и солдатских депутатов вошёл в состав президиума Симбирского Совета рабочих и солдатских депутатов в качестве товарища председателя.

Вслед за Симбирском власть к Совету перешла в уездном Сенгилее. Организатором сенгилеевской большевистской группы в 1917 году стал Сергей Карпович Саблин. Именно им после свершения Февральской революции в Сенгилее был организован союз грузчиков. В марте 1917 года Сергей Карпович был избран делегатом Совета рабочих и солдатских депутатов, а в Совете – товарищем председателя и руководителем фракции большевиков.

Сергей Карпович Саблин – участник установления советской власти в Сенгилее

В обстановке преобладания в Совете на первых порах меньшевистско-эсеровского влияния возрождающейся группировке большевиков нередко приходилось предугадывать действия и срывать меры, предпринимаемые кадетами, меньшевиками и эсерами для торможения развития революции. Так, в апреле 1917 года большевистская фракция Совета сорвала попытку уездного комиссара Временного правительства и Комитета общественной безопасности поставить Совет под свой контроль. Накануне установления власти в Симбирске Саблин узнал о готовящемся общегородском митинге против взятия власти Советом. Собрав торговцев, домовладельцев, чиновников, проэсеровски настроенных и колеблющихся солдат, а также небольшое количество

солдат, противники революции стали требовать разгона Совета, а некоторые даже ареста его членов.

Сообщив о контрреволюционном сборище членам Совета, Сергей Карпович пришёл на митинг и потребовал слово. Организаторы митинга не решились отказать, однако толпа встретила его свистом и угрожающими криками. В конце концов кто-то из контрреволюционеров забрался на трибуну и, сбросив Саблина вниз, пытался избить его. Присутствующие на митинге рабочие и часть солдат вырвали его из рук разбушевавшихся обывателей. У трибуны завязалась драка. Саблин был спасён от расправы, а митинг был сорван. На следующий день, 13 декабря, Сенгилеевский Совет осуществил своё решение о взятии власти. Начались разгон и ликвидация старых учреждений, служивших Временному правительству, установление народной власти рабочих, крестьян и солдат.

Эти и многие другие факты о революционных событиях в Симбирской губернии стали известны благодаря сбору воспоминаний участников Февральской, Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской войны в 1950-1960-х гг. при подготовке к празднованию 40-летия и 50-летия свержения царского правительства и установления советской власти.

К 100-летию Великой Российской революции сотрудниками Государственного архива новейшей истории Ульяновской области был вновь исследован значительный пласт текстовых и фотодокументов. Дальнейшее изучение этих источников позволит судить о жизни участников революции во время и после судьбоносных событий. Прилагаемые к воспоминаниям фотографии текстовых документов решают проблемы ограниченности источниковой базы региональных государственных архивов. Более того, полнота и содержательность описания революционных событий дают возможность заполнить белые пятна, восстановить некоторые детали не только по истории революционных событий 1917 года, но и в исследованиях, посвященных другим вопросам региональной истории.

Рената Ильязова,

ведущий архивист отдела использования, публикации документов и НСА Государственного архива новейшей истории Ульяновской области

Статья подготовлена по материалам воспоминаний участников революционных событий 1917 года Государственного архива новейшей истории Ульяновской области

Иван Степан Карпович
 год рождения 1888 (август м-ч)
 Удостоверение
 1917 года.
 Перед самым началом революции
 в течение 4-х лет я находился
 в городе Бийск в уездной коменданте
 у меня хорошо выжилось в
 то время ветеран проверки
 нем-боже храм Царя -
 законным кель и разошлись
 по казармам. В 12-е ночи
 вдруг всякая тревога. Все
 поспришлось (какие ни-его
 не знаю) вышел начальник
 коменданте - Козлов и
 один в руке -

Список
 Участников Гражданской войны в Удмуртской области Октябрьской Социалистической революции по (областной) под/совету

Ф.И.О.	Отчество	Пол
Акифьев Семён Егорович		Муж
Козлов Антон Фёдорович		Муж
Шевцов Петр Захарович		Муж
Николай Вас.		

С.Е. Акифьев

М.И. Пыренков

Р.С.С.С.Р.
 102
 По вост. Бийской
 дано сие...
 А. Карпову...
 его как...
 Основание: приказ Врк...
 Ком. полк. ...

Свидетели революции

Готовясь к 60-летию Великой Октябрьской Социалистической революции, партийное руководство Николаевского района Ульяновской области, наряду со многими другими мероприятиями, затеяло кампанию по сбору информации о жителях района – участниках событий революции и Гражданской войны. К этому делу подключили сельсоветы, школы, учреждения культуры. Опрашивали родственников ветеранов, записывали воспоминания живых участников революции. Некоторые ветераны собственноручно изложили на бумаге свои воспоминания.

Эти заметки, написанные сорок лет назад, вобрали в себя опыт лет, прожитых в советскую эпоху, и не претендуют на историческую точность. И всё же это ценные исторические документы, которые помогают нам получить представление о мыслях и чувствах наших земляков – простых, зачастую малограмотных людей, оказавшихся участниками событий тех лет.

Строго смотрю

Перед самым началом революции я находился в городе Баку в учебной команде. У меня хорошо осталось в памяти, как мы во время вечерней проверки пели «Боже храни царя». Закончили петь и разошлись по казармам. В 12 часов ночи вдруг военная тревога. Все построились (никто ничего не знал), вышел начальник учебной команды Козлов, с ним ещё был один в гражданской одежде. Они нас повели на станцию. Получили мы указание по приходу поезда встать у каждого вагона вооружёнными. Подошёл поезд. Я встал у двери одного вагона. Стою и строго смотрю. И вдруг из этого вагона выходит человек высокого роста, седой – его арестовали. Это был начальник гарнизона города Баку. Вот это я хорошо помню до сих пор.

Ещё у меня в памяти осталась Эстония. Я там был контужен. Потом я там заболел тифом. Меня доставили в Москву, где я пролечился 6 месяцев. Эту больницу я никогда не забуду. Здоровье моё было очень плохое. В один вечер я потерял сознание, и казалось, что я мёртв. Подошли 2 медсестры и хотели меня вынести в морг. Но в это время их срочно вызвал врач, и они ко мне подошли только через час. Я в это время раздышался. И до сих пор дышу. Мне 90 лет. Когда я возвратился с фронта, меня ни жена, ни дети не узнали. У меня была борода, я был худой, голодный. Да многое можно было рассказать, но это даже тяжело вспомнить и невозможно всё описать.

С тех пор прошло 60 лет. Я живу и смотрю на жизнь. Как всё изменилось, как стал хорошо жить народ по сравнению с тем временем. Спасибо партии и правительству за заботу, за обеспечение нашей старости. За 90 лет я многое повидал.

Степан Карпович Паклин,
1888 года рождения

Раненых много, медработников мало

Я родился в бедной крестьянской семье. Отец рано умер, когда мне было 6 лет. До призыва в армию я работал с братьями: на железной дороге, пахал, боронил, сеял в качестве работника у богатых крестьян.

В 1915 году взяли меня в царскую армию, попал я на фронт, но по болезни был комиссован на три месяца. Выздоровев, я поступил учиться в Сызранскую военную школу фельдшеров при Сызранском местном лазарете. Окончил её 30 ноября 1917 года. В это время свершилась наша Октябрьская революция. Мы сразу почти всей школой пошли за революцию, за Ленина и Октябрь.

А в скором времени началась Гражданская война. Я был мобилизован на восточный Колчаковский фронт. Оттуда был отозван в город Сызрань в 145-й головной эвакогоспиталь. Там было много раненых и больных сыпным тифом красноармейцев. А медработников было мало.

Недолго пришлось проработать мне в госпитале. Отправили меня на Польский фронт. Там я был и фельдшером, и воином-пулемётчиком. По ликвидации Польского фронта отправили меня на Врангелевский фронт со 102-м полком 12-й дивизии. Били мы беляков до 1921 года, а в январе 1921 года был бой с белыми бандами под Кривым Рогом, где меня контузило, и я был отправлен в госпиталь в Киев, где пролежал 4 месяца, а по комиссии вернулся домой в село Канадей.

Семён Егорович Акифьев,
1894 года рождения

Слово «революция»

Мне пришлось быть участником Февральской буржуазно-демократической революции в Петрограде в 1917 году. Я был мобилизован в армию в 1916-м, в мае месяце, и зачислен в 180-й запасной пехотный полк на Васильевском острове в Петрограде.

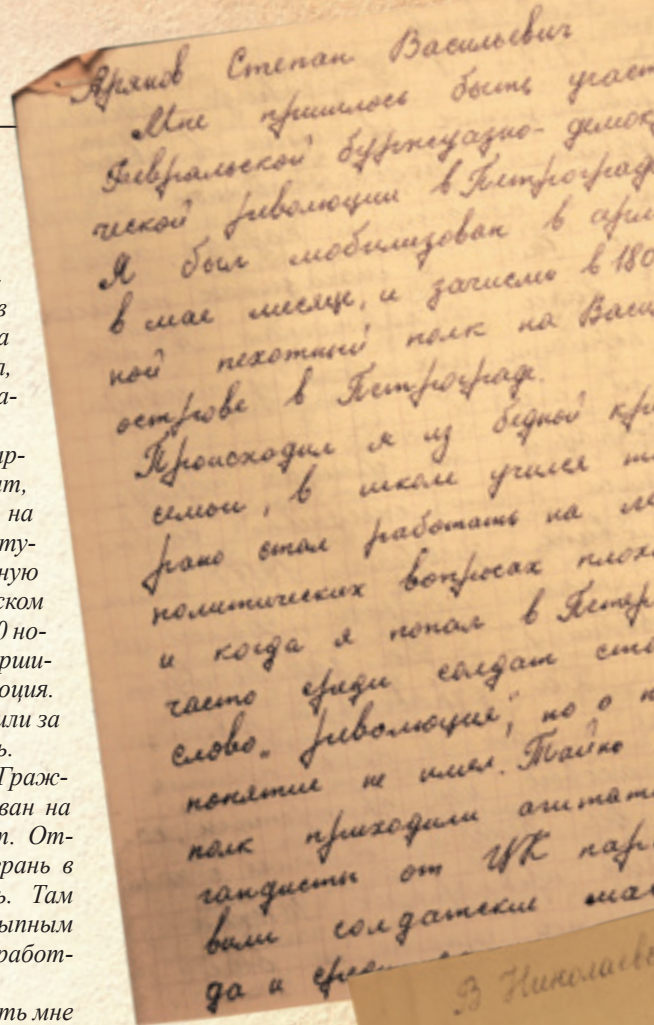
Происходил я из бедной крестьянской семьи, в школе учился только 3 недели, рано стал работать на лесозаводе, в политических вопросах слабо разбирался, и когда я попал в Петербург, то часто среди солдат стал слышать слово «революция», но о ней я сначала понятия не имел. Тайно к нам в полк приходили агитаторы и пропагандисты из ЦК партии и готовили солдатские

массы к революции, да и среди самих солдат было немало большевиков.

Зимой 1917 года в Петрограде усилилось революционное движение в связи с ухудшением продовольственного и материального положения народа, хлеба часто не было в магазине по несколько дней, даже по карточкам. А нас стали кормить похлёбкой из чечевицы и гнилой селёдки.

Во второй половине февраля 1917 года демонстрации на улицах города происходили почти ежедневно. Демонстранты несли лозунги: «Долой царя-кровопийцу», «Да здравствует свобода», «Да здравствует революция».

26 февраля к нам в полк пришли рабочие, часовые их пропустили, командиры все бежали, остался с нами только один прапорщик Тюкин (как после мы узнали, он был большевиком). Солдаты многим рабочим дали винтовки, и все вместе мы вышли на улицы города.

...и...
 ...1917г...
 ...1916г...
 ...запас...
 ...Шаньчжоу...
 ...1915 году...
 ...1918 году...
 ...1919 году...
 ...1920 году...
 ...1921 году...
 ...1922 году...
 ...1923 году...
 ...1924 году...
 ...1925 году...
 ...1926 году...
 ...1927 году...
 ...1928 году...
 ...1929 году...
 ...1930 году...
 ...1931 году...
 ...1932 году...
 ...1933 году...
 ...1934 году...
 ...1935 году...
 ...1936 году...
 ...1937 году...
 ...1938 году...
 ...1939 году...
 ...1940 году...
 ...1941 году...
 ...1942 году...
 ...1943 году...
 ...1944 году...
 ...1945 году...
 ...1946 году...
 ...1947 году...
 ...1948 году...
 ...1949 году...
 ...1950 году...
 ...1951 году...
 ...1952 году...
 ...1953 году...
 ...1954 году...
 ...1955 году...
 ...1956 году...
 ...1957 году...
 ...1958 году...
 ...1959 году...
 ...1960 году...
 ...1961 году...
 ...1962 году...
 ...1963 году...
 ...1964 году...
 ...1965 году...
 ...1966 году...
 ...1967 году...
 ...1968 году...
 ...1969 году...
 ...1970 году...
 ...1971 году...
 ...1972 году...
 ...1973 году...
 ...1974 году...
 ...1975 году...
 ...1976 году...
 ...1977 году...
 ...1978 году...
 ...1979 году...
 ...1980 году...
 ...1981 году...
 ...1982 году...
 ...1983 году...
 ...1984 году...
 ...1985 году...
 ...1986 году...
 ...1987 году...
 ...1988 году...
 ...1989 году...
 ...1990 году...
 ...1991 году...
 ...1992 году...
 ...1993 году...
 ...1994 году...
 ...1995 году...
 ...1996 году...
 ...1997 году...
 ...1998 году...
 ...1999 году...
 ...2000 году...
 ...2001 году...
 ...2002 году...
 ...2003 году...
 ...2004 году...
 ...2005 году...
 ...2006 году...
 ...2007 году...
 ...2008 году...
 ...2009 году...
 ...2010 году...
 ...2011 году...
 ...2012 году...
 ...2013 году...
 ...2014 году...
 ...2015 году...
 ...2016 году...
 ...2017 году...

Все улицы были заполнены народом. В Петрограде революция шла полным ходом. Наш полк целую неделю ходил по городу, а 27 февраля царя объявили свергнутым. Контрреволюционеры с чердаков, из окон домов временами бросали гранаты. Стреляли из пулемётов и винтовок.

В Петрограде мне пришлось участвовать во встрече В.И. Ленина. Когда он приехал в Россию 3 апреля после революции и выступил с речью с броневика. На эту встречу собралось много тысяч людей, но несмотря на такую большую толпу народа, даже задние ряды слышали его слова хорошо, так как стояла такая тишина, когда он произносил речь. Ленин говорил, что царя свергли, но это ещё только начало. Это ещё не социалистическая революция. Нам надо свергнуть буржуазию, помещиков, революция ещё впереди.

В июле 1917-го я был демобилизован домой, потому что был ранен одним контрреволюционером гранатой во время охраны Николаевского моста.

В феврале 1918 года был мобилизован в Красную армию на Гражданскую войну в 11-й отдельный Саратовский полк железнодорожной обороны. Мы должны были охранять дороги от Ртищева до Балашова. На наш штаб в селе Аркадак на реке Хопер делали нападения денкинские разведчики. Здесь я служил 6 месяцев, после заболел тифом и был демобилизован.

Степан Васильевич Аряпов,
 1896 года рождения

«Генералам советская власть не понравилась»

После свержения царя было Временное правительство. Оно состояло также из царских министров, оно не было

за рабочих и крестьян. Во главе стоял министр Керенский. Тогда большевики стали организовываться для свержения Временного правительства, и под руководством товарища Ленина Временное правительство было свергнуто, и большевики взяли власть в свои руки. Война Империалистическая длилась тоже около четырёх лет. Воевать солдатам надоело, да она и была не в интересах рабочих и крестьян, и тогда большевики заключили мир с Германией.

Царским генералам советская власть не понравилась, и они стали организовывать своё войско. Как генерал Корнилов на западе, генерал Юденич [Юденич] на юге, Дутов и Колчак на востоке из бывших офицеров, бежавших помещиков и несознательной массы. В то время была организована Красная гвардия. А войска интервентов всё ближе двигались к Москве, дошли до центра России, и Красная гвардия не могла уже справиться с войсками белогвардейцев. И тогда советское правительство в 1918 году стало делать мобилизацию. Красная гвардия 23 февраля 1918 года была переименована в Красную армию. И после этого стали полки, дивизии и армии. Нашлись хорошие полководцы, как Якир, Тухачевский, Фрунзе, Ченай [Чапаев], Ворошило [Ворошилов], Будены [Будённый], Гай. И тогда началась настоящая Гражданская война, и стали громить белогвардейские войска. <...>

Гражданская война также не обходилась без жертв. Белогвардейцы при своём наступлении проявляли большие зверства. Сельсоветских, партийных работников, активистов забирали, сажали в тюрьмы, а по ночам расстреливали и бесчеловечно расправлялись с красноармейцами. В 1920 году при освобождении Оренбурга лично видел плакат: группу расстрелянных красноармейцев. Днём во время боя угодили в плен, а в морозную ночь вывели за город – в одном нательном белье и носках – и расстреляли. На плакате была надпись: Стоп. Читай. Гляди и удивляйся.

После разгрома Колчака на востоке нашу дивизию перебросили на юго-запад для разгрома войск Юденича. Красная армия и там проявила свои героизм и отвагу.

Михаил Иванович Пыренков,
 1895 года рождения

Публикацию подготовил
 Радий Губайдуллин
 по материалам из фондов
 Николаевского районного музея

Я.В. Глинка: Одиннадцать лет в Государственной думе

О судьбе Якова Васильевича Глинки, которая в 1938 году привела его в Ульяновск, начала рассказывать Валентина Костягина в статье «Театр на все времена» («Мономах» № 3 (99) за 2017 год). Напомним лишь, что ко дню зачисления в штат Ульяновского драматического театра за плечами Якова Васильевича было 11 лет службы в Государственной думе Российской империи. С 1906-го по 1917 год он фактически возглавлял рабочий аппарат думы – канцелярию и, несомненно, играл важную роль в работе первого российского парламента. Сегодня мы публикуем отрывки из воспоминаний Я.В. Глинки «О Февральской революции и последующем жизненном пути». Работать над ними он закончил в 1950 году в Ульяновске, буквально в последние месяцы жизни.

Я.В. Глинка в рабочем кабинете

Революция в разгаре. Войска с распущенными знамёнами перед Таврическим дворцом, члены Государственной думы с подъезда говорят речи. Начальник караула у Таврического дворца, пытавшийся не пропустить к дворцу (Государственной думе) толпу, ранен. Из Ставки в Петроград направлены отборные воинские части. Они были задержаны тем, что на подступах к Петрограду был разобран железнодорожный путь. Навстречу стягивающимся к Петрограду войскам выезжали члены Государственной думы и, разъясняя им положение, добивались того, что и эти части прибывали к зданию думы и изъявляли свою покорность революции.

<...> Совет рабочих депутатов в 5 ч. дня 28-го переехал в Таврический

дворец, заняв его правое крыло, где помещалась бюджетная комиссия Государственной думы. У дверей как Думского комитета, так и Совета рабочих депутатов стояли караулы воинских гвардейских частей. В большом зале Таврического дворца большой непрерывающийся митинг. На огромной бочке, изображающей трибуну, матрос произносит горячую речь, рядом с ним мы видим Родзянко.

Царь сообщал, что он готов дать ответственное министерство, и, получив ответ, что теперь это уже поздно, решил ехать в Петроград. На станции Бологое Николаевской железной дороги жандармский полковник предупредил Николая, что ему сейчас ехать в Петроград небезопасно, почему Николай II решил вернуться в Ставку свою в Могилев. Но и это ему не удалось, так как по распоряжению Думского комитета и с согласия Совета рабочих депутатов его поезд крейсировал некоторое время между Бологое и станцией Дно, а потом пригнан был на станцию Псков, где и последовало отречение царя от престола. Много было споров, кому ехать в Псков для получения этого акта. Левые не доверяли октябристам, а октябристы боялись резких эксцессов со стороны левых. Поехали за отречением октябрист Гучков, который, как говорили, мстил этим Николаю за его отношение к нему в бытность его председателем думы, и

Общий вид здания Государственной думы

Зал заседания Государственной думы

ёт на Украине. Я проживал с семьёй на хуторе в 12 верстах от города Житомира. Украина тяжело переживала переходный период, пока окончательно там не утвердилась советская власть. Мы пережили там жуткий бандитизм в связи с оставлением войсками фронта, Украинскую раду, нашествие немцев гетмана Скоропадского. <...>

Жизнь на Украине становилась тревожной. За короткий период времени мы пережили и безвластие, и 21 перемену власти. Бывали дни, когда, просыпаясь, вы узнавали, что в городе новая власть. Прошёл со своими полчищами Петлюра, прошли польские войска. Периодически захватывали власть большевики. На моём цензовом для земства (100 десятин) хуторе я проживал в полном мире и согласии с окрестными крестьянами, которые после земельной реформы наделили и меня с семьёй по количеству душ 8 десятинами. Советская власть не сочла возможным оставить меня проживать в этом районе, и я должен был покинуть хутор и переселиться в город Житомир. Явилась забота об изыскании средств существования. Семья была многочисленная – жена, четверо детей, мать, сестра моя и сестра матери, итого 9 человек. Жена ходила по деревням, изыскивая провиант, а я со старшей дочерью стал ходить на поденщину. Недалеко от нас находилось здание Дворянского собрания, которое приспособляли под Дом просвещения. Я попал на работу по устройству сада при нём в качестве землекопа. Засим строил деревянную ограду, а потом поступил в артель плотников, которые ремонтировали здание, и когда приступили к постройке сцены, представил план и был назначен начальником строительства. <...> Любя театр с детства, я <...> с большим интересом принялся содействовать этому делу, оформляя спектакли. Мои успехи на этом поприще послужили основанием назначить меня художником красноармейского театра в Житомире, а когда ЧК решило строить 2-й театр в Житомире и эксплуатировать его, я был назначен его строителем, а засим назначен художником этого нового театра. Я выполнял обязанности и машиниста сцены, и инспектора сцены, помощника режиссёра и даже суфлёра, оставаясь всё время в своей основной роли художника.

С этого времени начинается моя вторая жизнь, ничего общего не имеющая с моей прежней деятельностью. Я вступаю в семью артистов и всей душой отдаю искусству. Я обрёл своё призвание...

правый националист Шульгин. Почему Шульгин? Тут, как мне кажется, сыграло роль то обстоятельство, что Шульгин был редактор газеты «Киевлянин».

Вся царская семья была перевезена в Царское Село и поселена во дворце под охраной. В то же время в Петрограде растерявшиеся члены Государственной думы бездействовали. Образовались молодёжные бригады, которые по своей инициативе являлись к министрам, арестовывали их и препровождали их в думу. Там их помещали в Правительственный павильон. В министерства были откомандированы комиссарами члены Государственной думы, при них состояли чины Канцелярии Государственной думы. Много и долго думали, что делать с арестованными министрами. Положение Родзянко было затруднительно, но и здесь он нашёлся.

В думе был член Государственной думы Керенский от партии социалистов-революционеров. Неврастеник, адвокат по профессии, он горячо проносил свои речи, производил впечатление на женский пол и доставлял большое неудовольствие сидящим под кафедрой оратора стенографам, обрызгивая их пенящейся у рта слюною. Многие считали его кретином. Он находился под негласным надзором полиции. Это последнее обстоятельство дало Родзянко основание сказать: «Он (Керенский) их не любит и пускай с ними расправляется. Назначим его комиссаром юстиции». Керенский был в восторге и много пережил, пока удостоился разрешения на это своей партии.

Меня назначили управляющим делами временного Комитета членов Государственной думы. Комитет не имел никакой самостоятельности. Все его решения и принимаемые меры должны были получить санкцию Совета рабочих депутатов. Получалось двоевластие. Настала необходимость сформировать кабинет министров. В него вошли: Гучков – военный министр, Милуков – министр иностранных дел, Шингарев – министр земледелия, Годнев – государственный контролёр, Керенский – министр юстиции, Львов – министр внутренних дел, В. Львов –

обер-прокурор Св. Синода.

Меня упрашивали принять должность управляющего делами Совета министров. Я категорически отказался от этого предложения и согласился взять на себя эти обязанности впредь до подыскания подходящего человека; вскоре был назначен на это место В. Набоков, а меня, невзирая на мои протесты и нежелание, назначили сенатором. На первом же заседании Совета министров, на котором мне пришлось присутствовать, меня поразило то, что первым был поставлен вопрос об уничтожении Государственной думы как учреждения, то есть сами вырвали у себя из-под ног фундамент, на который могли опираться. Они сами себя назначали, сами себя увольняли.

Под давлением обстоятельств очень скоро из состава Совета министров вынуждены были уйти Гучков и Милуков. Премьером и военным министром был назначен Керенский. 1 мая я прибыл к нему как министру юстиции представляться по случаю назначения меня в Сенат и тут был свидетелем его телячьего восторга по случаю его назначения военным министром. Чем руководились, о чём мечтали и чего хотели достигнуть все эти люди, непонятно. Ясно одно, что все эти уродливые явления, все эти люди ничтожные не способны были создать что-либо положительное, и их роль сводилась к выжиданию того момента, когда появится новый хозяин, с ясными планами и твёрдой волей, и могучим порывом сметёт всё старое до основания, чтобы строить новую жизнь.

После волнующей, кипучей и подвижной деятельности за последние 12 лет попасть в Сенат равносильно тому, как после шумной жизни большого света угодить в монастырь. Меня не тешило, что я в сравнительно раннем возрасте (47 лет) достиг высших ступеней государственной службы и сдан как бы в архив. Не видя смысла дальнейшего пребывания на службе, я воспользовался вакантным в Сенате временем (июль), уехал на Украину, где находилась моя семья, и решил твёрдо больше не возвращаться к месту моей службы.

Октябрьская революция меня заста-

А.Ф. Керенский.
1917

1917 год является одним из важнейших рубежей в российской истории. На судьбоносные события этого года оказали влияния два политических деятеля, родившиеся в нашем Симбирске – Александр Фёдорович Керенский и Владимир Ильич Ульянов. И тот и другой исходили из идеи общего блага. Каков же был результат их деятельности после того, как они возглавили временные правительства России, и шире – каковы были последствия Февраля и Октября 1917 года?

В.И. Ленин в Кремле.
1918

Симбиряне Керенский и Ульянов в 1917 году и в истории России

Понимание и оценка тех событий неоднозначны. В советской историографии: в России в 1917 году было две революции – Февральская буржуазно-демократическая и Октябрьская социалистическая. Причём для историков-марксистов основное – это октябрь 1917-го, когда, по их версии, произошла первая в мире социалистическая революция. В российской: возобладало мнение, что в 1917-м была одна революция с двумя фазами – политической и социальной. Хронологические же рамки «Великой революции» расширились с нескольких октябрьских дней до 1920-го или 1922 года (а иногда до 1930–1932, и даже 1937–1938 годов). Из этого исходят и историки «центра» при написании крупных работ, посвящённых российскому XX столетию, и региональные историки в ходе своих размышлений в связи с юбилейным годом. В современной зарубежной историографии в революционный процесс в России включаются события 1902–1922 или 1904–1934 годов.

Какие последствия имела Февральская революция 1917 года? Основное – положила конец самодержавию и дала новый импульс либерально-демократическому развитию России.

Правительство, которое с 7 (20) ию-

А.Ф. Керенский

новить форму правления и конституцию страны). Однако основой своей политики оно с самого начала провозгласило проведение демократических преобразований в России.

И в самый короткий срок страна становится демократической и свободной: уже 3 марта 1917 года была провозглашена полная и немедленная амнистия по всем делам – политическим и религиозным; были отменены смертная казнь, военно-полевые суды, каторга, ссылка; объявлялась свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек, отмена всех сословных, конфессиональных и национальных ограничений. Принимается закон о завершении земской реформы (кроме губернских и уездных, создаются волостные земства). Выбо-

ры возглавил А.Ф. Керенский, сменив на посту министра-председателя Георгия Львова, было лишь временным обладателем власти (главной его задачей была подготовка созыва Учредительного Собрания, призванного уста-

ры в Учредительное собрание должны были осуществляться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, по партийным спискам. Все эти положения конкретизировались соответствующими законами и постановлениями. В России предпринимается попытка установления модели либерально-демократического правового государства с присущими ему фундаментальными правами и свободами личности.

Иначе говоря, Февраль 1917 года – проявление либерально-демократической альтернативы в истории России, наряду с общинно-полицейской системой Древней Руси, республиканско-вечевыми Новгородом и Псковом, отменой крепостного права и реформами 1860–1870-х годов Александра II, революционными трансформациями 1905–1907 годов и Горбачёва – Ельцина второй половины 1980-х – первой половины 1990-х.

Октябрьский переворот 1917 года – консервативная реакция на либерально-демократическую тенденцию развития российского социума, проявившуюся в Феврале.

Что последовало после прихода к власти партии во главе со своим вождём Лениным, коммунистическая доктрина которой выражала и доводила до крайности тенденцию усиления вла-

сти государства в российском социуме?

В экономике: «красногвардейская атака на капитал», «военный коммунизм». Эта политика большевиков привела к ликвидации не только элементов рыночной экономики, но и

В.И. Ульянов

товарно-денежных отношений, сверхцентрализму управления («главизм»), утверждению, основанному на монополии государственной собственности, централизованно-распределительной экономической системы, не учитывающей экономическую мотивацию к труду, а также к полному разорению страны. Эта экономическая политика, проводимая большевистской партией во главе с Лениным, вызвала не только Гражданскую войну, но и антикоммунистическую крестьянскую войну 1920–1921 годов.

В политике: однопартийная диктатура, умаление роли конституционных органов – советов – партийными и чрезвычайными органами, стремление к регламентации всех сторон общественной жизни. В ноябре 1917 года Совнарком декретом запретил созывать Всероссийский земский съезд,

а в январе 1918 года земства всех уровней были распущены. Тогда же разогнано Всероссийское Учредительное собрание. Выборы в Советы были не только не всеобщими и не равными, но и не прямыми (многоступенчатыми), не тайными. По Конституции РСФСР 1918 года (июль) один голос рабочего приравнивался к пяти голосам крестьян, от выборов отстранялись интеллигенция, предприниматели, духовенство (они становились «лишенцами»). В ней четко определялась сущность советского государства как государства диктатуры пролетариата, беспощадно подавляющего и уничтожающего другие классы и слои. Права и свободы индивида рассматривались не как естественные и неотчуждаемые, а как получаемые от

пролетарского (советского) государства и как отнимаемые им же у отдельных лиц и групп, если права «используются в ущерб интересам социалистической революции». Конституция 1918 года игнорировала сферу личной свободы индивида (неприкосновенность личности, жилища, тайну переписки и т.д.). Тоталитарный режим полностью попирает политические и личные права и свободы граждан. Социально-экономические права во многом имели декларативный характер. Запрет частной собственности, предпринимательства и сосредоточение почти всей собственности на средства производства в руках государства означали принципиальную ограниченность экономических прав советских граждан.

Антицерковная политика ленинской партии способствовала тому, что только за 1918 год было расстреляно 3 000 священнослужителей. С первых дней прихода к власти террор большевика-

при Петре I, с полицейским государством при Николае I, контрреформами 1880-1890-х гг. при Александре III, становлением при Ленине и утверждением при Сталине крайней формы этакратической – коммуно-советской тоталитарной системы.

Итак, неисторично события Февраля и Октября 1917 года, выразившие две альтернативы не только 1917 года, но и всей истории российского социума в его государственный период, объединять в рамках единой «революции 1917 года» или «великой российской революции».

Революция была в Феврале 1917 года, а в Октябре 1917 года – контрреволюция: все, что последовало за ним, не только противодействовало выходу из этакратической и переходу к либеральной общественной системе, но и способствовало становлению в российском социуме крайней формы этакратической системы – тоталитарной.

Наличие двух типов социальных систем в истории человечества было выявлено ещё мыслителями XVII–XVIII столетий (например, Ф. Бернье, Ш.Л. Монтескье). В терминах Нового времени – Восток, Запад. Антиподов не столько географических, сколько социальных. Из билинейного подхода к историческому процессу (нелинейная парадигма интерпретации истории человечества) следует, что на его «государственной» стадии социальные системы могут быть двух типов: «этакратического» (от фр. etat – государство и греч. krateia – сила, власть, господство) и «либерального» (от лат. liberalis – свободный).

Под либеральной понимается социальная

система, способная к самоорганизации, саморазвитию в результате наличия у неё адаптационных возможностей, которые определяются прежде всего свободой индивидуума, опирающейся на корпоративно-частную собственность и представительную (демократическую) политическую систему.

Под этакратической («власть государства») понимается социальная система, которая не способна к качественному поступательному движению, т. к. в ней резко ограничена свобода и самостоятельность индивидуума в результате монопольного положения государственной собственности и жёсткой централизации экономической, политической и духовной жизни общества.

ми осуществлялся как государственная политика. Право и суд заменила революционная целесообразность. Всё это вело к Гражданской войне.

Одно из последствий Октября – отпадение окраин России. При Временном правительстве Керенского речь шла об автономии, о федеративном устройстве, но ни один народ, кроме поляков, не объявлял о стремлении к полной независимости от России.

Иначе говоря, Октябрь 1917 года – проявление этакратической («власть государства») альтернативы в истории России, наряду с началом становления поместной системы, крепостного права и централизованной системы управления при Иване III, опричниной при Иване IV, утверждением абсолютизма

Февральская революция потерпела поражение.

Керенский – революционер: его деятельность и деятельность правительства, которое он возглавил, объективно способствовала выходу России из старой «властьгосударства»-колеи, движению к новой для неё общественной системе. Ленин – консерватор и контрреволюционер: он со своей партией способствовал не только возврату этакратической системы в России, но и переходу её к крайней форме – советскому варианту тоталитарной.

Лев Лютов,

доктор исторических наук,
профессор Ульяновского филиала
РАНХиГС при Президенте РФ

На перекрёстке исторических судеб: В.И. Ленин и А.Ф. Керенский

А.Ф. Керенский. 1917

Уникальностью Великой Российской революции является то, что во главе Февральских и Октябрьских событий оказались симбиряне: А.Ф. Керенский и В.И. Ленин. Судьбы Керенских и Ульяновых, отцов и детей настолько тесно переплелись, что породили огромное количество мифов и легенд. В результате современнику сегодня трудно разобраться, где вымысел, а где реальность. Осмыслить важные события 1917 года через персонификацию этих фигур представляется важным, хотя и достаточно сложным.

В.И. Ленин у книжного шкафа в своём кабинете в Кремле. 1918

Вождь первой пролетарской революции и глава последнего буржуазного правительства родом из одного города, оба родились в Симбирске. В Метрической книге Никольской церкви Симбирска сохранилась запись: «10 апреля 1870 года родился Владимир, крещён 16 апреля. Родители: коллежский советник Илья Николаевич Ульянов и законная жена Мария Александровна. Оба православные». Спустя одиннадцать лет в этом же городе священник Тихвинской церкви записал: «22 апреля 1881 года родился Александр, крещён 6 мая. Родители: коллежский советник Фёдор Михайлович Керенский и его законная жена Надежда Александровна. Оба православные».

И хотя разница в возрасте составляла одиннадцать лет, про них можно ска-

зать, что они были людьми одного поколения. Более того, они происходили из одного социального круга с присутствиями этому кругу интеллектуальными запросами и принципами воспитания. Оба окончили гимназию с золотыми медалями. Их объединял и выбор будущей профессии, Санкт-Петербургский университет, где оба получили дипломы юриста.

Схожими оказались и политические пристрастия – сочувствие социализму и «абсолютное неприятие абсолютизма». Во многом были одинаковы причины, приведшие их в революционную борьбу и судьбоносный 1917 год, где земляки стали лидерами двух противостоящих политических сил. Вступив в борьбу с царствующим самодержавием, они сходились в главном – понимании неотвратимости кардинальных перемен, но каждый из них по-своему

видел исторические перспективы и, исходя из этого, предлагал свой путь «спасения» страны, который искренне считал единственно верным.

Их отцы И.Н. Ульянов и Ф.М. Керенский дети реформ Александра II, воспитанные на идеях просвещения и гуманизма, всю жизнь трудились на ниве просвещения. Один являлся директором народных училищ Симбирской губернии. Ф.М. Керенский с 1879 года занимал должность директора Симбирской классической мужской гимназии, а с 1883-го – Мариинской женской гимназии. Оба они вывели подведомственные им учебные заведения на одно из первых мест в Поволжье, их педагогическая и общественная деятельность получила широкое признание. Оба были награждены многочисленными наградами, стали потомственными дворянами. Оба подвижники образования на-

деялись, что их сыновья продолжают их путь. В своих воспоминаниях А.Ф. Керенский отмечает, что «отца пугала возможность, что я пойду по пути братьев Ульяновых». Но изменить он ничего не мог: «на революционную борьбу нас толкал сам режим». Тысячи молодых людей вступали в ряды революционеров. И Керенский в этом случае не явился исключением. Некоторые исследователи сравнивают А.Ф. Керенского с ракетоносителем, выведшим на орбиту Ленина и сгоревшим в атмосфере Октябрьских революционных событий.

Значимость той или иной исторической фигуры определяется прежде всего общим впечатлением, которое она оказывает на исторический процесс. Многие считают, что это закон исторического развития. Такие личности и исторические события неустранимы из исторической памяти. Именно к таким относятся В.И. Ленин и А.Ф. Керенский. Конечно, масштаб этих личностей разный. Но несомненно, они оказали огромное влияние на развитие и будущее России. Оценки итогов их деятельности со временем могут меняться. Плюсы на минусы и наоборот. Здесь многое зависит от политической конъюнктуры и взглядов тех, кто оценивает ту или иную историческую фигуру.

В советской исторической науке и публицистике фигура А.Ф. Керенского была в значительной мере окаррикатурена, подвергнута осмеянию. Дискредитация личности Керенского происходила и на Западе, в эмигрантской литературе, публицистике, где многие считали его виновником того, что произошло с Россией в 1917 году. В 1966 году в своём интервью Генриху Боровику – известному советскому журналисту – А.Ф. Керенский заявил: «Они меня все здесь ненавидят». Он имел в виду эмигрантскую среду в США, где он проживал.

100-летие Великой Российской революции (а так сегодня предложено академической наукой называть революционные события Февраля и Октября 1917 года, Гражданскую войну, образование СССР) даёт возможность перелистать драматические страницы истории революционных событий, где ключевую роль играли наши земляки В.И. Ленин и А.Ф. Керенский. Думается, что для того чтобы новая историческая дефиниция утвердилась в общественном сознании, должно пройти немало времени.

Для многих историков Запада и Китая главным событием в XX веке остаётся Октябрьская революция во главе с В.И. Лениным. Для историков, представляющих либеральный лагерь,

таким представляется Февраль, а Октябрь – контрреволюцией и переворотом. Естественно, противоположную точку занимают представители исторической науки левых политических сил.

Сегодня важно отметить, что фигуры В.И. Ленина и А.Ф. Керенского по-прежнему привлекают внимание историков, кинематографистов, писателей. В 2017 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Льва Данилкина «Ленин: пантократор солнечных пылинок». Как пишет автор, это не тот Ленин, которого обожествляли в советский период и демонизировали в 90-е годы. Это живой человек, оказавшийся в эпицентре истории, творивший историю, потому что лучше других чувствовал пульс истории. Для биографа написать книгу о В.И. Ленине, отметил он, всё равно что актёру сыграть Гамлета. Автор отмечает: «Я пять лет гонялся за ним. Побывал во всех местах, где он бывал. И каждый раз, когда ты думаешь, что ты его сцапал, обнаруживается что-то вроде записки: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил».

Февральская революция произошла поразительно легко. Наш земляк А.Ф. Керенский за короткий промежуток времени оказался на вершине. Это был его звёздный час. Мало было в истории деятелей, которым так много восхищались: «Спаситель Отечества», «Гений», «Вождь свободы». По количеству медалей и жетонов, выпущенных в честь Керенского, ему нет равных. Но так было недолго. В Россию приезжает В.И. Ленин. Тысячи людей приходят приветствовать Ленина на Финляндский вокзал. По некоторым данным, Ленина встречали около пятидесяти тысяч человек. Его приветствовали как революцию, как Большевика № 1. И он оправдал их надежды. Он сообщил им такое, что никто не ожидал. Он сказал, что революция, которую вы совершили, – тренировочная. Европа ждёт, что мы совершим настоящую, социалистическую. Это, говоря современным языком, «сносило крышу» не только у соратников, но и всех присутствовавших.

Ленин и Керенский были сильными ораторами. 9 июня 1917 года на Всероссийском Первом съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Керенский выступал после

Ленина. Интересно, что в своём выступлении он ссылается на Ленина: «Ведь гражданин Ленин говорил вам, что капитализм явление международное». Именно на этом съезде Ленин на заявление И.Г. Церетели о том, что в России нет политической партии, которая взяла бы на себя ответственность, с места произносит знаменитую фразу «Есть!». В своём выступлении Ленин подчеркнул: «Ни одна партия от этого отказать не может, а наша

п а р т и я от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком». В то время партия насчитывала всего 24 тысячи членов.

Незримая нить связывала Ленина и Керенского многие годы. Например, в октябре 1917 года, по воспоминаниям А. Балабановой, Керенский хотел встретиться с Лениным как земляком перед штурмом Зимнего. Мне представляется, что можно было обнаружить Ленина в Разливе, как и Керенского в 1918 году в Петрограде. Но этого не произошло. В 1970 году, когда страна отмечала 100-летие В.И. Ленина, английская радиостанция «Би-би-си» пригласила Керенского прокомментировать юбилей Ленина. Керенский вы-

ЦАРСКИЕ ПОЛКИ И КРАСНАЯ АРМИЯ

ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ
ПРЕЖДЕ

ЗА ЧТО СРАЖАЮТСЯ
ТЕПЕРЬ

Худ. А. С. Моор

ступил на радио и вскоре умер. Анализируя причины своего краха в 1917 году, Керенский в 1960-е годы одной из причин называет приезд Ленина в Россию. Следует отметить, что уход из жизни и того, и другого был очень тяжёлым.

Широкий интерес у общественности вызвала историко-документальная выставка: «В.И. Ленин и А.Ф. Керенский. Мифы и реальность», открытая в Ленинском мемориале. Авторы выставки поставили перед собой задачу способствовать включению Великой Российской революции, её вождей А.Ф. Керенского и В.И. Ленина с их противоречивыми и неоднозначными оценками в единый исторический процесс многовекового развития страны при сохранении плюрализма мнений в оценках и суждениях. Важно дать ничем не искажённое представление о том историческом времени, превратить осмысление событий в способ консолидации общества. Организаторы выразили надежду, что посетители выставки приложат максимум усилий не для того, чтобы оправдать или осудить В.И. Ленина и А.Ф. Керенского, а чтобы понять их время, причины, логику поступков.

Материалы, представленные на выставке, не воссоздают во всей полноте образы этих исторических фигур, но они помогут ещё раз задуматься и,

может быть, внести определённую ясность хотя бы в некоторые из мифов, которые складывались на протяжении не одного десятилетия.

Многие годы архивы, связанные с деятельностью В.И. Ленина, были закрыты для широкого круга исследователей. Все документы были выведены из региональных архивов и сосредоточены в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне Российский государственный архив социально-политической истории). И это не случайно. В 1920-е годы, после смерти В.И. Ленина, Анна Ильинична и Мария Ильинична Ульяновы стали изучать родословную семьи Бланк. В.И. Ленин не знал истории предков. В одной из анкет о дед он ответил, что не знает, чем тот занимался. Следует отметить, что в семьях разночинцев не было, как в дворянских, традиции составлять родословные. Анна Ильинична Ульянова-Елизарова вспоминала: «У меня лично довольно давно стала являться мысль о возможности еврейского происхождения, на что наталкивало, главным образом, сообщение матери, что дед родился в Житомире – известном еврейском центре». Результаты поисков подтвердили её предположение. Об этом она сообщила И.В. Сталину в 1932 и 1934 годах. В

письме она писала: «Факт нашего происхождения, предполагавший мною и раньше, – не был известен при его (Ленине) жизни <...> Я не знаю, какие могут быть у нас, коммунистов, мотивы для замолчания этого факта». «Молчать о нём абсолютно, – был категорический ответ Сталина – «в архив». В результате материалы о национальных корнях В.И. Ленина были собраны со всех архивов страны и на долгие годы закрыты для исследователей в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма.

В советское время КПСС была установлена монополия на документы В.И. Ленина и большевистской партии. Документы других партий и организаций, участников революционного движения в России фактически не исследовались. Например, когда создавалась экспозиция Ульяновского филиала Центрального музея В.И. Ленина, музеем был предложен жителем города целый сундук листовок и материалов о меньшевиках. Сотрудники музея отказались, ссылаясь, что материалы «не по профилю».

Открытие архивов в 1990-е годы позволило за короткий промежуток времени ввести в научный оборот огромный массив новых материалов по самым различным периодам советской исто-

рии, в том числе и лениниане. Читатели смогли ознакомиться со многими воспоминаниями о В.И. Ленине его оппонентов, противников. Из спецхранов были выведены сотни воспоминаний соратников Ленина, репрессированных в 1930-е годы.

В этот же период в России было издано немало материалов и о Керенском. Это были работы самого А.Ф. Керенского, исследования о нём, различные воспоминания.

Беда ленинианы была в том, что благодаря прессе, радио, телевидению многие сведения приходили к миллионам людей с ненаучными и политизированными комментариями. Между тем цитаты из документов сами по себе мало что объясняют. Документ как таковой для историка является не бесспорным доказательством, а объектом внимательного изучения. Важно при этом поставить каждый из них в реальный исторический контекст.

Например, сегодня в борьбе с Лениным используют вновь самого Ленина. При этом наибольшее значение имеют не столько официально написанные статьи, работы Ленина, сколько записки, заметки, телеграммы, резолюции на документах. Многие документы, с помощью которых пытаются дискредитировать Ленина, являются фальшивками. Яркий пример – судьба целого комплекса документов, якобы доказывающих, что Ленин был агентом Германии. Приобретены они были специальным посланником США в России в 1917 году Эдгаром Сиссоном за 25 тысяч долларов и были опубликованы в Вашингтоне в 1918 году. В 1955 году в США была создана специальная комиссия, которая провела тщательную экспертизу документов. Известный американский историк Джордж Кеннан установил, что все документы из якобы русских источников были изготовлены в одном месте, в том числе и документы, якобы изготовленные в германских учреждениях. На самом деле они были изготовлены польским журналистом Фердинандом Оссендовским. Работа по изучению документов была продолжена российскими историками Г.Л. Соколовым и В.И. Старцевым. Они также доказали, что многие документы были изготовлены на поддельных бланках и украшены угловыми штампами немецких учреждений, которых никогда не существовало. Как установил В.И. Старцев, Фердинанд Оссендовский – талантливый мистификатор, с апреля 1917 года по апрель 1918-го он изготовил около 150 документов

Революционный плакат неизвестного художника

«О германо-большевистском заговоре». И таких примеров немало...

После 1991 года мы являемся свидетелями того, как на протяжении небольшого промежутка времени в историческое сознание, историческую память людей вносились кардинальные изменения в оценке нашего исторического прошлого. Пересмотр затронул многие события, личности.

Начиная с декабристов и кончая историей XX века. Плюсы поменялись на минусы. Николай Кровавый стал святым. Ленин из обожествляемого в советский период вождя превратился в объект дискредитации, демонизации. Если идёт речь о дворянах, то, как правило, об аристократах духа, о купцах – как филантропах и меценатах, если о народе, то как о «быдле» и «черни». Между тем именно исторические события и личности прежде всего формируют историческую память и историческое сознание. В отличие от советского периода, сегодня наше общество не едино в своих исторических предпочтениях. У каждой общественной группы свои герои и антигерои. И это касается прежде всего политических и государственных фигур, «белых» и «красных». Нет однозначных исторических фигур. Все они отвечали на вызовы своего времени. И их поступки не всегда соответствовали современным представлениям о справедливости и нравственности.

Последние опросы общественного мнения свидетельствуют о разнонаправленных тенденциях в оценке нашего прошлого. Уменьшается интерес к древней истории нашего государства. Увеличивается число людей, которых история вообще перестаёт интересо-

вать. Вместе с тем растёт интерес к ближней советской истории, брежневской эпохе, к её культурному наследию. В какой-то мере это можно сравнить с 1990, с постперестроечным синдромом, когда лавина информации привела к тому, что люди перестали реагировать на исторические темы.

Сегодня появился тренд на уважительное отношение к своей истории. В обществе начинает утверждаться новая концепция истории нашего государства. Она выступает в качестве некоего общественного договора, предлагающего взвешенные оценки на дискуссионные и трудные вопросы нашей истории. Цель – сформировать общественно-согласованную позицию по основным этапам развития нашей страны. Несомненно, что к таким вопросам относится 100-летие Великой Российской революции.

К числу проблемных тем относится и предстоящее 150-летие В.И. Ленина. Отношение к личности Ленина не остается статичным. Если в 1990-е годы только каждый четвёртый положительно оценивал личность Ленина, то сегодня это уже свыше 50 процентов опрошенных. Эта положительная оценка, по мнению социологов, будет только нарастать. Более того, они предсказывают, что к 50-м годам нашего века Ленин может снова стать общенациональной исторической фигурой.

150-летие В.И. Ленина станет событием не только российским, но и международным. Наш край накопил значительный опыт празднования таких дат. Сегодня целесообразно использовать опыт подготовки к 100-й, 125-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина. Вспомнить тех, кто своим самоотверженным трудом изменил облик Ульяновска, где было построено свыше 30 уникальных зданий. Они превратили наш город в визитную карточку советского модернизма в архитектуре.

Возвращается историоимия А.Ф. Керенского. В 2017 году на здании гимназии в Симбирске, где родился Керенский, установлена мемориальная доска. В галерее выдающихся земляков Симбирского-Ульяновского края экспонируется портрет А.Ф. Керенского. Наличие других исторических фигур, связанных с нашим краем, имеющих общероссийский масштаб, даёт нам возможность формировать не только региональную идентичность, но и российское, общероссийское историческое сознание.

Валерий Перфилов,
кандидат исторических наук

Путешествие по России Великого князя Александра Николаевича в 1837 году

Летом этого года исполнилось 180 лет со времени посещения Симбирска великим князем Александром Николаевичем – будущим императором Александром II.

Дом губернатора, где останавливался наследник

Великий князь
Александр Николаевич в юности

Большое путешествие по Российской империи наследника престола Александра Николаевича, длившееся семь месяцев – со 2 мая до 17 декабря 1837 года, входило в общую программу его воспитания и обучения, разработанную надворным советником, знаменитым поэтом Василием Андреевичем Жуковским (1783–1852). Именно ему в июне 1825 года император Николай I поручил должность учителя русского языка и одновременно наставника, возложив на него и руководство всем процессом воспитания, и образования цесаревича.

По мыслям В.А. Жуковского, изложенным в письме императрице Александре Фёдоровне 1 июня 1827 года, цель воспитания и образования наследника заключалась в том, чтобы «обра-

зовать в Великом Князе монарха Великой Империи». Выполнение этой цели предполагалось достичь в три этапа.

Первый период – отрочество Александра Николаевича, с 8 до 13 лет, – включал в себя «подготовительное учение», то есть изучение образовательных дисциплин. «Сей период, – определял В.А. Жуковский в «Плане учения наследника престола», – можно сравнить с приготовлением к путешествию: надобно дать в руки компас, познакомить с картою, снабдить орудиями, нужными для приобретения сведений и для открытий». Под «компасом» Жуковский подразумевал «предварительное образование ума», под «картой» – «знания», под «орудиями» – «языки, которые способны дополнять самому сообщенные знания знаниями, собственно приобретенными – талантами».

В.А. Жуковский. Портрет работы худ. К.П. Брюллова. 1838

В.А. Жуковский сопоставлял второй период – с 13 до 18 лет – с «самим путешествием». В этот период предусматривалось «учение подробное», когда «воспитанник может обращать все свое внимание на каждый предмет отдельно». Образовательная программа включала не только изучение наук, нужных воспитаннику, как члену просвещённого общества, но и более подробное преподавание наук, которые наиболее нужны ему по его назначению. По мнению В.А. Жуковского, такими предметами являлись история, география, этнография, статистика, политика, философия, математика, физика. Но главной наукой для наследника престола наставник считал именно историю, поскольку она поучает его опытами прошедшего, ими объясняет настоящее и предсказывает будущее, знакомит монарха с нуждами его страны и его века. Жуковский справедливо полагал, что монарх должен быть не столько учёным мужем, сколько просвещённым правителем и использовать эту просвещённость во благо своей страны и народа.

Заключительный третий период – с 18 до 20 лет – «учение применительное», ориентированное на жизненную практику наследника престола и круг его будущих «профессиональных» обязанностей. Этот период поэт соотносил «с окончанием путешествия»: «Сведения собраны, остаётся их обозреть, привести в порядок и определить: какое должно быть сделано из них употребление. Он [наследник. – Е.Б.] уже не занимается никакою наукою отдельно, он сам составляет для себя коренные правила жизни, которые не иное что, как произведение всего, что дали ему воспитание и учение».

Поездка великого князя Александра Николаевича по России и подробное ознакомление с государством, над которым цесаревичу рано или поздно было определено царствовать, с её памятниками старины, с историей и современным состоянием страны (и в то же время с нуждами населяющих её народов) завершали полученное образование.

К непосредственной подготовке путешествия великого князя Александра Николаевича, которому 17 апреля (по ст. ст.) 1837 года исполнялось 19 лет, приступили в самом начале апреля. Заранее был составлен маршрут путешествия, который был опубликован отдельной брошюрой, предназначенной как для памяти путешественникам, так и для руководства местным властям. Наследнику предстояло обозреть 30 губерний, в том числе Урал и Сибирь, доехать до Тобольска – конечной восточной точки путешествия.

3 апреля министр внутренних дел Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) отдал приказание всем губернаторам, «по случаю путешествия по России наследника», привести в надлежащее состояние дороги по пути следования кортежа, подготовить лошадей для экипажей и сделать всё возможное, «чтобы вообще сие путешествие совершено со всевозможным для его высочества удобством и спокойствием». В предписании Д.Н. Блудов передавал губернаторам строжайшее распоряжение императора, «чтоб нигде на дороге никто из начальников не встречал и не сопровождал его императорское высочество; чтоб в губернских городах губернаторы встречали его высочество на приготовленной квартире <...> и сопровождали его высочество, куда пове-

Генерал-майор П.Н. Ивашев. Нач. XIX в.

В.П. Ивашев. Акварель Н.А. Бестужева. 1834

лит; чтоб нигде обедов для его высочества не давали, а о балах испрашивали предварительно согласия его высочества, через генерал-адъютанта князя Ливена; в тех местах на дороге, где находятся достопамятные заведения или исторические предметы любопытства, чтоб ближайшие начальники ожидали его высочество и показывали оные».

Однако о предполагаемом путешествии цесаревича российскому обществу стало известно несколько ранее. 25 августа 1836 года последовало распоряжение министра внутренних дел Д.Н. Блудова, в котором содержалось повеление совершающего в то время путешествие по стране Николая I об открытии в губернских городах «выставок изделий». Губернаторам было предписано: к будущему путешествию цесаревича Александра Николаевича подготовить выставки, на которых должны быть представлены «сообразно местным обстоятельствам, состоянию мануфактурной, фабричной, заводской и ремесленной промышленности» «произведения и изделия края». Выставки должны были наглядно представить сырьевые ресурсы, образцы растительного и животного мира, разного рода окаменелости, образцы сельскохозяйственных изделий, земледельческих орудий и продукции, изделия ремесленного и домашнего производства, произведения искусства и прочее.

В итоге организуемые губернские «выставки изделий», как было записано в предписании Д.Н. Блудова, «могут при предстоящем путешествии по России Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича, заслужить особенное внимание Его Высочества». Благодаря их осмотру

наследник должен был получить представление о хозяйстве, географии и статистике Российской империи в целом и одновременно о своеобразии каждой губернии. В свою очередь, учреждение подобных выставок в губернских городах не только могло бы «удовлетворить любопытству» жителей, населяющих губернии, но и быть «полезными для соревнования».

По всей стране тотчас приступили к выполнению распоряжений императора по подготовке к приезду цесаревича. Сведения о приготовлениях Симбирска к визиту наследника престола обнаруживаются в письме Петра Никифоровича Ивашева к сыну Василию Петровичу в Туринск Тобольской губернии, где последний отбывал наказание за причастность к восстанию декабристов. «Симбирская губерния в заботах пристать в июне месяце 15 и 16 числа перед Его Императорского Высочества наследником, – писал 30 апреля 1837 г. П.Н. Ивашев сыну, – готовится губернская выставка всем ремеслам и изделиям к высочайшему Его посещению. Могу ли отстать и я от участия? Что будет на выставке, вы узнаете». Забегая вперёд, укажем, что генерал-майор П.Н. Ивашев мог участвовать в готовящейся симбирской выставке представлением на ней изобретённых им жатки и двух паровых машин. В письме сыну 24 мая 1835 г. он рассказывал о них: «одна [паровая машина. – Е.Б.] действует 14^ю чесальными, 1^ю щипальною и 2^ю стригальными, а другая – 7^ю сильными вальными ступами, 1^ю самоточильным станком и 1^ю мукомольным новым устройством камнем», имея в виду изобретённый им ещё в 1834 г. цилиндрический мукомольный постав.

5 апреля 1837 года император Николай I специально для сына и для лиц, которые будут сопровождать наследника престола в предстоящей поездке по России, подготовил своеобразную инструкцию – «Наставление». Автору этой статьи удалось ознакомиться с этим весьма интересным документом, в настоящее время хранящемся в рукописном отделе Российской национальной библиотеки.

В первых строках инструкции император Николай I определял цель поездки, которая была задумана вовсе не как

развлечение, напротив, «путешествие Наследника имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным». Затем император указал объекты осмотра цесаревича: «везде непременно все казенные учебные заведения, госпитали (если в них нет прилипчивых болезней), заведения Приказов Общественного призрения и тюрем». При этом он уточнял, что «казармы осматривать тогда, когда только дозволит время, и там, где красота зданий и устройство сего заслуживает, то есть в крепостях». Осматривая «все любопытные предметы», император советовал «откинуть излишние», имея в виду посещение однородных фабрик и заводов: «посещать те только, которые приобрели заслуженную знаменитость».

Николай I в «Наставлении» регламентировал и порядок путешествия, определив его следующим: «Встав в 5 часов, ехать в 6 утра, не останавливаясь для обеда, ни завтрака на дороге до ночлега, буде на пути есть предмет любопытный, то остановиться для осмотра, не принимая нигде ни обедов, ни завтраков. По приезде на место посетить в губернском городе собор, или даже в уездном же месте, где хранятся предметы особого богомолья. Засим по приезде на квартиру обедать, призывая к столу только губернаторов, вечер посвятить записыванию в жур-

«Встав в 5 часов, ехать в 6 утра, не останавливаясь для обеда, ни завтрака на дороге до ночлега, буде на пути есть предмет любопытный, то остановиться для осмотра, не принимая нигде ни обедов, ни завтраков...»

нал всего виденного в течение дня и ложиться не ранее спать. На другое утро, встав в 7 часов, ежели в воскресный или праздничный день, быть у обедни в соборе. Потом в условленное время принять представление дворянства, чиновников и купечества; потом видеть те полевые войска, которые в том месте находятся, гарнизонов же не нужно. Засим начать осмотр назначенных к посещению предметов. По возвращении взять час отдыха, потом обедать, приглашая губернатора, губернского предводителя, купеческого главу и тех почетных из отставных, кои службой и отличиями, на оной полученными, сего заслуживают. Приглашений же к обеду нигде не принимать. Где есть военначальственные, приглашать главных к столу. Буде Наследник будет зван на бал, принимать подобные приглашения в губернских городах, про-

Александр Александрович Кавелин

чих отклонять, извиняясь неимением времени. На сих балах Его величеству танцевать с некоторыми из почетных дам польские; а с молодыми французские кадрили две или три, но никаких других танцев. На ужин не оставаться, и вообще не более часа или двух и уезжать непременно. Где по расписанию назначено, пробыть более одного дня, предметы к осмотру разделять, сообразуясь с временем и удобством. Тогда на другой день обедать с одними своими, приглашая только губернатора и, ежели есть войска полевые, главного их командира».

Далее особо оговаривался вопрос подачи великому князю Александру Николаевичу прошений от жителей городов, которые следовало «не отказывая, принимать и, запечатав в особый пакет, пересылать» к императору в собственные руки.

Император-отец позаботился и о здоровье своего сына, предписав «доктору Енохину собственноручно присылать донесения о здоровье Его Высочества и сопровождающих с фельдъегерями», с которыми Николай Павлович велел «из каждого губернского города присылать известие о благополучном путешествии Наследника».

Очень строгой регламентации был подвергнут и порядок следования на маршруте: «в дороге экипажи должны делиться на два отделения: в первом, которому отправляться с вечера, быть: 1-му <экипажу> – фельдъегерю, заготавливающему лошадей, 2-му – кухни, 3-м – камердинеру Его Высочества, 4-й коляске – полковника Юрьевича, 5-й коляске – полковника Назимова. Во втором отделении: 6-й коляске – Его

Александр Владимирович Паткуль

Высочества, 7-й коляске – генерал-адъютанта Кавелина с доктором Енохиным, 8-й – фельдъегерю при Его Высочестве, 9-му дормезу князя Ливена, 10-й коляске – действительного статского советника Жуковского; и 11-й – фельдъегерю, платящему прогоны».

В дороге наследнику и всей сопровождающей его свите предписывалось быть в сюртуках, в городах при осмотрах – в обыкновенных мундирах, при принятии представлений и при осмотре войск – в полевом мундире, а когда дивизия в строю, то в полной парадной форме.

Императором назначалось для издержек наследника на поездку по России первоначально 50 тысяч рублей с возможностью её пополнения, если выделенная сумма будет израсходована. Из этих денежных средств определялась сумма на вспоможение бедным,

Иосиф Михайлович Виельгорский

которую по 5 тысяч рублей полагалось оставлять губернаторам с архиереями и дворянскими предводителями на раздачу неимущим.

Как видно из перечисления кортежа, в путешествии по России великого князя Александра Николаевича сопровождали его учителя, наставники и воспитатели: В.А. Жуковский, Константин Иванович Арсеньев (1789–1865) – член Российской академии, статистик, историк и географ, преподававший великому князю историю и географию. Кстати, К.И. Арсеньев руководил образовательной стороной поездки и составил указатель мест, которые следовало осмотреть подробнее.

Безотлучно с цесаревичем находились состоявшие при нём генерал-адъютант Александр Александрович Кавелин (1793–1850), полковники и флигель-адъютанты Семён Алексеевич Юрьевич (1789–1865), который заведовал перепиской великого князя, и Владимир Иванович Назимов (1802–1874), а также лейб-хирург и лечащий врач Иван Васильевич Енохин (1791–1863). Вместе с наследником ехали и его друзья, соученики по Пажескому корпусу, прапорщики Александр Владимирович Паткуль (1817–1877) и Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), а также адъютант и камер-паж цесаревича, подпоручик граф Иосиф Михайлович Виельгорский.

Николай I, напутствуя перед отъездом спутников великого князя, особенно подчёркивал необходимость обозревать всё, «достойное примечания, с надлежащей точки, чтобы цесаревич видел вещи так, как они есть, а не поэтически; поэзия в сторону, я не люблю её там, где нужна существованность».

Путешествие Александра Николаевича подробно и широко освещалось в тогдашних газетах. Любопытные детали сохранились также в письмах участников поездки, в записках современников, в том числе в дневниковых записях В.А. Жуковского и письмах жене С.А. Юрьевича.

Как положено в этих случаях, был составлен «Журнал путешествия Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича по России в 1837 году», который в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации.

Он начинается тем, что «2 мая. Воскресенье. В 2 ½ часа пополудни Его Высочество изволил выехать из С. Петербурга в сопровождении Государя императора, Государыни императрицы, великой княжны Марии Николаевны.

Отобедав в Царском Селе, Его Высочество изволил отправиться в путь, в 6 часов, в сопровождении генерал-адъютанта Кавелина и свиты», состоявшей из перечисленных выше лиц, которым «приказано было следовать прямо в Новгород». Хотя первоначально планировалось отправиться в Шлиссельбург, Новую Ладогу, Вологду, откуда в Ярославль. Но маршрут был изменён вследствие полученных известий о «недобропроездемости» дорог в Вологду. Поэтому было взято направление на Новгород, Тверь, Углич, откуда в Ярославль, Ростов и далее по напечатанному маршруту до Костромы, в Вятку. Далее следовали по означенному маршруту, с переменою лишь времени проезда.

В программу путешествия входило и посещение Симбирска. Конечно, нас больше всего интересует тот отрывок из «Журнала путешествия», который рассказывает о визите великого князя Александра Николаевича в наш город, в который он прибыл из Казани, останавливаясь для обеда в Буинске – «уездном незначительном городке Симбирской губернии».

23 июня в «10 ½ часов вечера» цесаревич по Казанской почтовой дороге благополучно прибыл в Симбирск и «отправился в приуроченный для него губернаторский дом, где находился почетный караул от Симбирского внутреннего гарнизонного батальона». Здесь он был встречен Симбирским гражданским губернатором, действительным статским советником Иваном Петровичем Хомутовым и гофмейстером Двора Его Императорского Величества, сенатором Львом Алексеевичем Перовским.

Позволим привести полностью обширную цитату из «Журнала путешествия», свидетельствующую о времени, которое великий князь провёл в Симбирске.

«24 июня. Приняв представившихся военных и гражданских чиновников, дворянство и купечество, Государь наследник изволил поехать в Собор, для слушания Божественной литургии, которую служил Преосвященный Анатолий, архиепископ Симбирский и Сызранский.

После сего Его Высочество осматривал Батальон военных кантонистов, Дом Трудолюбия, городскую больницу и тюремный замок. Все сие заведения содержаны хорошо, но помещения их тесны, и большею частью в строениях ветхих».

Во время посещения Александром Николаевичем Дома Трудолюбия, по-

кровительницей которого была императрица Александра Фёдоровна, он принял от воспитанниц для передачи матери «изделия их труда», наградив трудившихся над работою 500 рублями, а также, вернувшись в Петербург, сообщил императрице «прямо от себя самый лестный отзыв о порядке», найденном им в этом благотворительном заведении.

А.А. Перовский.
Неизв. художник. 1856

«В городской гимназии, в присутствии Его Высочества воспитанникам были деланы вопросы, на которые они отвечали весьма удовлетворительно.

Симбирский губернский предводитель дворянства, генерал-майор Г.В. Бестужев. Рис. А.Б. Гибаля. Симбирск. Июнь 1837

Государь наследник посетил также женский Спасский монастырь, в котором находится чудотворная икона Иверской Божьей Матери; – и наконец, выставку естественной и искусственных произведений, которая по богатству, многочисленности и разнообразию предметов, в ней находившихся, уступала Казанской.

В 4 часа к обеденному столу Его Высочества приглашены были: Преосвященный архиерей [Анатолий]; гофмейстер Перовский, правящий должность Симбирского гражданского губернатора действительный статский советник Хомутов; исправляющий должность вице-губернатора коллежский советник [Иван Иванович] Гавриленко; губернский предводитель дворянства, уволенный от службы генерал-майор [Григорий Васильевич] Бестужев; бывший губернский предводитель дворянства, статский советник князь [Михаил Петрович] Баратаев; уволенные от службы генерал-майоры [Петр Никифорович] Ивашев и [Фёдор Ермолаевич] Блюм; полковник из лейб-гвардии Преображенского полка Карпов; депутат от дворянства Владимирской губернии из Кавалергардского Ея Величества полка, ротмистр Кожин; командир 12-й бригады военных кантонистов полковник Кошкин; почётный попечитель гимназии, коллежский ассесор [Александр Алексеевич] Столыпин; управляющий Удельною конторою, коллежский советник [Сергей Петрович] Глинка и Городской голова [Илья Андреевич] Репьев.

В 9 часов вечера Государь Наследник удостоил посещением Своим бал, данный Дворянским собранием, на котором изволил танцевать: польские – с хозяйкою дома, в котором дан был бал по неимению залы, принадлежащий благородному Собранию помещицею [Елизаветой Петровной] Топорниной; супругами действительного статского советника Хомутова, Губернского Предводителя Дворянства – и с Директрисою Дома Трудолюбия, супругою Полковника Кошкина [Елизаветой Христиановной]; французские – с супругою уволенного от службы гвардии капитана Анненкова, урожденною княжною Гагариною, племянницею генерал-адъютанта князя Меньшикова с супругою уволенного от службы гвардии подпоручика Арсеньева; с дочерью генерал-майора Бестужева, и с сестрою статского советника князя Баратаева.

В 12 часов Его Высочество возвратился домой.

25 Июня. Пятница. Оставив в 7 ½

Симбирский губернатор И.П. Хомутов. Рис. А.Б. Гибаля. Симбирск. Июнь 1837

часов утра Симбирск, Государь наследник изволил останавливаться в удельном имении Ключищи, для слушания Божественной литургии, после чего заходил в Приказ имения, где нашёл всё в совершенном порядке. Здесь сопровождал Его Высочество Вице-президент Департамента уделов, гофмейстер Перовский. Отправившись в дальнейший путь, Государь наследник останавливался для обеда в Сызрани, а в 11 часов вечера прибыл на ночлег в Хвалынский.

Правда, в описании бала хроникёр (а им был А.В. Адлерберг), не зная подробностей, ошибся. Судя по написанному в Симбирске письму С.А. Юрьевича к жене, великий князь «танцевал кадрили: с Бестужевой, сестрою предводителя, с старшею [дочерью Елизаветой Михайловной] Баратаевой, с бывшей фрейлиной (княжною Гагариною) Анненковой и Арсеньевой (урожденною Бороздиной)». Здесь С.А. Юрьевич, вероятно, имеет в виду бывшую фрейлину императрицы Александры Фёдоровны – княжну Софью Андреевну, дочь шталмейстера Двора, подполковника князя Андрея Павловича Гагарина, которая в 1836 году вышла замуж за Дмитрия Николаевича Анненкова (очевидно, брата симбирского уездного предводителя дворянства, коллежского секретаря Александра Николаевича Анненкова).

Сам же Семён Александрович оказался тесно связан с Симбирской губернией. Его жена Елизавета Андреевна (1809–1858) приходилась дочерью симбирского дворянина, участника Отечественной войны 1812 году, служившего в чине подпоручика 1-го пехотного полка Симбирского ополчения Андрея Петро-

вича Ниротморцева (1776–1827) и его жены Глафиры Сергеевны, урождённой Слепцовой (род. 1788). Оказалось, что Елизавета Петровна Топорнина, которая принимала на балу в своём доме великого князя Александра Николаевича, приходилась чете Юрьевич тётёй. В своём письме С.А.

Юрьевич рассказывал Елизавете Андреевне о симбирском бале, который «взялась описывать тётушка со всеми подробностями»: «Тетенька, как

представительница симбирских дам, как хозяйка бала, принимала Великого Князя, который был с нею очень любезен и в полонезе, и без полонеза. Тетенька наша была на бале, по крайней мере, двадцатью годами моложе: так она была со вкусом и ловко одета, так держала себя молодецки. Куда ея товарищ, вторая хозяйка бала, губернаторша Хомутова! Перед нею никуда не годится. На бале также все меня про тебя спрашивали: Баратаевы, Столыпины и пр. и пр., всех не упомяну. Чтоб кончить о бале, доложу, что <...> лучшие фигурки на бале, по-моему, были три: Андреева, Бабкина и ... право забыл третью».

В целом у С.А. Юрьевича и всей свиты осталось от Симбирска крайне благоприятное впечатление. «Симбирск сегодня кипел народною, Русскою, коренною Русскою любовью к своему Гостю, – делился С.А. Юрьевич с женой своими впечатлениями о симбирском обществе, – мы, так сказать, должны были едва не драться с этой любовью: так бокам нашим досталось от нея при входах и выходах в церкви и другие посещаемые

Великим Князем места. Симбирск не ударил себя лицом в грязь и балом, хотя он был вдруг после Казанских увеселений и балов. Общество блестящее, премилое, ну право хоть в столицу».

В свою очередь и П.Н. Ивашев 25 июля в письме сыну Василию Петровичу и невестке Камилле Петровне, сообщая подробности о пребывании в Симбирске наследника престола Александра Николаевича, восхищался виденным и услышанным: «Тогда же 23-го в 11-м часу вечера прибыл сюда

Высочайший Путешественник всюду возжеланный гость, Государь Наследник престола, славы Великого из Государей и возвышения нашего любезного Отечества. Как он хорош собою и еще лучше говорит сердцем и душою! – Да сохранит его Бог к счастью России! –

Сегодня мы благословили Его отсутствие на дальнейшее путешествие. Вечерась он в Соборе давал пример Богопочитания – удостоил обозрением нашей выставки

(которая самих нас ознакомила с неожиданными во многих изделиях), удостоил приглашения к обеду и очаровал обращением своим тут и на Дворянском бале, где я не был, а многое слышал. Он обзрев и Тобольскую губернию по некоторым частям, познал цену того края и теперь, так сказать, он имеет запас таких сведений, коих объем не знаком бывало

его при прежней бразде Правления. И этот подвиг Государя, Ему делает честь и славу. – Равномерно и выбор лиц сопутствующих с наследником, людей с большим образованием и строгою нравственностью, каковы Жуковский, Кавелин и Арсеньев. С первым из них я не виделся 25 лет. Мы обнялись со слезами, которые повторили в моем кабинете. Второй мне сам напоминал несколько раз о прежнем знакомстве где-то, но он был молод и я потерял Его из памяти».

Как следует из этого письма, состоялась беседа поэта Жуковского с П.Н. Ивашевым, проходившая в доме последнего. Остаётся загадкой, о чём говорили и что обсуждали бывшие сослуживцы во время этой встречи. Но одно несомненно, речь шла о сыне Петра Никифоровича, Василии Петровиче, сосланного в Сибирь, который 14 декабря 1835 года по указу Николая I был назначен на поселение в Туринск Тобольской губернии. Жуковский мог рассказать о встречах его с сосланными

ми декабристами, при которых присутствовал великий князь. А ещё они, возможно, обсудили новость, пришедшую к ним в письме императора к наследнику, которую путешествующие получили где-то между Буинском и Симбирском. В письме говорилось о «царской благодати» к сосланным декабристам. И хотя «милость к несчастным», связанная с разрешением некоторым сосланным декабристам поступить в отдельный Кавказский корпус рядовыми солдатами, не принесла радости, всё-таки последовавший указ Правительствующего Сената от 22 июля 1837 года принёс облегчение участи ссыльных сокращением наказаний, дозволением поступать на службу, переводом на поселение и т. д. Вероятно, результатом беседы В.А. Жуковского и П.Н. Ивашева явилось письмо последнего к наследнику с просьбой

об облегчении участи сына. Возможно, и Жуковский под впечатлениями о встрече с П.Н. Ивашевым ночью 24 июня в Симбирске написал письмо к императрице Александре Фёдоровне, в котором он рассказывал о встречах с ссыльными декабристами, о «милости к несчастным» императора и одновременно продолжение заботы о них и их семьях: «А их дети, оставленные в России или родившиеся в изгнании; а их родные, для которых давно совершившееся бедствие не состарилось, а свежо и живо, как в первую минуту!».

«Всенародное обручение наследника с Россией» – так назвал эту семимесячную поездку цесаревича Жуковский. По воспоминаниям поэта, посещение заводов, общение с простым народом и политическими ссыльными оставили глубокий след в душе весьма впечатлительного от природы Александра Николаевича. Да и сам наследник впоследствии писал одному из своих наставников: «Я своими глазами и вблизи познакомился с нашей матушкой Россией и научился ещё больше любить и уважать. Да, нам точно можно гордиться, что мы принадлежим России и называем её своим отечеством».

Елена Беспалова,
зав. научно-исследовательским
отделом Музея-заповедника
«Родина В.И. Ленина»

«Симбирск сегодня кипел народною, Русскою, коренною Русскою любовью к своему Гостю»

«Да, нам точно можно гордиться, что мы принадлежим России и называем её своим отечеством»

«Симбирск не ударил себя лицом в грязь и балом, хотя он был вдруг после Казанских увеселений и балов. Общество блестящее, премилое, ну право хоть в столицу»

«Запертой ларец с потерянным ключом»: И.А. Гончаров в Японии

Кадзухико Савада – гончаровед из Японии, профессор гуманитарного факультета университета города Сайтама, посвятил более 40 лет изучению жизни и творчества И.А. Гончарова. В 1971 году поступил в университет на отделение русского языка, где познакомился с творчеством писателя, а позже посвятил роману «Обломов» дипломную работу и диссертацию в аспирантуре университета в Токио. В 2017-м, в год 205-летия со дня рождения писателя, Кадзухико Савада стал лауреатом Международной литературной премии имени И.А. Гончарова. Специально для читателей нашего журнала господин Савада подготовил статью, где известные нам тексты Гончарова дополнены дневниковыми записями представителей японской делегации, участвовавших в переговорах, а также любезно предоставил редакции уникальные иллюстрации.

И.А. Гончаров 10 августа 1853 года по старому стилю прибыл на фрегате «Паллада» в порт Нагасаки, самый западный город Японии, в качестве секретаря при адмирале Е.В. Путятине, который был послан для установления торговых отношений и определения границы между обеими странами на Сахалине. Месяцем ранее «чёрные корабли» Соединённых Штатов Америки во главе с коммодором М.К. Перри прибы-

Е.В. Путятин

ли в Японию, что вызвало переполох у японцев, живших в закрытой стране более 200 лет. Появление русских кораблей тоже их испугало. Японское правительство от начала до конца затягивало и осложняло переговоры с русским посольством. Правительство сёгуна приняло официальное послание русского канцлера и министра иностранных дел К.В. Нессельроде безо всякого энтузиазма и в течение трех месяцев не давало на него ответа. Только в конце 1853 года из Эдо (старое название Токио), столицы Японии, в Нагасаки прибыло четверо полномочных. 7 января 1854 года начались реальные переговоры.

Эти переговоры, однако, оказались по сути дела безрезультатными. Японская делегация обещала русскому посольству только предоставление в дальнейшем права наибольшего благоприятствования в торговле.

Двое японских полномочных и их свита по пути из Эдо и во время переговоров, длившихся в Нагасаки почти месяц, вели дневники, которые в настоящее время опубликованы.

Кавадзи Тосиакира (1801–1868), родившийся в семье мелкого чиновника, благодаря природным дарованиям и большому трудолюбию быстро поднялся по служебной лестнице и в 1852 году занял самый высокий чиновничий пост – «кандзё бугё», т. е. главного управляющего финансами. Эта должность, вопреки своему названию, включала в себя и юридические функции административного управления. Над ним было только несколько старейшин – знатных потомственных феодалов. Главой полномочных был назначен Цуцую Масанори (1778–1859), а Кавадзи был вторым лицом среди полномочных. Но поскольку Цуцую было более 75 лет, Кавадзи считался главным в японской делегации. В 1868 году он, будучи верным правительству сёгуна, застрелился одновременно с окончательным падением последнего: Кавадзи был парализован и потому не смог совершить «харакори», которое ему предписывал долг.

Кавадзи не раз упоминается во «Фрегате “Паллада”», и можно сказать, что Гончаров относился к нему с явной симпатией. Так, Гончаров писал: «Он [Кавадзи] был очень умён, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что ум свой он обнаруживал искусной диалектикой против нас же самих. Но каждое слово его, взгляд, даже манеры – всё обличало здравый ум, остроумие, пронзительность и опытность. Ум везде одинаков: у умных людей есть одни общие признаки, как и у всех дураков, несмотря на различие наций, одежд, языка, религий, даже взгляда на жизнь». И далее: «Мне нравилось, как Кавадзи, опершись на богатый веер, смотрел и слушал, когда речь обращена была к нему. До половины речи рот его был полуоткрыт, взгляд немного озабочен – признаки напряжённого внимания. На лбу, в меняющихся узорах лёгких морщин, заметно отражалось,

Кавадзи Тосиакира

как собирались в голове у него, одно за другим, понятия и как формировался из них общий смысл того, что ему говорили. После половины речи, когда, по-видимому, он схватывал главный смысл её, рот у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо светлело: он знал уже, что отвечать. Если вопрос противной стороны заключал в себе, кроме сказанного, ещё другой, скрытый смысл, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда он сам начинал говорить и говорил долго, он весь был в своей мысли, и тогда в глазах прямо светился ум. Если говорил старик [Цуцуи], Кавадзи потуплял глаза и не смотрел на старика, как будто не его дело, но живая игра складок на лбу и содрогание век и ресниц показывали, что он слушал его ещё больше, нежели нас. Переговоры все, по-видимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсутсуи был послан так, больше для значения и, может быть, тоже по своему приятному характеру».

Во время путешествия и переговоров Кавадзи вёл «Нагасакский дневник». Это очень интересные, не чуждые юмора записи, которые украшают более чем 20 «танка» (японские пятистишия) и 10 «канси» (стихотворения на китайском языке). Для Кавадзи дневник – это письма, в которых он сообщает своим домашним и подданным новости и впечатления от дороги и пребывания в Нагасаки (они тоже писали ему).

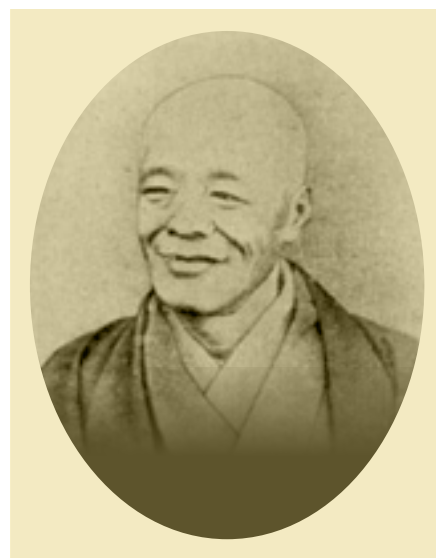
В «Нагасакском дневнике» семь раз упоминается Гончаров. Например: «Гончаров, хотя без официального чина, служит секретарём, всегда сидит возле посла и вмешивается в разговор. Выглядит главным советником. Посыет и Гончаров угощали нас на корабле, на-

ливая вино и подавая еду» (*Кавадзи Тосиакира. Нагасакский дневник. Симодский дневник. Токио: Хэйбонша, 1986*). Обратим внимание на то, что Кавадзи называет Гончарова «главным советником», в других местах – «тактиком». Из приведённой цитаты узнаём, что Гончаров в качестве правой руки Путятина активно участвовал в переговорах, что никак не отражено в путевых очерках писателя.

Обратимся опять к дневнику Кавадзи: «Когда мы предложили ещё одну чашку риса или чашечку сакэ [японский рисовый напиток], русский переводчик сказал, что японцы будут смеяться над прожорливостью русских. Тактика можно назвать шутником и остроловом: он казался немного пьяным и жестикулировал, показывая, что совсем сыт: сначала поднял руку к горлу, потом к голове, а затем совсем высоко и кивнул головой. (Это означало, что он сыт не только по горло, но по голову, не только по голову, а больше, как будто навалили над головой.) Все дружно расхохотались».

Об этих подробностях прощального банкета, данного японскими полномочными 23 января, накануне ухода русской флотилии, Гончаров умалчивает в своём произведении. Писатель, должно быть, находился в хорошем настроении: скучные переговоры с японцами подошли к концу и можно было возвращаться домой в Россию.

Другим полномочным был Кога Кинъитиро (1816–1884) – известный в то время учёный-конфуцианец. Признавая прогрессивность и рационализм европейской культуры, он старался её усвоить. Среди четырёх полномочных

Кога Кинъитиро

Кога занимал в японской делегации самую низкую должность консультанта. Он набросал проект ответного послания сёгуната на официальное послание Нессельроде. Можно сказать, что роль Кога почти соответствовала роли Гончарова в русской делегации.

Кога тоже описывается в путевых очерках писателя: «Четвёртый [Кога] – средних лет; у этого было очень обыкновенное лицо, каких много, не выражающее ничего, как лопата. На таких лицах можно сразу прочесть, что, кроме ежедневных будничных забот, они о другом думают мало». И далее: «Они [японцы] с удовольствием ели баранину, особенно четвёртый полномочный. Кончив тарелку, он подал её человеку сам: знак, что желает повторения <...> Пили они [японцы] умеренно. Они пробовали с большим любопытством вино, отпивая понемногу, но бокала не доканчивали, кроме, однако ж, четвёртого полномочного, мужчины рослого и полного. Тот выпил бокала четыре». В последней цитате отражена реализация собственных принципов Кога. Он пишет в дневнике: «Поэзия, вино и развлечение – всё это тоже официальные дела» (*Кога Кинъитиро. Дневник командировки на Запад // Сборник древних актов Японии: Документы о внешних сношениях в последние годы правительства сёгуна. Приложения. Т. 1. Токио: Историографический институт Токийского имперского университета, 1913*). Почему-то Гончаров относится к Кога довольно строго, а порой даже недоброжелательно.

Кога тоже вёл «Дневник командировки на Запад», где три раза упоминается Гончаров. Например: «Главный советник, зовут Гончаров, брюхастый варвар, называю так, потому что у него большой живот». Определение «брюхастый варвар» комично. Примечательно в этой связи, что за четыре месяца до описываемых обстоятельств сам Гончаров писал Е.П. и Н.А. Майковым: «Что Вам сказать о себе – нечего, разве что я чудовищно потолстел, что иногда бываю так болен своею печенью, что теряю надежду даже воротиться. Недавно такая боль около печени и сердца и вместе такая тоска одолела, что я опасался слечь».

Следует отметить, что все японские полномочные считали Гончарова «главным советником».

Дальше я попытаюсь проследить ход переговоров по русским и японским источникам.

После трёхмесячного безрезультат-

ного пребывания в Нагасаки русские корабли ушли в Шанхай, чтобы пополнить запасы топлива и провизии и собрать сведения о ходе Крымской войны. По японским источникам, этот уход в Шанхай сильно повлиял на путешествие полномочных: те, узнав об уходе русских, остановились в пути на два дня, обсуждая, продолжать ли им путешествие. Но узнав о возвращении русской эскадры 24 декабря, заспешили и спустя трое суток, даже не задерживаясь на ночлег, прибыли в Нагасаки. И Кавадзи, и Кубота Мосуй (1817–1877), ученик и сопровождающее Кога лицо, были очень утомлены переходом в 1500 километров, пройденным за 40 дней. Несмотря на то что нагасакский губернатор откровенно и подробно рассказал русскому послу о трудностях пути, тот ему не поверил и угрожал, что сам отправится в Эдо, если полномочные не придут в ближайшее время. «Фрегат “Паллада”» Гончарова и «Всеподаннейший отчёт» Путятина свидетельствуют, что русские понимали обстановку неправильно, хотя их раздражение можно объяснить волокитой, с которой они часто сталкивались в Нагасаки.

31 декабря в официальной резиденции губернатора состоялась первая встреча, после которой был подан обед. У Гончарова читаем об этом: «После обеда подали чай с каким-то оригинальным запахом; гляжу: на дне гвоздичная головка – какое варварство, и ещё в стране чая!». Это заблуждение писателя: гвоздичная головка в чае в Японии считается счастливым предзнаменованием, и в данном случае она была положена именно с этим намерением.

3 января 1854 года японские полномочные в свою очередь посетили «Палладу». Это было, как пишет Гончаров, вообще первое посещение иностранного корабля японцами. Русские с большим усердием занимались приготовлениями к встрече японцев на фрегате: «Мы занялись приготовлениями к встрече невиданных на европейских судах гостей. Сколько возни, хлопот, соображений истратилось в эти два дня!».

Однако по дневникам Кавадзи, Кога, Кубота и Сэндзю Дайносукэ (1815–1878), приближённого удельного князя земли Сага, находящейся рядом с Нагасаки, видно, что приглашение было принято с опасениями, что «Паллада» снимется с якоря и увезёт их за границу. Сэндзю записал, что Кога заранее наточил свою тупую саблю (*Сугитани Акира. По поводу «Личных записок Сэйтэя [псевдоним Сэндзю]» // Собрание исторических источников в по-*

следние годы правительства сёгуна и в эпоху реставрации Мэйдзи. Токио: Даиттихоки-сюппан, 1991).

На банкете того же дня и русские, и японцы здорово повеселились. Гончаров замечает, что Кавадзи начал говорить о женщинах: «Только один из них [японцев], Кавадзи, на минуту придержался японского обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, вроде крема, с бисквитами: он попробовал, должно быть, ему понравилось; он вынул из кармана бумажку, переложил в нее всё, что осталось на тарелке, стиснул и спрятал за пазуху. “Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы, – заметил он. – Нет, это для своих подчинённых”». И далее: «При этом случае разговор незаметно перешёл к женщинам. Японцы впали было в легкий цинизм. Они, как все азиатские народы, преданы чувствительности, не скрывают и не преследуют этой слабости».

Трудно сказать, насколько верно это наблюдение писателя, но о том же самом случае сам Кавадзи писал несколько иначе: «Так как я раньше слышал, что иностранцы радуются до слёз разговорам о своих жёнах, я сказал, что не могу забыть или не вспоминать мою жену-красавицу, оспаривающую первое место по красоте во всей столице. Русские очень обрадовались этой теме и рассмеялись. Посол сказал, что его родина находится ещё дальше моей, своей жены он не видел гораздо дольше, чем я, и просил меня посочувствовать ему».

Таким образом, что касается разговора о женщинах, обе стороны стараются «свалить вину» друг на друга.

Дальше Гончаров пишет: «Назначать время свидания предоставлено было адмиралу. Один раз он назначил через два дня, но, к удивлению нашему, японцы просили назначить раньше, то есть на другой день. Дело в том, что Кавадзи хотелось в Эдо, к своей супруге, и он торопил с переговорами. “Тело здесь, а душа в Эдо”, – говорил он не раз».

Однако в защиту Кавадзи надо сказать, что истинная причина спешки заключалась не в его личных интересах, а в тактике японской делегации: не давать русскому посольству времени на размышления и быстрее закончить переговоры. Кога записал в дневнике: «Не желая успеха, мы торопим переговоры».

Приведу теперь те места, которые свидетельствуют о пронизательности Гончарова. Например: «По их [японцев] словам, сиогун умер 14 августа, а мы пришли 10-го. Может быть, он умер

Портрет Путятина, написанный Эгоси Ай Китиро, одним из свиты Кога

и в прошлом году, а они сказали, что теперь, в надежде, не уйдём ли. Поверить им трудно: они, может быть, и от своих скрывают такой случай, по крайней мере долго».

Двенадцатый сёгун династии Токугава Иэёси (1793–1853) скончался 15 июля 1853 года. Нагасакский губернатор сообщил русскому посольству о его смерти 6 октября, то есть через два месяца после прибытия русской эскадры в Нагасаки. Проницательный взгляд Гончарова разгадал сущность позиции японцев: японское правительство боялось, что узнав о смерти сёгуна, иностранные державы воспользуются безвластием и беспомощностью Японии, а собственный народ будет смятён и потрясён кончиной правителя. Поэтому внутри страны о кончине оповестили только через месяц, 14 августа.

Во «Фрегате “Паллада”» Гончаров неоднократно возвращается к образу «спящих» Японии и японцев. Обращает на себя внимание то, как часто употребляются слова «сон», «сонный», «спать» и т. п. Например: «Но со странным чувством смотрю я на эти игриво созданные, смеющиеся берега: неприятно видеть этот сон, отсутствие движения». Или: «Стоят на ногах они [японцы] неуклюже, опустившись корпусом на колени, и большею частью смотрят сонно, вяло: видно, что их ничто не волнует, что нет в этой массе людей постоянной идеи и цели, какая

должна быть в мыслящей толпе, что они едят, спят и больше ничего не делают, что привыкли к этой жизни и любят её <...> Нет оживлённого взгляда, смелого выражения, живого любопытства, бойкости – всего, чем так сознательно владеет европеец».

Вместе с тем Гончаров метко улавливает и редкое «пробуждение» Японии. Это именно Кавадзи и такие молодые переводчики, владеющие голландским языком, как Нарабайоси, Эйноске и Съюза (Мотоки Сёдзо). Гончаров писал: «Из разговоров, из обнаруживаемой по временам зависти, с какою глядят на нас и на всё европейское Эйноске, Съюза, Нарабайоси 2-й, видно, что они чувствуют и сознают свое положение, грустят и представляют немую, покорную оппозицию: это *jeune Jaron* [молодая Япония]».

Это сопоставление «сна» и «пробуждения» постоянно встречается в произведениях Гончарова. Это, другими словами, сопоставление Азии и Европы, Востока и Запада. А особенность двух глав «Русские в Японии» заключается в том, что сам автор ратует за «пробуждение» и смотрит свысока, с точки зрения западной передовой страны, на восточный «запертой ларец, с потерян-ным ключом».

Первым представителем *jeune Jaron* является Эйноске, то есть старший переводчик (*oppertolk*) Морияма Эйносуке (1820–1871). Японские переводчики, владеющие голландским языком, появились в начале XVII века. В этих семьях сыновья наследовали профессию отца, и таких семей было около 30. Переводчики подчинялись

Морияма Эйносуке

нагасакскому губернатору, и в последние годы сёгуната их было уже человек 140. Переводчики, состоявшие в должностях «старшего» и «младшего» (*ondertolk*) переводчика, занимали центральное положение, но на эти две должности назначалось только по четыре человека, а остальные занимали должности «кандидата в переводчики» (*leer ling*) и «переводчика со свободной практикой» (*particuliere tolk*). Эйносуке владел, кроме голландского, английским языком. Он был одним из ведущих переводчиков в дипломатических переговорах в последние годы правления сёгуна. В 1862–1863 годах Эйносуке посетил Англию, Голландию, Германию, Россию, Португалию и Францию в качестве переводчика японской делегации, направленной в Европу для переговоров об отсрочке открытия японских городов и портов.

Во время переговоров слова Цуцую переводил Кичибэ, а слова Кавадзи, фактического главы японской делегации, – Эйносуке. Кавадзи высоко оценивал способности своего переводчика: «Эйносуке – очень способный человек, отлично переводит, он переводит голландские книги так, как будто пишет письмо».

Гончаров неоднократно упоминает об Эйносуке, но он в своей оценке расходится с Кавадзи. Писатель, признавая талант Эйносуке, относится к нему с антипатией: «Противнее всех вёл себя Эйноске. Он был переводчиком при Кавадзи и потому переводил важнейшую часть переговоров. Он знался, едва слушал других полномочных: когда Кавадзи не было, он сидел на стуле развалившись. Вообще не скрывал, что он вырос, и под конец переговоров вёл себя гораздо хуже, нежели в начале. Он непрочь и покутить: часто просил шампанского и один раз, при Накамуре [старший чиновник, первый в свите Кавадзи], так напился с четырёх бокалов, что вздумал было рассуждать сам, не переводить того, что ему говорили; но ему сказали, что возьмут другого переводчика».

Резкий контраст Эйносуке представляет Кичибэ, то есть также старший переводчик Ниси Кичибэй (1812–1855). Кичибэй представлял 11-е поколение переводчиков с голландского языка из дома Ниси. В 1832 году он принимал участие в составлении самого полного в то время «Голландско-японского словаря»; в 1848 году стал старшим переводчиком. Кичибэй работал переводчиком при прибытии голландского, французского, американского и русско-

го кораблей в Японию. В «Нагасакском дневнике» Кавадзи есть интересное описание: «Кичибэй умом уступает Эйносуке, но говорят, что в последнее время редко встретишь такого способного переводчика. Эйносуке – ученик Кичибэй. Кичибэй, добрый, не любит ссориться. Он больше всех оказывает внимания Эйносуке и старается остаться в тени, уступая тому все заслуги. Кичибэй очень радуется, когда Эйносуке пользуется благоволением. Он говорит, что близок к Эйносуке, но никогда не называет его своим учеником. Эйносуке часто говорит, что в 8 лет поступил в ученики к Кичибэйю. Всё это мелочи, но так вести себя крайне трудно» (*Кавадзи Тосиакира. Нагасакский дневник // Сборник древних актов Японии: Документы о внешних сношениях в последние годы правительства сёгуна. Приложения. Т. 1. Токио: Историографический институт Токийского имперского университета, 1913*).

Кичибэй тоже нередко упоминается во «Фрегате “Паллада”». В описании Гончарова нет ни слова о способном чиновнике. Напротив, этот японец, ровесник писателя, в противоположность Эйносуке олицетворяет «сон». Кичибэй признается: «Я люблю *ничего не делать, лежать на боку*». Его можно назвать «японским Обломовым». Да и пишет о нём Гончаров с неизменным юмором, а подтрунивание лишено язвительности: «Кичибэ не забывался: он показывал зубы, сидел в уголку и хихикал на все стороны. “Хи!” – откликался он, быстро оборачиваясь то к тому, то к другому японцу, когда кликали “Кичибэ!”. “Кичибэ!” – кликнул я однажды в шутку. “Хи!” – отозвался он на мою сторону и пополз ко мне, увидев ошибку, добродушно засмеялся и пополз назад». Это «добродушие» как раз и совпадает с характеристикой в дневнике Кавадзи.

Итак, можно сказать, что образы Эйносуке и Кичибэй являют собой ещё один пример сопоставления «ума» и «сердца», которое Гончаров представил уже в «Обыкновенной истории» и затем использовал в последующих произведениях.

Кадзухико Савада,
Государственный университет
Сайтама (Япония)

Обломовка в редакции «Северной почты»

В течение 1862–1863 гг., с начала октября до конца июня, Иван Александрович Гончаров служил главным редактором в правительственной газете «Северная почта».

Редакторство в «Северной почте» – особенный период в карьере Гончарова. Мы знаем, что писатель служил около тридцати лет, но почти всегда это была, так сказать, «литературная» служба, т. е. заключалась она по преимуществу или в написании каких-то документов, отчетов и т. п. (как, например, когда Гончаров служил секретарём у Е.В. Путятина в японской экспедиции), или в изучении и оценке текстов (как, например, когда он служил цензором в Санкт-Петербургском цензурном комитете). В «Северной почте», конечно, Гончарову тоже пришлось много писать, но здесь он был столоначальником, в его подчинении находилось около 20 сотрудников, которые следовали строгим правилам министерского распорядка, то есть так

же, как и другие чиновники, подлежали взысканиям, поощрениям, награждениям и проч. Таким образом, этот очень краткий период пребывания на посту главного редактора газеты даёт нам уникальный материал для характеристики Гончарова как чиновника, администратора, начальника – материал, которого не дают или дают в меньшем объёме другие эпизоды его чиновничьей биографии. Служба в «Северной почте» была самым публичным периодом биографии Гончарова, сохранились разнообразные печатные и архивные свидетельства о ней, в том числе юмористические.

На широко известной карикатуре П.Ф. Бореля «Концерт в С-дурном тоне» изображён оркестр издателей и редакторов московских и петербургских периодических изданий под управлением

председателя Санкт-Петербургского цензурного комитета В.А. Цеэ. Присутствуют на «концерте» и другие чиновники цензурного ведомства, а также тогдашний министр внутренних дел П.А. Валуев. Расположение и атрибуты героев карикатуры намекают на различные общеизвестные обстоятельства и характеризуют ситуацию с периодической печатью в 1863 году.¹

И.А. Гончаров (в это время редактор газеты Министерства внутренних дел) изображён с широко открытым ртом, играющим на виолончели с надписью «Северная почта». Почему у Гончарова открыт рот? Что он делает? В описании материалов Пушкинского Дома сказано, что Гончаров «поёт».² Это кажется логичным, поскольку изображён концерт, но только на первый взгляд. В действительности поющий Гончаров выглядит по меньшей мере странно. На рисунке никто из играющих на музыкальных инструментах не поёт. Только два персонажа карикатуры изображены «поющими»: Это А.А. Краевский и Н.Ф. Павлов. Пение Краевского, очевидно, связано с названием его газеты – «Голос», к тому же у Краевского нет музыкального инструмента, он – вокалист. Пение же редактора газеты «Наше время» труднообъяснимо, возможно, оно мотивировано тем, что Павлов в молодости был артистом, но, во всяком случае, стоящая перед ним на постаменте лира также мало похожа на музыкальный инструмент. Гримаса играющего на виолончели Гончарова вообще значительно больше похожа на зевание, чем на пение. Но дело не только в субъективных ощущениях.

Как представляется, у карикатуриста не было никаких оснований изображать главного редактора «Северной почты» поющим, зато были причины изобразить его зевающим.

Зевота Гончарова вызывает вполне определённые ассоциации с его главным героем. Роман «Обломов» (1859) в 1862 году вышел новым изданием и оставался у всех на слуху. Гончаров представлен на рисунке таким скучающим Обломовым. Но всё же Гончаров стал героем карикатуры не в качестве автора всем известного романа, а в качестве главного редактора правительственной газеты. Зевающий редактор газеты Министерства внутренних дел, конечно, выглядел довольно комично. Были ли у карикатуриста основания изобразить его именно так? И на что он намекал?

Несмотря на усилия Валуева сделать газету современным изданием европей-

ского типа, «Северная почта» имела в обществе репутацию издания, чуждого прогрессу, неповоротливого и неинтересного, в чистом виде официоза. Такое мнение отражает другая карикатура в «Занозе», изображающая почтовую станцию «1863 год», к которой прибывает карета «Северной почты», запряжённая черепахами. Станционный смотритель готовится впрячь в повозку раков.

Карикатура на «Северную почту» // Заноза. 1863. № 7. 17 февр. С. 63.

Вынесенная в заголовок ассоциация между Обломовкой и редакцией «Северной почты» кажется странной: каторжный труд по изданию ежедневной правительственной газеты, под очень строгим надзором самого министра внутренних дел, постоянный цейтнот и аврал – все это менее всего похоже на обломовский обиход.

Однако не только печатные свидетельства, но и некоторые архивные документы «Северной почты» показывают, что иногда редакционные дела газеты велись с лёгкой небрежностью и что некоторые черты обломовского быта здесь все-таки можно было найти.

Например, в архиве «Северной почты» гончаровского периода нетрудно обнаружить множество напоминаний об оплате счетов от продавца бумаги, из типографии, от службы дворцового телеграфа, которая передавала в редакцию последние новости, и из санкт-петербургского почтамта, который занимался рассылкой газет.

Впрочем, разумеется в этом нет ничего необыкновенного, подобные эпизоды случались и раньше.

Более характерный и смешной случай произошёл с несуществующей газетой «Якутские губернские ведомости». Дело в том, что «Северная почта», как газета правительственная, имела огромный административный ресурс и очень активно его использовала, в том числе для наполнения редакционного портфеля. В частности, по инициативе

редакции в конце 1862 года по российским губерниям был разослан строгий циркуляр от имени товарища министра внутренних дел с категорическим требованием организовать регулярную доставку губернских ведомостей в редакцию «Северной почты». «Ведомости», конечно, доставлялись. Но среди прочих был получен следующий ответ от управляющего Якутской областью статского советника Скрябина: «Вследствие полученного мною циркулярного предписания Вашего высокопревосходительства <...> относительно доставления губернских ведомостей в редакцию газеты «Северная почта», имею честь почтительнейше донести, что в Якутской области областных ведомостей не издается».

Составлявшие список рассылки даже не стали проверять, в каких городах издаются ведомости, а разослали его во все российские губернии. Как здесь не вспомнить Обломова, который «отправил однажды какую-то нужную бумагу вместо Астрахани в Архангельск»³ (Гончаров; 4, 57) и так переживал по этому поводу, что в конце концов вышел в отставку.

В «Обломове» есть примечательный в рамках затронутой темы фрагмент, описывающий представления Ильи Ильича о своём будущем служебном поприще: «Воспитанный в недрах провинции, среди кротких и теплых нравов и обычаев родины, переходя в течение двадцати лет из объятий в объятия родных, друзей и знакомых, он до того был проникнут семейным началом, что и будущая служба представлялась ему в виде какого-то семейного занятия, вроде, например, ленивого записыванья в тетрадку прихода и расхода, как дельвал его отец. <...>

О начальнике он слышал у себя дома, что это отец подчинённых, и потому составил себе самое смеющееся, самое семейное понятие об этом лице. Он его представлял себе чем-то вроде второго отца, который только и дышит тем, как бы за дело и не за дело, сплошь да рядом, награждать своих подчинённых и заботиться не только о их нуждах, но и об удовольствиях».⁴

Несколько никогда не публиковавшихся ранее служебных писем Гончарова из архива «Северной почты» создают впечатление, что Гончаров воспользовался случаем и решил воплотить в реальность обломовское представление о начальнике. Эти документы передают атмосферу своеобразной патриархальной семьи. В основном эти письма – прошения о денежной

Концерт в С-дурном тоне. П.Ф. Борель. <1863>. Литография. ИРЛИ № 51250.

помощи малоимущим сотрудникам, об их награждениях или повышении в чинах. Письма к графу Петру Андреевичу Шувалову (начальнику департамента общих дел МВД) и к самому министру внутренних дел П.А. Валуеву, написанные безупречным, хотя несколько архаичным для 1860-х годов канцеляристом, просто излучают отеческое отношение к сотрудникам редакции и типографии, но в то же время и некоторую обломовскую беспечность.

Полностью эти письма будут воспроизведены в соответствующем томе Полного собрания сочинений Гончарова, но в качестве примера приведу ранее не публиковавшееся, последнее письмо такого рода, очень характерное, написанное уже после отставки Ивана Александровича с поста главного редактора 16 июля 1863 года и адресованное П.А. Валуеву:

С разрешения Вашего Высокопревосходительства беру смелость свидетельствовать о добросовестности и полезных трудах по редакции «Северной Почты» Статского Советника Артемьева и покорнейше ходатайствовать о награждении его – чем изволите заблагорассудить.

Решаюсь также напомнить, что из всех участвующих в редакции он один ещё не был удостоен доказательства

Вашего благосклонного внимания.

Чтобы не оставлять за собою в отношении служащих в Редакции лица никакого долга, я прошу позволения почтительнейше доложить ещё несколько слов за некоторых из них, на что при свидании у меня недоставало смелости.

Письмоводитель редакции Бартош, служивший ещё в редакции журнала Мин<истерства> внутр<енних> дел, постоянно получал вдобавок к скудному жалованью пособие по 250 рублей каждое полугодие: 1-го июля истекло первое полугодие и обязанность представить г-на Бартоша к этому пособию осталась за мною.

В заключение осмелюсь напомнить о типографии, то есть о том её отделении, где печатается газета. Эта машина, без усталости работающая день и ночь, по временам требует смазки: это не разорит казны, но машина будет действовать «ходче».

В последний раз её смазывали к Новому году: это составило, если не ошибаюсь, издержку рублей в двести с небольшим: на метранпажа, его помощника и человека пятнадцать наборщиков и печатников.

Если Ваше Высокопревосходительство изволите признать возможным оказать это внимание типографии, то смею думать, что этот небольшой расход по несомненной пользе, которую

он принесёт, может быть отнесён к самым производительным расходам.

Впрочем, долгом считаю сознаться отчасти в эгоистической цели этого ходатайства: по выходе из редакции газеты мне хотелось бы оставить по себе приятную память в людях, которые трудились вместе со мною.

С глубоким уважением и преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейшим слугою

*И. Гончаров
16 июля 1863.⁵*

Об Обломове, как мы помним, говорится, что он в своих представлениях о начальнике «жестоко разочаровался в первый же день своей службы». Разочарование ждало и Гончарова. На письме вы можете видеть отрицательную резолюцию: «Приказано повременить».

В книге очерков «Фрегат «Паллада»» Гончаров писал: «Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах, и никакие океаны не смоют её!».

Новые архивные данные свидетельствуют о том, что обломовскую почву Гончаров благополучно сохранял не только за океанами, но и в министерских кабинетах.

¹ См. об этом: М.К. Лемке. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 169-171. И.Г. Ямпольский. Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973. – С. 79-80.

² Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома: И.А. Гончаров. Ф.М. Достоевский / ИРЛИ; сост.: А.Д. Алексеев, Л.М. Добровольский, Б.Н. Капелюш и др. М.; Л.: АН СССР, 1959. – С. 64.

³ Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 4. СПб, 1998. – С. 57.

⁴ Там же. С. 55, 56.

⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 6. Ед. хр. 4. Л. 328-329.

К 20-летию со дня образования Ульяновского землячества в Москве

«Живём в Москве, а снится – Волга...»

Двадцать лет назад наши земляки, оказавшиеся в силу различных обстоятельств в Москве, но сохранившие тесную связь со своей малой родиной, объединились, чтобы вносить посильный вклад в развитие Ульяновской области.

Гордость за свою малую родину и желание быть ей полезным подвигало земляков к объединению в разные времена. Ещё в XIX веке создавались землячества в Казани и Санкт-Петербурге, в XX веке – в Москве и других городах. С образованием в 1993 году представи-

тельства администрации Ульяновской области при Правительстве Российской Федерации возникла необходимость объединить ульяновцев, постоянно проживающих в столице.

Организация создавалась на стыке двух исторических эпох, поэтому изначально её костяк составляли представители партийно-комсомольского и хозяйственного актива области, которые в разное время были направлены на работу в ЦК КПСС, Советы Министров СССР и РСФСР, различные министерства и ведомства. Сегодня члены землячества трудятся в органах власти, в сфере образования, культуры, меди-

цины, бизнеса и по мере возможностей помогают родному региону в решении проблем.

Инициаторами объединения ещё в 1994 году стали Е.В. Сазанов, Д.И. Баранов, А.А. Басалов, М.В. Дудин, Г.А. Кошеваров, В.С. Орлов, В.А. Пороунов (кстати, именно его слова стали заголовком этой статьи). Юридически землячество оформилось в 1997 году. А традиционным днём рождения этой общественной организации стало 12 сентября – день освобождения Симбирска от белогвардейцев.

Геннадий Александрович Савинов, председатель правления Ульяновского землячества, член Совета Федерации РФ 2011–2016 годов:

– *Идея создать землячество принадлежит Евгению Васильевичу Сазанову.*

Наше объединение – одно из первых землячеств в Москве. В то время Сазанов работал в Центросоюзе, потом в столицу приехали Василий Мельник, Валерий Пороунов, Геннадий Кошеваров, Дмитрий Баранов, они эту идею вынашивали, но организационно у них как-то не получалось. Решающим импульсом стало открытие в Москве представительства администрации Ульяновской области. Именно представительство, цели и задачи которого совпадали с задачами будущего землячества, и стало на первых порах местом регулярных встреч ульяновцев. 11 сентября 1997 года состоялось учредительное собрание.

Сергей Егорович Марьин, заместитель председателя правления Ульяновского землячества, заместитель председателя совета директоров БИНБАНКа:

– *Наша малая родина никогда не станет для меня менее значимой, потому что слишком большая часть активной жизни прожита на Волге, и, смею надеяться, там осталось что-то полезное и от меня. Сотнями нитей связан я с*

родной землей! Эти «нити» прежде всего люди. Здравствующие и те, кого уже нет в живых. Сам же я ощущаю себя по-комсомольски: оптимизма и энергии вполне достаточно. А это значит – жизнь продолжается!

Сергей Николаевич Рябухин, член Совета Федерации РФ, заместитель председателя правления Ульяновского землячества, почётный гражданин Ульяновска и Ульяновской области, доктор экономических наук:

– *Что сильнее всего объединяет «ульяновских москвичей»? Новости с Волги! Все болезненно переживают неудачи и восторженно – победы. Тесная связь с краем существует не в ностальгической форме,*

а в режиме ежедневного общения: звонки коллегам, соратникам и друзьям, деловая переписка, делегации... Вместе с губернатором и правительством Ульяновской области нам удаётся решать немало региональных проблем. Ну а правление нашей организации особое внимание уделяет старикам и молодёжи. Одним непросто начинать столичную жизнь, другие остаются под старость в московском одиночестве. Стараемся помочь чем можем.

Анатолий Михайлович Блюдин, председатель совета директоров компании ОМІ, кандидат философских наук:

– *Что такое землячество? Это коллективная память о полувеке жизни. Причём память об истоках твоей судьбы. Мы же жили рядышком всё время, кто-то даже был чьим-то подчинённым-начальником... В общении внутри землячества рождается дополнительная моральная сила.*

Это не просто коллективная память, это коллективное сопереживание и своей собственной судьбы, и судьбы близких тебе людей.

В статье использованы материалы сборника «Живая связь Ульяновское землячество в Москве».

Картина «Подвиг Валевского»

На сопках Маньчжурии

*Белеют кресты – это герои спят.
Прошлого тени кружат давно.
О жертвах боёв твердят...*

Более ста лет прошло с того момента, как в Китае в 1900 году вспыхнуло так называемое «восстание боксёров» (в нашей стране его тогда назвали Китайской войной) против засилья европейцев. Россия была вынуждена выступить на стороне союзников ради вызволения из рук китайских мятежников тысяч русских людей и других иностранных граждан, проживавших и работавших на территории Китая.

Тем грозным военным событиям посвящён роман широко известного в до-революционное время русского писателя Александра Красницкого «В пасти Дракона». В главе «Отступление львов» автор рассказывает о подвиге молодого командира, русского поручика Петра Валевского, младшего брата моего прадеда.

Поручик Пётр Валевский

Симбирянин, выпускник Симбирского кадетского корпуса поручик Валевский служил в охранной страже на Восточно-Китайской железной дороге (КВЖД). Волею судьбы он стал участником тех событий и героически погиб, выводя отряд из окружения в июне 1900 года. Вот как описывал А.И. Красницкий Петра Валевского: «Поручик Валевский был красивый молодой человек с несколько грустным лицом, необыкновенно вежливый и деликатный. Он словно не ко двору был в этой стране, где грубая сила правила балом, но храбрость его и решительность были вне всяких сомнений. Это знали все его подчинённые, общим любимцем которых он был».

Родился Пётр Иванович Валевский в Казани 18 января 1875 года в семье отставного майора. Когда Петру было 4 года, Валевские переехали в Симбирск. Его и старшего брата Николая на семейном совете было решено отдать учиться в Симбирский кадетский корпус, который считался лучшим во всём регионе Поволжья и Урала. Учёба кадету давалась легко, и после её окончания он без труда поступил в Александров-

ское пехотное училище во 2-ю роту. В училище был портупей-юнкером и в 1895 году выпустился подпоручиком во 2-й Закаспийский стрелковый батальон.

Пётр Валевский решил начать военную службу вдали от родного дома. Причиной тому была несчастная любовь. Дочь богатого симбирского помещика покорила сердце юного офицера. В одном из писем, хранящихся в фондах Ульяновского областного художественного музея, он интересуется у матери, «...что Сабанина вышла замуж или нет?». «Какая прекрасная пара!» – восхищались ими на корпусных балах. Девушка отвечала ему взаимностью, но её родители были категорически против брака с бедным дворянином. Дочь покорила воле отца. А Пётр навсегда решил покинуть Симбирск и выбрал Туркестан.

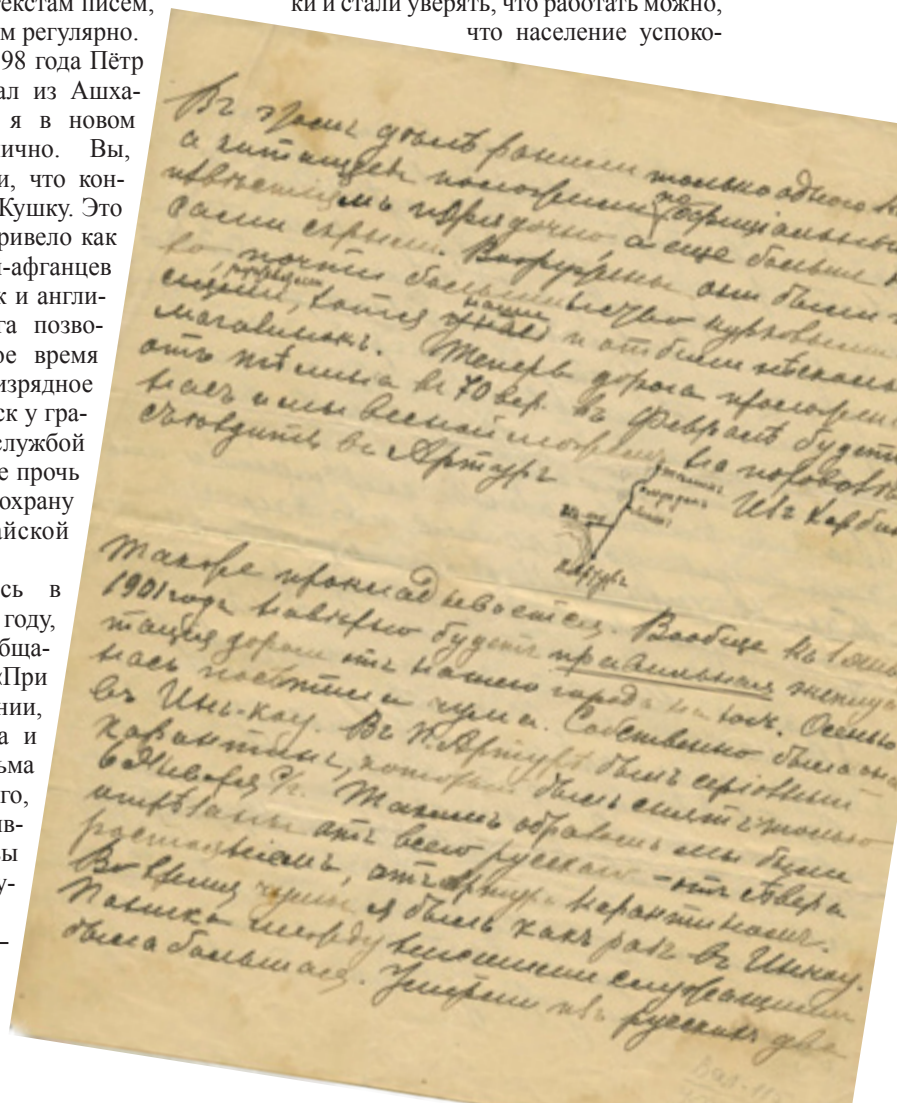
И началась у подпоручика военная жизнь на дальних рубежах России: Ашхабад – Владивосток – Харбин – Порт-Артур – Мукден. Дома у родных за эти годы ему удалось побывать только раз летом 1897 года во время отпуска. Но письма с подробным описанием своей нелёгкой службы Пётр писал родителям часто. Из их содержания видно, как нежно он относился к своим дорогим отцу и матери. Деньги из своего жалования, судя по текстам писем, тоже высылал им регулярно.

В декабре 1898 года Пётр Валевский писал из Ашхабада: «...Живу я в новом батальоне отлично. Вы, конечно, читали, что кончена дорога на Кушку. Это окончательно привело как наших соседей-афганцев в смущение, так и англичан. Эта дорога позволяет в короткое время сосредоточить изрядное количество войск у границы <...> Я службой доволен, хотя не прочь поступить в охрану Восточно-Китайской дороги...».

Уже находясь в Харбине в 1899 году, Валевский сообщает родителям: «При таком расстоянии, дорогие папаша и мамаша, письма ходят очень долго, поэтому не удивляйтесь, что вы не будете полу-

чать обо мне вестей 4-6 месяцев <...> По приезду в Харбин меня главный начальник Охранной Стражи спросил, куда я хочу – в конную или пешую стражу. Я, конечно, согласился в конную, хотя пешая стража больше получает. Я буду находиться в 8-й сотне на Порт-Артурской линии недалеко от Мукдена. 8-я сотня состоит из донских казаков. Начальник линии полковник Мищенко, бывший командир Закаспийской батареи, человек в высшей степени честный».

Последнее из дошедших от Петра Ивановича писем датировано 15-м января 1900 года: «Дорогие папаша и мамаша! Поздравляю вас с Новым годом и прошедшим днём ангела. Как Вам уже писал, я живу в городе Телине, в 60 верстах севернее города Мукдена. Жить дешёво, но многих вещей не могу достать. Служу в 8-й сотне из донских казаков. Сотенный командир подьесаул Денисов тоже донской казак. Вообще очень милый господин. Живём очень дружно и хорошо. 30 человек стоит на линии от Телина до Лаояна». В этом же письме он рассказывает о стычке казаков с китайцами: «Получив известие, что вооружённые китайцы окружили инженера и не дают работать, мой командир взял 15 казаков и бросился на помощь. Приехали китайские чиновники и стали уверять, что работать можно, что население успоко-

Т.А. Валевская с внуком

Письмо коменданта Порт-Артура генерала А.М. Стесселя Т.А. Валевской

илось. На другой день, когда вышли работать, оказалось, что поблизости в зарослях гаоляна спрятались вооружённые китайцы. Когда стали работать, чиновники незаметно удрали, а бунтовщики стали стрелять и подступать к работающей партии. Денисов, видя это, как истый казак, приказал броситься в плети, думая, что это обыкновенный беспорядок, но видя, что в казаков стреляют и что нападающих до 600 человек, он ударил в шашки, ранив часть китайцев и отбив часть оружия. Но и это не помогло против обыкновения. Послав за подкреплением, он спешил 8 человек и начал давать залпы по китайцам. Видя, как одна пуля кладёт 2-3 человек, китайцы бросились бежать. После этого был разбор совместно с китайскими властями...».

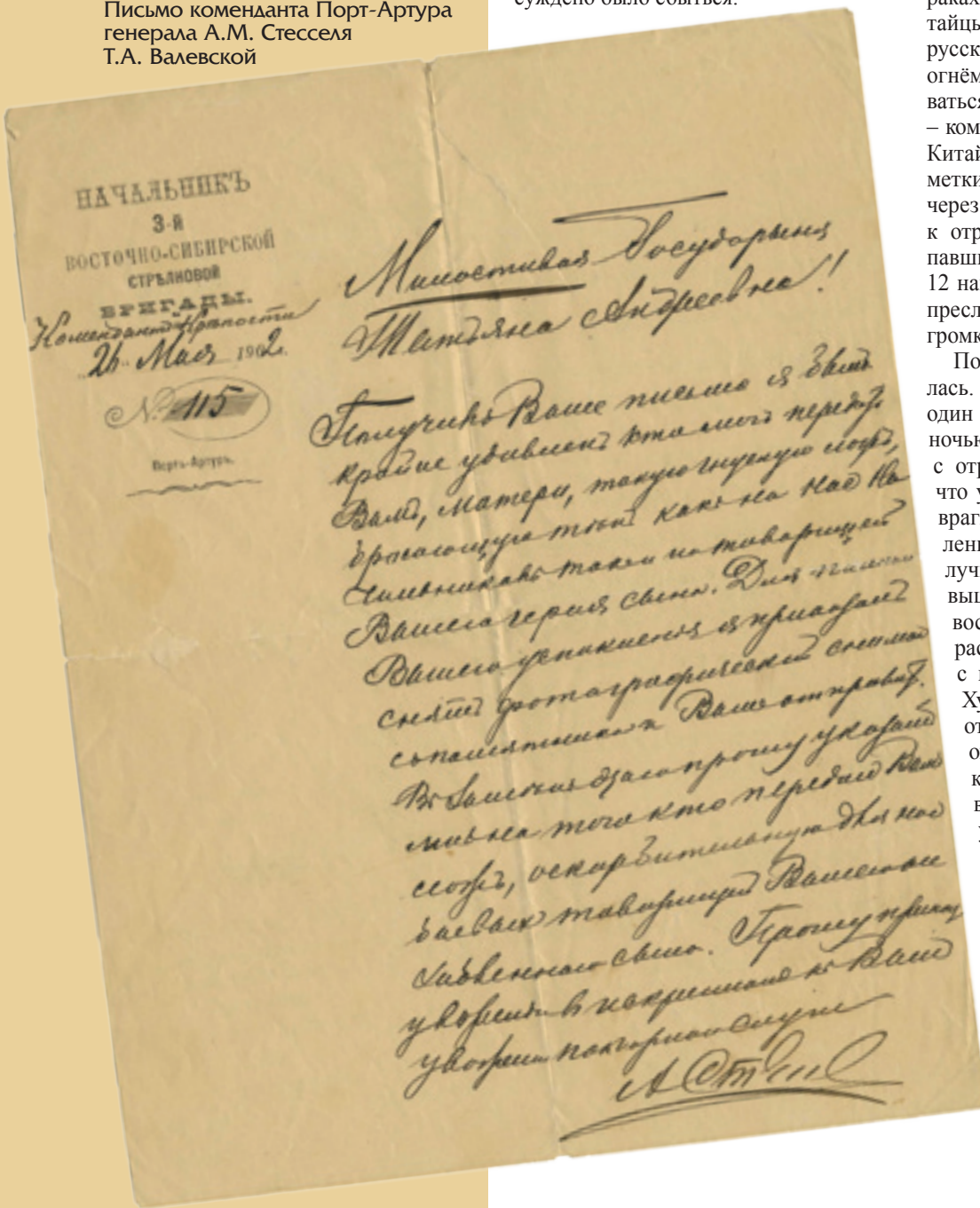
В конце письма Валевский написал: «Поклон всем знакомым, родственникам, своякам и т. д. Года через 2 увидимся. Остаюсь Ваш Пётр». Но этому не суждено было сбыться.

Порт-Артурскую ветку КВЖД с южной стороны Маньчжурии защищали два русских отряда – полковника Мищенко в Ляояне и поручика Валевского в Мукдене. В Ляояне военные действия начались еще 14 июня. Отряд Мищенко вёл непрерывные кровопролитные бои на станции с превосходящими силами противника. Ночью оставшиеся в живых русские были уже загнаны в барак и непременно погибли бы, если бы из Ин-Коу не подошло подкрепление. Им удалось выйти из окружения с 26 ранеными, потеряв убитыми и пропавшими без вести 24 человека.

У Валевского на станции Мукден положение было ещё хуже. Их атаковала китайская конница, телеграфная связь с Ляояном разорвана, отряд (один офицер, 30 солдат, 23 гражданских вольнослужащих, в том числе 2 женщины) был в полном окружении. Первую атаку кавалерии отряд отбил. Валевский приказал всем укрыться в чумных бараках. Отбили и вторую атаку, но китайцы подтащили четыре пушки, и русские оказались под перекрёстным огнём. «Не позволяйте им пристреливаться, бейте по орудийной прислуге!» – командовал Валевский. Это помогло. Китайский орудийный расчёт снимали меткими выстрелами, и снаряды летели через бараки. Около часа дня 23 июня к отряду Валевского подошли отступавшие со стороны станции Цай-Ло-Ку 12 наших солдат. «Три сотни китайцев преследовали их, а храбрецы шли с громким пением».

Под вечер перестрелка прекратилась. Хотя потери были небольшие – один убит, двое ранены, было решено ночью уходить в Ляоян для соединения с отрядом Мищенко. Пользуясь тем, что уверенные в своём превосходстве враги ночью их стеречь не стали, маленький отряд в темноте благополучно миновал китайские деревни и вышел на линию железной дороги в восьми верстах за Мукденом. Когда рассвело, отступавшие столкнулись с неприятелем у моста через реку Хунь-Хэ. На мосту от китайцев отбивались 19 наших бойцов из охранной стражи. Валевский приказал атаковать, и отряд бросился в наступление. Внезапно поручик упал вместе с лошастью, в которую попала пуля, но тут же поднялся и крикнул: «Ребята, я цел! Видите мост, там наши! Спасём их!» Русские грянули: «Ур-ра!!!». Китайцы разбежались.

На следующую станцию Пётр Иванович сначала отпра-

вил казачий разъезд, который обнаружил засаду. В это время прискакавший вестовой доложил, что их окружают с фронта и левого фланга. Валевский поскакал на левый фланг, но под ним снова была убита лошадь. Он кинулся к своим и командовал: «В штыки! За мной!». Им удалось в штыковую отбросить неприятеля и отойти к реке Тайцзы. По дороге отряд обнаружил два обезглавленных и истерзанных трупа. Только по рубашкам догадались, что это были русские.

Теперь шли только ночью. Пагროнов осталось лишь два ящика, сухари кончались. В десяти верстах от Ляояна заночевали на острове посреди реки. Валевский поручил инженеру Верховскому с тремя солдатами пойти на разведку. Вернулись они благополучно, но с плохими вестями – Мищенко в Ляояне нет, станция горит, Ляоян занят китайцами. Валевский решил, что остаётся одно – увести отряд в Корею вдоль реки Ялу.

27 июня отряд прошёл мимо Янь-Тайских копей. И тут их постигла неудача. Они доверились проводнику-китайцу, который заманил их в ловушку. Он указал им путь напрямую по тропе через гору. На вершине горы устроили привал. Внизу открылся вид на ущелье, посреди которого стояла китайская фанза. Казаки первыми спустились к фанзе, за ними стали спускаться остальные. Когда последний человек спускался с горы, с правой стороны раздались выстрелы. Началась перестрелка. Наши оказались в очень невыгодной позиции. В них стреляли с горы с двух сторон. Отступавшие были открыты для китайцев на протяжении полверсты.

С трудом удалось поручику Валевскому навести порядок и сделать необходимые распоряжения. Он спускался по тропе последним и внезапно упал. Находившийся рядом с ним солдат увидел на груди поручика кровавое пятно, подбежал и освободил его от пояса и шашки. Пётр Иванович стал ощупывать себя: он искал револьвер, чтобы застрелиться. Придя в себя, сказал солдату: «Вы меня оставляете на истязание китайцам?». «Никогда, Ваше благородие! Умрём вместе с Вами, но не отдадим китайцам», – ответил солдатик. Перед смертью командир просил стоять друг за друга, не разлучаться, не даваться в руки китайцам живыми. Умирая, Валевский передал унтер-офицеру Бородичу 200 рублей, прося передать их маме. Через полчаса его не стало.

«Мы его тут и похоронили, – рассказывал принявший командование отря-

дом унтер-офицер Пилипенко. – Так как дело было на горе, могилу вырыть было нельзя, то мы обложили его камнями и обсыпали мелкими камешками».

Со смертью поручика Валевского исчез дух, объединявший команду, и в отряде начался разлад. Часть хотела продолжать путь на Корею, другая считала более безопасным идти на Инкоу. К последним принадлежал инженер Верховский. На следующую же ночь он и ещё 12 человек ушли с бивака незаметно для других. Днём Верховский предложил разделить ещё на две группы и сам с двумя солдатами и рабочим отправился по железной дороге к Порт-Артуру. Больше их живыми никто не видел. Ходили слухи, что голова Верховского была выставлена китайцами на стене Лаояна. Остальные люди из его группы только 19 июля с боями добрались до корейской границы, потеряв двух человек убитыми.

Отряд из 58 человек под командованием Пилипенко отправился на восток вверх по реке Тайцзы, перешёл перевал и спустился по реке Ялу к корейской границе, как им велел погибший Пётр Валевский. Отряд подвергался при этом беспрестанным нападениям. 8 июля отряд Пилипенко, переправившись через реку Ялу, благополучно добрался до корейского города Ань-дун-сяня и был радушно принят корейцами.

Безвременная смерть Петра Ивановича Валевского опечалила всех его товарищей. Его сотенный командир подъесаул Денисов разыскал останки своего друга, которые удалось взять казакам только после упорного боя. Валевский торжественно был похоронен в Порт-Артуре на русском кладбище, а над его могилой усердием товарищей был поставлен памятник. Комендант Порт-Артура генерал А.М. Стессель писал матери поручика: «Милостивая государыня Татьяна Андреевна! <...> Для полного Вашего успокоения я приказал снять фотографический снимок с памятника и Вам отправить. <...> Прошу принять уверение в искреннем к Вам уважении, покорный слуга А. Стессель». Отец Петра Валевского тяжело переживал смерть сына и умер от инсульта спустя полтора года.

Посмертно Пётр Иванович Валевский был награждён Георгиевским крестом 4 степени. Татьяне Андреевне Валевской была назначена пожизненная пенсия как матери погибшего в бою офицера.

Не забыли Петра Ивановича и в училище, где окончил он своё воспитание. Отслужив панихиду, занесли его имя на мраморную доску, которую юнкера с печальной торжественностью поместили в церкви, украсив венком.

Газета «Новый край» закончила некролог словами: «Так умирают истинные герои, и <...> велик тот народ, который на страницах своей истории может написать имена таких светлых личностей, какою был покойный Пётр Иванович Валевский».

Памятник П.И. Валевскому на его могиле в Порт-Артуре. 1902

Моя бабушка, Нина Николаевна Валевская, племянница П.И. Валевского, рассказывала, что до революции в Симбирске можно было наблюдать такую картину: гулявшую по Комиссариатской улице уже постаревшую Татьяну Андреевну Валевскую издалека замечала колонна проходящих мимо кадет. При приближении к ней старший офицер роты «брал под козырёк» и все кадеты отдавали честь, приветствуя её. Тогда это было принято. И в наши дни необходимо сохранить у молодого поколения память о славных подвигах давно минувших лет. Чтобы не забывали своих героических предков. Чтобы помнили тех, кто пал на чужбине за Веру, Царя и Отечество.

Иван Погодин

При подготовке статьи использованы материалы брошюры Александровского военного училища «На память о героях последней войны», выпущенной в 1903 году.

Деревянные дома с вековой историей – уходящая натура современных городов. Ветшают. Горят. Сносятся. Среди утрат – неповторимые произведения в стиле модерн и эклектика.

Уходящая натура

Исследователи исторической застройки нашего города отмечают, что в 1910-е годы начался новый этап гражданского строительства в Симбирске. В архитектуре это было время расцвета модерна. Улицы и целые кварталы застраивались практически одновременно – что определило стилистическое единство застройки. Возводились в основном деревянные дома, выдержанные в стиле модерн и эклектика.

Таковым являлся большой жилой квартал в границах современных улицы Кирова, спуска Минаева, улицы Каштанкина и Вишнёвого переулка. некогда это было живописное место в южной части Симбирского подгорья. Там

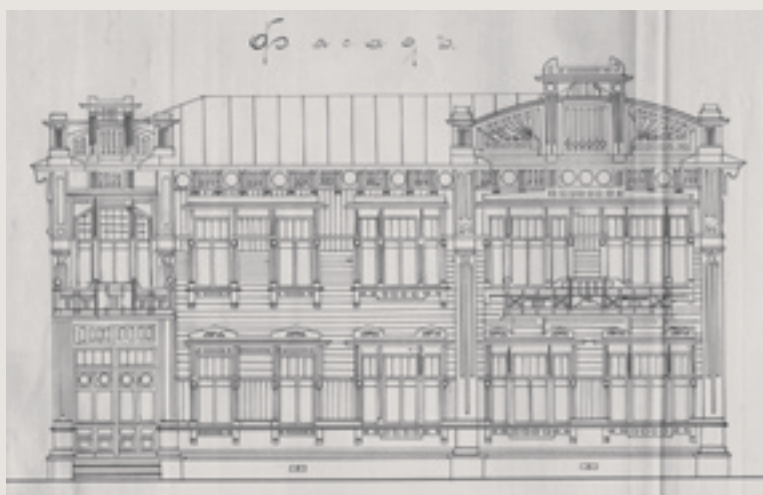
располагался известный на весь город большой плодовый сад Мингалёвых, который к началу массового строительства на его территории частных жилых домов насчитывал двухсотлетнюю историю. Ещё в 1698 году симбирским посадским людям Ивану и Григорию Мингалёвым были отведены во владение участки из пустующих казённых земель «...под горою, в Симбирске за тутовым садом и за озером, по гриве...», что было подтверждено документом – «Владенной выписью, данной Симбирским посадским людям Ивашке да Гришке Мингалевым на отведенные им дворовые и огородные места», выданной «по указу» царя Петра I.

Мингалёвский сад приобрёл общегородскую известность после того, как

Фрагмент плана г. Симбирска. 1898

в 1816 году симбирский мещанин Пётр Александрович Мингалёв расширил свои садовые владения за счёт приобретённого у статского советника И.В. Жа-

Проект дома на усадьбе К.М. Фёдорова и П.Б. Карпова. Архитектор П.И. Курочкин. Дом на ул. Каштанкина, 11. Утрачен после 2009 года

Дом В.К. Трутневой. Автор проекта инженер Г. Шаттэ. Дом на ул. Кирова, 33. 1913

довского большого сада. Пешеходный спуск к Волге, проходивший от Александровской больницы до Духо-Сочественского кладбища вдоль северной границы сада, также получил наименование Мингалёвский (ныне это спуск Минаева, ведущий в речной порт). Некоторое время в конце XIX века спуск называли Чебоксаровским – по имени известного симбирского купца Николая Васильевича Чебоксарова, который приобрёл под дачу участок в северо-западной части Мингалёвского сада.

К концу XIX века сад Мингалёвых пришёл в упадок. Его юго-восточная часть была отведена под строительство железной дороги. Собственницы сада: последняя из рода Мингалёвых – Елизавета Петровна Кощева, а затем её наследница – симбирская мещанка Александра Андреевна Кощева, в первое десятилетие XX века постепенно распродали оставшуюся часть сада участками под застройку частным лицам. Но первым в этом деле стал Николай Васильевич Чебоксаров, который в самом начале 1900-х продавал участки в северо-западной части своих садовых владений.

Таким образом, история жилой застройки вышеназванного квартала началась в первые годы XX столетия с усадебного строительства на угловом участке пересечения улицы Садовой (ныне улица Кирова) и Мингалёвского спуска (ныне спуск Минаева) в непосредственной близости от значимого городского объекта – Александровской губернской земской больницы.

Среди первых собственников новых усадебных мест – известный симбирский домовладелец князь Михаил Ни-

колаевич Ухтомский. Он построил первые доходные дома по улице Садовой, которыми владел до самой революции.

Массовое жилое строительство в квартале началось в 1911 году. Дома и флигели возводились, как выше было сказано, преимущественно в стиле модерн и эклектика. Безусловно, этому также способствовало назначение в 1910 году на должность главного архитектора города Феофана Евтихевича Вольсова, помощником которого в скором времени стал Пётр Иовлевич Курочкин – замечательный симбирский архитектор, автор проектов большинства деревянных зданий нашего города, выполненных в стиле модерн. Этот тандем был поддержан ещё одним симбирским архитектором – Константином Арсеньевичем Осиповым. Именно Курочкин и Осипов стали авторами проектов большинства домов на улицах Свободы и Каштанкина.

С осени 1911 года и на протяжении двух лет новый собственник большого участка в северо-восточной части бывшего садового владения Н.В. Чебоксарова – крестьянин Самарской губернии Иван Дмитриевич Забродин – занимался строительством одно- и двухэтажных домов и флигелей на своём земельном участке с целью его последующей поусадбной распродажи.

В этой связи примечателен документ – заявление в Симбирскую городскую думу от 9 января 1912 года (по старому стилю) почтovo-телеграфного чиновника коллежского секретаря Герасима Ивановича Маковского, который писал:

«В конце истекшей осени я приобрёл для постройки усадебное место в Мингалёвском переулке. Чтобы не впасть в

ошибку, в день совершения купчей крепости я справился в Управе – можно ли в Мингалёвском переулке строиться, и получил разъяснение, что в существующих переулках, имеющих на плане, постройки всё время разрешались и разрешаются теперь...

Месяц тому назад мною подан план на возведение постройки на своём месте, но Городская Управа плана, по неизвестной мне причине, не утверждает, ввиду чего я вынужден обратиться в Городскую Думу с просьбой о разрешении постройки.

При этом заявляю:

Мингалёвский переулок на плане города имеется.

...ширина переулка не только законна, но гораздо больше... в полтора раза шире многих Симбирских улиц.

Подъезд к моему месту отличный.

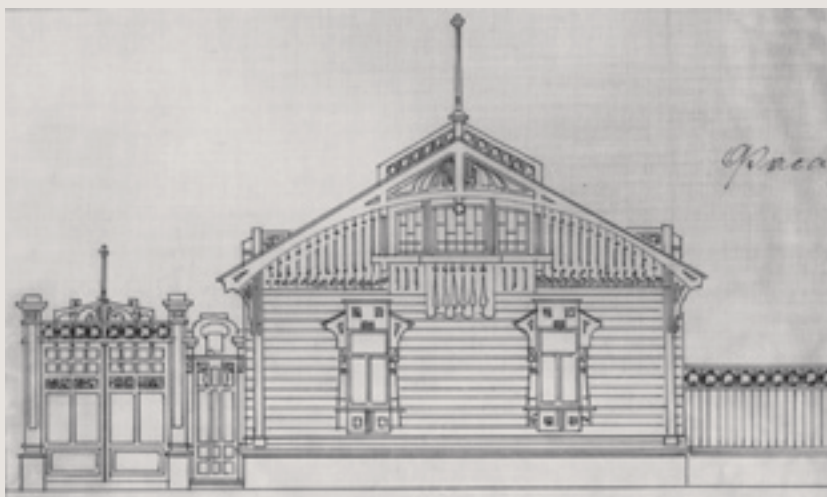
В пожарном отношении безопасно...

По составу почвы место устойчивое... Правда, на расстоянии 40-50 сажень от меня начинается южный склон, но склон этот незначительный, и про него-то как раз уполномоченные города г. Волков и г. Голубков заявляли всенародно в печати, что местность эта самая устойчивая в городе, что тут за последнее столетие не наблюдалось ни одного изменения почвы. Таковому заявлению уполномоченных города надо верить безусловно, нельзя же допустить, чтобы город сообщал такие положительные важные сведения голословно, не обдумав и не проверив факта в действительности; ведь это был не пустой разговор, а официальное заявление города всем горожанам и Правлению вновь строящейся дороги...

Даже в Мингалёвском переулке, кро-

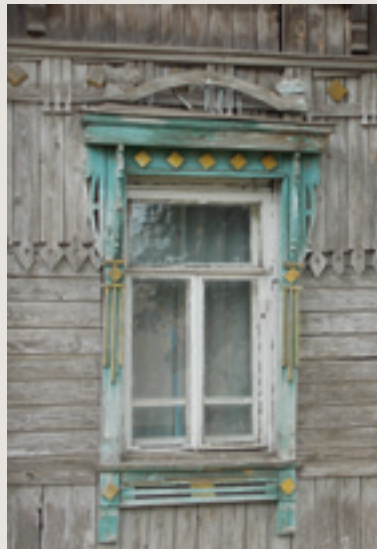
Проект беседки в саду М.И. Зыкова. Мингалёвский спуск. Архитектор П.И. Курочкин. 1912. Утрачена

Проект дома на усадьбе Е.М. Порфирьевой. Архитектор П.И. Курочкин. Дом на ул. Свободы, 20. 1914. Утрачен в 2015 году.

Дом на ул. Каштанкина, 5

Дом на ул. Каштанкина, 23

ме имеющихся уже семи домов, предполагается разрешение многих новых построек в саду Забродина, и в настоящее время строятся: Ражев в Мингалёвском переулке, Юдин в Мингалёвском переулке, а что всего необъяснимее – Забродин строит сейчас в том же Мингалёвском переулке, как раз против меня, два дома, можно сказать, окна в окна со мной. Почему в одной и той же местности совершенно при одинаковых условиях им можно строиться, а нельзя строиться только одному мне – не понимаю».

«Под занавес» господин Маковский добавляет: «К сожалению... на покупку места и некоторых строительных материалов я занял в Обществе Взаимного Кредита 500 руб. и в Городском Банке 900 руб.; если постройка не разрешится, то место моё, стоящее около 1000 рублей, как пустырь, не будет стоить ни гроша, и я, невольно, по чужой вине, разоряюсь непоправимо».

Остаётся ещё надежда, может быть, Город возьмёт мой участок за себя, а мне заменит другим участком, пригодным для постройки».

Спустя шесть дней после такого заявления постройка флигеля почтово-телеграфному чиновнику Г.И. Маковскому была разрешена городской управой.

К 1913 году территория бывшего Мингалёвского сада, согласно плану города Симбирска 1913 года, была поделена на четыре квартала, два из которых к этому времени уже были застроены.

Окончательно территория была застроена в 1913–1914 годах, когда новые собственники огромного земельного участка, в два квартала, поручик в отставке Константин Михайлович Фёдоров и дворянин Патрокл Бонифатьевич Карпов выстроили на своём участке одно- и двухэтажные дома, флигели и службы, а затем поусадбного распродали.

В настоящее время в квартале в границах улицы Кирова, спуска Минаева, улицы Каштанкина и Вишнёвого переулка, как и сто лет назад, строятся жилые дома. С той лишь разницей, что это не новые страницы истории архитектуры, как это было в 1910-е годы, а история невосполнимых утрат: ради нового строительства уничтожаются великолепные памятники деревянного зодчества.

Екатерина Куликова,

научный сотрудник

ООО «Симбирск-Рем-Сервис»

Автор выражает благодарность руководителю архитектурной мастерской «Симбирскпроект» Александру Михайловичу Капитонову за предоставленную возможность публикации фотоматериалов.

Дом на ул. Свободы, 2

Дом на ул. Свободы, 3

Фрагмент декора дома на ул. Свободы, 12/5

Утраченное наследие архитектора М.П. Коринфского

Как исчезла Покровская церковь с Симбирского тракта

В 2017 году научное сообщество Нижнего Новгорода отмечает 235 лет со дня рождения архитектора Михаила Петровича Коринфского (1782–1851), по проектам которого были построены великолепные сооружения в Арзамасе, Симбирске, Казани и других городах России. Известная прежде дата рождения – 1788 год – была опровергнута исследователем Андреем Малышевым, проводившим свои изыскания в Центральном архиве Нижегородской области, государственных архивах Арзамаса и Балахны. Введение в научный оборот новых фактов из биографии М.П. Коринфского актуализировало интерес к исчезнувшим постройкам, к которым он имел прямое отношение.

М.П. Коринфский. Портрет неизвестного художника

В фокусе внимания Нижегородского регионального общественного фонда деятелей культуры «Дать Понять» утраченный храм во имя Покрова Богородицы, перестроенный по проекту, созданному Коринфским в 1820 году, в имении дворян Лавровых – в селе Покров Сергачского уезда Нижегородской губернии (сейчас – село Покров Гагинского района Нижегородской области). Вступая в должность архитектора Казанского университета и гимназии 8 ноября 1832 года, Михаил Коринфский представил на суд будущего работодателя настоящее портфолио – целый ряд послужных документов, среди которых есть «Свидетельство» за подписью девицы из дворян Прасковьи Лавровой, подтверждающей причастность знаменитого архитектора к перестройке храма в её имении. Этот документ хранится в Национальном архиве Республики Татарстан в фонде Попечителя Казанского учебного округа.

Экспедиция, предпринятая участниками фонда «Дать Понять» в село Покров Гагинского района, показала, что Покровская церковь до наших дней не дожила: сегодня о ней напоминает

лишь поклонный крест, установленный рядом со школой. В Гагинском краеведческом музее, ссылаясь на исследователя Н.А. Мухина, уточнили, что храм в честь Покрова Богородицы в селе Покровском (укороченное название села Покров появилось с 30-х годов XIX века) был построен на Симбирском тракте, который проходил через село Покровское. В 1780-х годах церковь находилась на северо-восточной окраине села рядом с плотинной, где была большая дорога из Арзамаса на Алатырь и Владимирский почтовый тракт из Арзамаса в Симбирск. Получается, что Покровская церковь, построенная по проекту М.П. Коринфского в Покровском, была хорошо знакома симбирянам!

После публикации заметки об экспедиции в Покров на связь с фондом «Дать Понять» вышел Ян Вайле, потомок Петра Васильевича Лонского (Ланскова) (1881–1937). Согласно семейной легенде, предки Яна были приглашены в Покров «издалека» для строительства или реконструкции этой церкви, потом служили при храме в течение нескольких поколений. Последний из них – Пётр Лонской – был репрессирован по церковному делу и расстрелян в 1937 году. Изучая связь своих предков

с селом, Ян Вайле установил ряд интересных фактов. К примеру, один его родственник Моисей Плаксин в 1774 году был атаманом у Емельяна Пугачёва, который проходил с войском через Покров, а другой – Александр Егорович Лачугин (1867–1940) работал управляющим у помещицы Лавровой, которая и перестраивала Покровскую церковь в 1821 году.

Предполагая, что его предки пересекались с Коринфским в процессе реконструкции церкви, Ян начал искать архивные документы об истории этого величественного храма на бывшем Симбирском тракте. Одной из своих находок он решил поделиться с широкой общественностью. Это «Чертеж церкви Покрова Пресвятой Богородицы в селе Покрове Гагинской волости Сергачского уезда», выполненный в 1925 году «с натуры согласно Обязательного Постановления Президиума ЦИК'а за № 91 от 11 августа 1924 года». Сейчас он хранится в Центральном архиве Нижегородской области, как и дело о закрытии храма, датированное 1939 годом.

Куда же и как исчезла такая красота? Судя по материалам архивного дела, в конце 30-х годов прошлого века

богатейшая Покровская церковь была разорена. Проверка, проведённая представителями органов советской власти, показала, что местные жители «входят в церковь через открытые двери, которые были заперты на замок», т. к. «ключи вручены Пузанкову Михаилу Фёдоровичу, он представитель церковного совета, Зобову Ивану Степановичу и Филипову Ивану Андреевичу для того, чтобы всё имущество, находящееся в церкви, было сохранено от растаскивания». Однако эта договоренность не сработала: «церковный совет никакой заботы за сохранность не проявил, наоборот, есть все основания утверждать, что он направлял старых колхозниц, верующих ещё в богов, на растаскивание церковного имущества. Особую активность в этом деле проявили церковники Суханов Николай, Быстрова Матрона, Алясова Екатерина, Зобов Иван, Евстигнеев Яков». Сельсовет вынужден был вторично повесить замок, а ключи передать церковному совету. Но последний от их принятия отказался.

Пустующую церковь сначала планировали отдать под школу. Об этом сви-

детельствует протокол № 19 общего собрания колхоза «Свобода» Покровского сельского совета от 24 апреля 1939 года, когда с докладом о работе Покровской начальной школы выступил её заведующий Константин Петрович Филипов. Он сообщил, что «за 3 четверть из 223 учащихся, неуспевающих – 24. Выбыло из школы 10 человек. Недостаточно внешкольной работы с учащимися, родительских собраний было только одно. В 1939–1940-х годах в селе Покрове открывается <...> не только начальная, но и средняя школа. Родители должны оказать в этом свою помощь, а главным образом, помочь в изыскании помещения для неё и отдать церковь под школу». Общее собрание постановило: «передать помещение религиозного культа – церковь – под строительство школы».

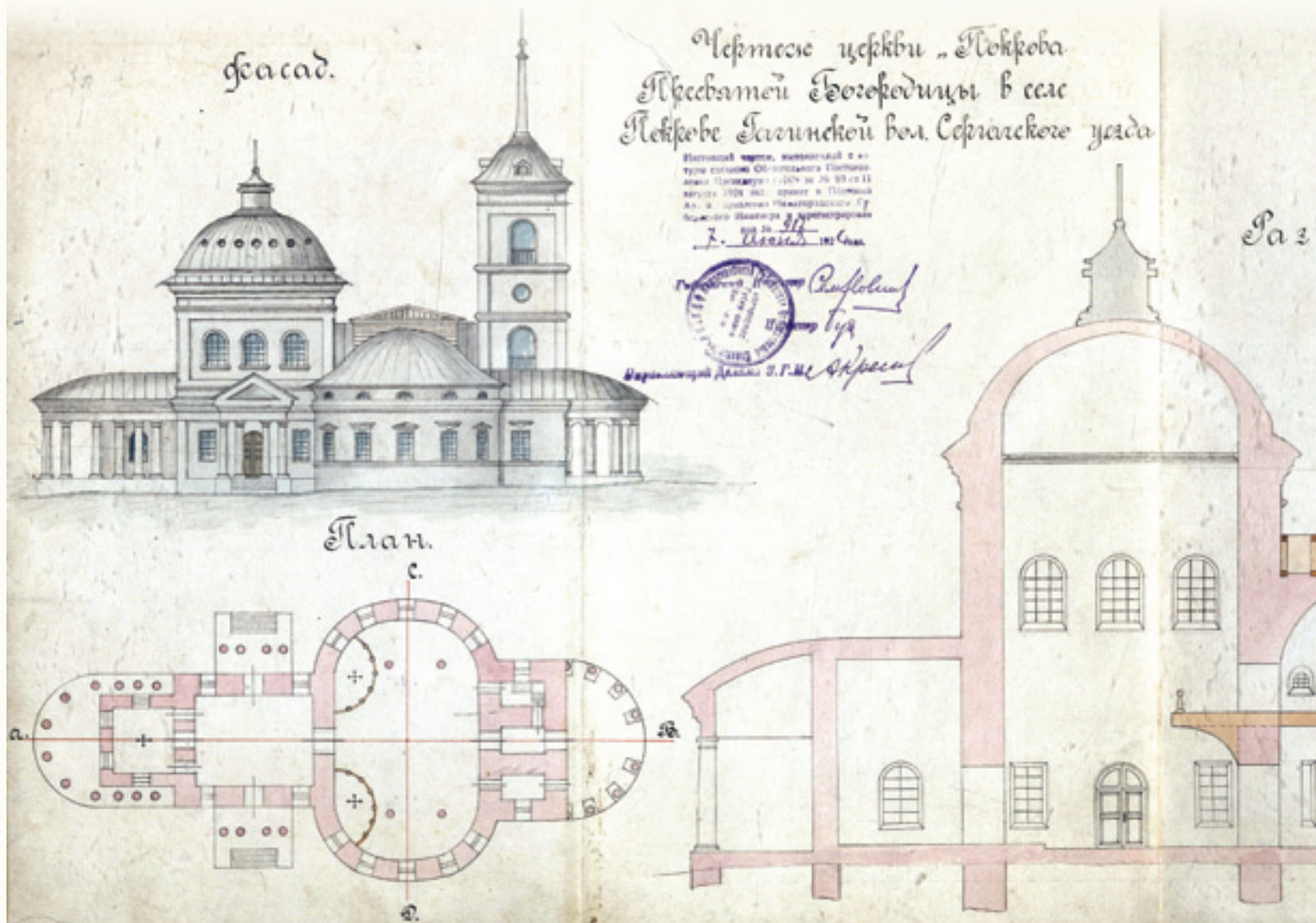
Однако из-за того, что на апрельское собрание «не могли явиться по уважительным причинам 150 человек от общего числа членов колхоза 611 человек», 20 июня 1939 года они выступили на заседании президиума Гагинского райисполкома с предложением

о передаче помещения под культурное учреждение: было решено организовать в бывшем храме клуб. Президиум Гагинского райисполкома поддержал ходатайство общего собрания колхозников и направил в вышестоящую организацию – Облисполком – прошение об утверждении такого решения.

Был составлен план клуба: в бывшем храме хватало места для сцены, зрительного зала, фойе и тамбура. Требовалось произвести перестройку полов в зрительном зале, оборудовать сцену с устройством рам и дверей, разобрать верх колокольни и покрыть кровлю железом. Ориентировочная смета на переоборудование бывшей церкви под клуб составила 13 040 рублей.

Но сначала нужно было пройти официальную процедуру ликвидации церкви, т. к. облисполком отказался рассматривать этот вопрос без предоставления дополнительно материала: «решения президиума райисполкома о поддержке ходатайства граждан о закрытии церкви, справки о том, за счёт каких средств будет переоборудовано данное здание, о количестве населения, обслу-

Чертёж Покровской церкви. 1925. Центральный архив Нижегородской области

Наследие

живаемого данным приходом, количество голосовавших за закрытие церкви, расстояние от села Покрова до ближайшей действующей церкви».

Эти сведения были отправлены в Горьковский облисполком Гагинским районным исполнительным комитетом Советов рабочих и крестьянских депутатов 15 августа 1939 года. Оказалось, что «1) всего обслуживала данным приходом 2 032 человека, в том числе имеющих право решающего голоса от 18-ти лет и старше 980 человек; 2) на общем собрании при голосовании за закрытие церкви голосовало 611 человек, не могли участвовать при голосовании временно отсутствующие в промышленности 369 человек; 3) ближайших действующих церквей от села Покров нет, т. к. они уже ликвидированы; 4) здание церкви будет переоборудовано под колхозный клуб за счет колхоза».

4 сентября 1939 года президиум Горьковского областного исполни-

Справка
 Дана Галиной Филимоновой
 Аким, для всего населения по
 селу Покрову. Старше 18 лет
 - 980 чел. Всего, т.е.
 - временно отсутствующие в
 промышленности - 369 человек.
 Президент Президиума
 Аким Горьковского

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 363
 Президиума Горьковского Областного Исполнительного Комитета
 4 сентября 1939 г.

2. О закрытии церкви в с. Покрове, Гагинского района.

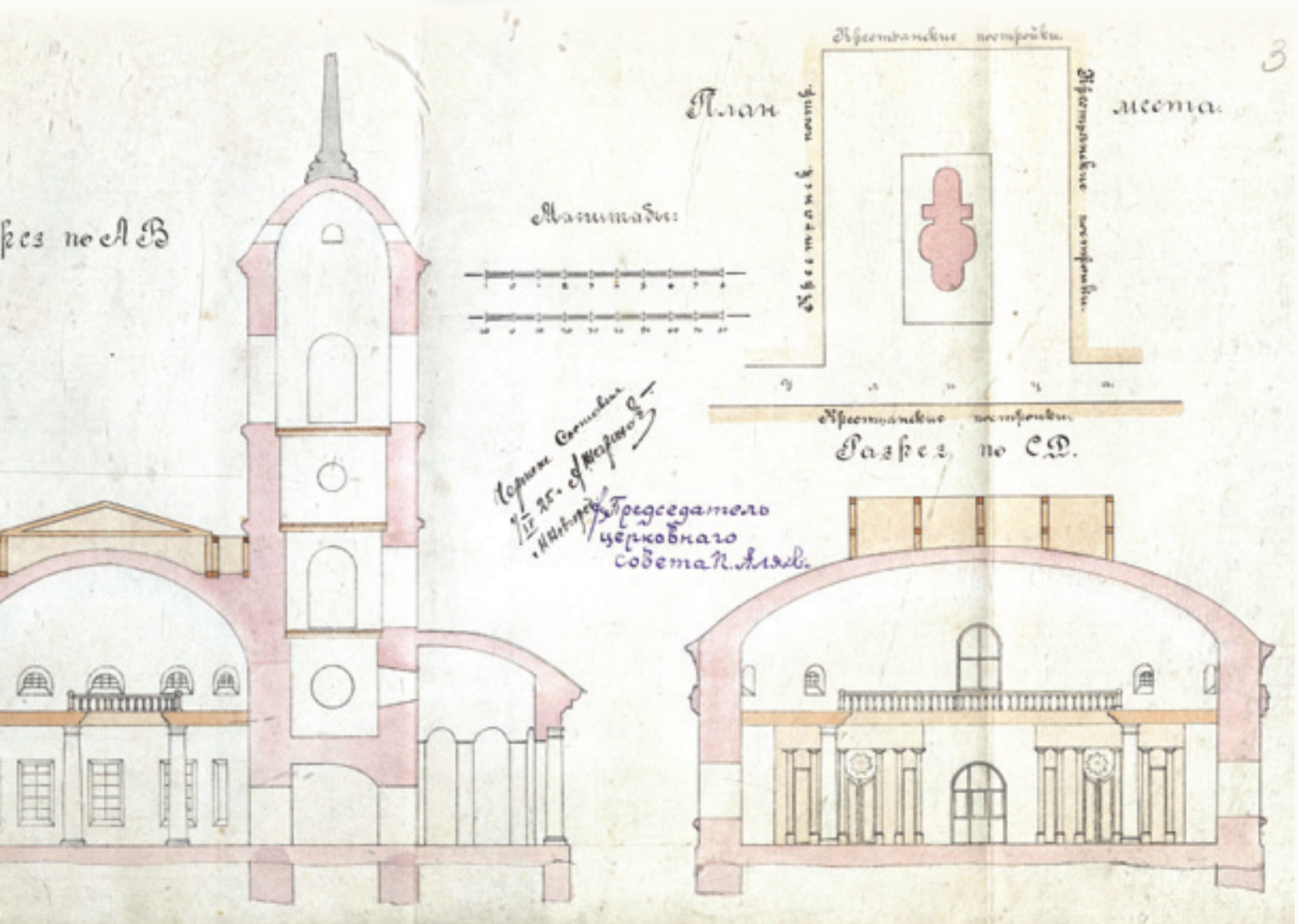
Отказаться с использованием Президиума Гагинского райисполкома от 20/71-1939г. здания в с. Покрове закрыть, с использованием переоборудовать под клуб.
 Закрытие церкви проводить райисполкомом, с соблюдением ст.ст. 40, 42 и 44 закона о религиозных объединениях».

И.н. Председатель Областного - И.И. Рыжов.
 Чл. секретари Областного - А.Г. Даровал.

Зарег. ответ. исполнители

тельного комитета подписал постановление № 363 «О закрытии церкви в селе Покров Гагинского района» и поручил произвести закрытие храма райисполкому «с соблюдением статей № 40, 42 и 44 закона «О религиозных объединениях». 15 сентября 1939 года постановление облисполкома было объявлено секретарём Гагинского райисполкома церковному совету в лице Ивана Андреевича Филипова, Павла Васильевича Алясова и Ивана Емельяновича Зобова. Члены церковного совета от подписи отказались, но это уже ни на что не могло повлиять: постановление президиума облисполкома вступило в законную силу 2 октября 1939 года. По воспоминаниям деда Яна Вайле, после варварского разрушения церкви огромный колокол остался цел и невредим, но его потом куда-то утащили двумя танками.

Галина Филимонова

Несгибаемый изобретатель Ефим Горин

В дальнем Засвияжье Ульяновска есть улица Горина. Наверное, мало кто из живущих на ней людей знает, что она названа в честь симбирского изобретателя-самоучки, девиз жизни которого задекларирован им в собственной стихотворной строчке: «Я для того изобретаю, чтоб лучше стало жить стране».

Портрет Е.Е. Горина в Галерее знаменитых симбирян-ульяновцев

Необыкновенно плодовитый на идеи, симбирский крестьянин Ефим Евграфович Горин (1877–1951) к концу своей жизни получил патент на 300 изобретений. Он буквально искрил ими. Однако до установления советской власти в России мало кто интересовался его предложениями. К самоучкам относились весьма неодобрительно, да и преклонение перед западной технической мыслью было весьма сильным. Лишь после 1917 года творческие идеи Горина стали всерьёз рассматривать учёные специалисты. В «Сертификате», выданном симбирянину 22 июля 1921 года, перечислены сразу 55 его изобретений, принятых от него «на рассмотрение и утверждение в правах приоритета и частично для практического в государственных интересах использования».

Диапазон его интересов поражает. Вдумайтесь только, наш земляк, окончивший начальную школу в родном селе Анненково Степное (ныне Цильнинский район Ульяновской области) и выучившийся на столяра в царской России, думал о том, как создать проект секретного, непроходимого ограждения границ государства от вторжения наступающих войск неприятеля, над способом оборонительного истребления вражеского воздушного флота, над созданием чудо-машины, произносящей митинговые речи одновременно во многих местах без участия ораторов, над проектом электрического стального человека-автомата и даже создал физический прибор, определяющий духовные наклонности и нравственные качества каждого человека!

Самородок из Анненкова Степного

Ефим Евграфович Горин, первенец в семье плотника Евграфа Фёдоровича Горина и его жены Наталии Романовны из сёла Анненково Степное Загуздаевской волости Симбирского уезда Симбирской губернии, с рождения доставлял большие хлопоты своим родителям. Ребёнок, родившийся в первый день Пасхи 27 марта (по старому стилю) 1877 года, рос крайне энергичным, любознательным и чертовски изобретательным. Таковым он оставался всю свою жизнь. Может быть, этому таланту способствовало то, что мать его на 10 лет была старше своего молодого 19-летнего супруга? Есть и такая гипотеза по поводу рождения гениальных детей.

Если бегло проследить жизненный путь Ефима Горина, можно сделать вывод, что к изобретательству маленького Евфимия подтолкнули книги. Мама научила его читать шести лет. В 1886 году Фиму отдали в начальную школу, открытую в селе Анненково Степное супругами Ф.А. и А.А. Знаменскими. Существенную сумму на строительство школы внёс симбирский писатель В.Н. Назарьев. Мальчик очень любил читать и особенно произведения французского Жюль Верна. Книжки он брал в библиотеке Знаменских. Уже став взрослым, Е.Е. Горин стал думать над тем, каким способом можно согреть Северный полюс и прилегающие к нему окраины, а также как создать искусственное кольцо Сатурна вокруг экватора Земли.

Если в зрелые годы он свои изобретения воплощал на бумаге, то в детстве

Отец Е.Е. Горина
Евграф Фёдорович Горин

экспериментировал с подручным материалом, потому что все полученные знания хотел проверить опытным путём. Известен случай, когда мальчик самостоятельно пытался изготовить порох, чем вызвал взрыв и последующий в избе пожар.

По крестьянским меркам совсем непутёвый рос мальчишка, шепутной, не такой, как все. Выучившись у отца столярному делу, Ефим переехал в город. С 1894 года жизнь Горина протекала в избе на Нижнемосковской улице, а затем с помощью родственников построил дом в Германовском переулке, ныне переулок Гоголя. Постепенно он сменил род деятельности со столяр-

Мать Е.Е. Горина Наталья Романовна
Горина

ных работ на фотодело. Фотография в то время – дорогое удовольствие для обеспеченной публики. Так он пытался прокормить семью. Женится изобретатель, как и отец, рано. В 1896 году в Богоявленской церкви Симбирска произошла церемония венчания молодых супругов – 19-летнего Ефима Горина и 17-летней Прасковьи Головачёвой, крестьянки Симбирского уезда.

Без отрыва от основной работы Ефим Горин непрерывно трудился над техническими изобретениями. Правда, ни одно из них не вышло в свет. Главная причина – бедность изобретателя. Он не мог найти денег даже для того, чтобы запатентовать свои работы и изготовить хотя бы один образец для демонстрации сильным мира сего. Меценаты ему всегда отказывали, не веря, что самоучка может изобрести что-либо стоящее.

В Ульяновске время от времени вспоминают о Ефиме Горине. Чаще всего пишут о двух его работах – аппарате, передающем изображения на расстояние (1901 год), предтече современного телевизора, и электрическом глазе для слепых (1909 год). Возможно, это происходит из-за того, что больше всего он хлопотал именно о них. Однако отклика ни у кого не нашёл.

Сам изобретатель тем временем потерял зрение. Случилось это в 1915 году, когда Ефиму Евграфовичу не было и сорока лет. Некоторые исследователи предполагают, что ослеп гений из-за непосильной работы, отчаяния и непризнания. Но есть и версия А.М. Горького, по которой зрение Ефим Горин стал стремительно терять из-за стакана денатурата, выпитого им (первые в жизни) в чайной после очередной неудачной попытки отыскать спонсора. Некоторые исследователи говорят о том, что Ефим Евграфович якобы предвидел свою судьбу и поэтому так хотел претворить свой аппарат для незрячих в жизнь. Смеем вас заверить, Ефим Горин думал не только о слепых! Среди его разработок есть «буквопроизносящий глаголоспрягающий аппарат для глухонемых, дающий возможность произносить членораздельные и удобопонимаемые фразы при помощи пальцев рук», однако слух и речь изобретатель не утратил до конца жизни. Глаза ему во внезапно наступившей темноте заменила его дочь Зина.

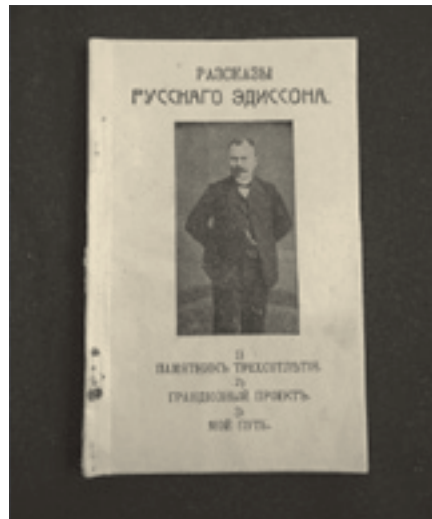
Уже будучи незрячим, 27 октября 1916 года Е.Е. Горин подал заявку на «электрофотографический аппарат». Это был предшественник современного ксерокса. В дальнейшем талантливый

симбирский фотограф сделал ещё множество изобретений в радиотехнике, магнитографии, фототелеграфии, телевидении.

Сочинители и сочинительство

Судьба изобретателя постоянно пересекалась с судьбами творческой интеллигенции страны. А.М. Горький был не единственным знакомым Ефима Горина, который видел изобретателя и зрячим, и после потери зрения. Алексей Максимович высоко оценил дар Горина и отозвался о нём как о «человеке ценного и трудолюбивого ума».

В Симбирске соседом Ефима Горина по улице Нижнемосковской оказался писатель Гавриил Никитич Потанин. Придя знакомиться к Гориным, Гавриил Никитич заявил: «Я ищу человека, который «не о хлебе едином жив бывает». Он не ошибся адресом.

Титульный лист книги Е.Е. Горина с фотографией автора

Писатель Скиталец (Степан Петрович Петров), дом которого сохранился на ульяновском Венце до наших дней, выступал в столичной прессе с намерением привлечь спонсоров к детищу Горина: «Всё-таки я считаю долгом откликнуться на вопль одного русского изобретателя, обратившегося к печати, как к последнему прибежищу. <...> некто Е.Е. Горин из Симбирска пишет мне, что новинка, изобретённая профессором д'Альба – не есть новость, ибо уже несколько лет тому назад такой аппарат для слепых изобретён им, Гориным. Над таким аппаратом г. Горин, по его словам, бился около 10 лет и разрешил задачу зрения для слепых блестяще. Но за все эти годы г. Горину

не удалось привлечь к своему аппарату внимания общества.

Предвидя мой вопрос: не был ли он недостаточно энергичен? – г. Горин сообщает, что он толкался решительно во все двери... Всюду встречали с недоверием претензию какого-то симбирского человечки победить слепоту, против которой бессильна и наука. На присланной мне фотографии г. Горин изображён со своим аппаратом на голове – в виде повязки с телефонными наушниками».

Несмотря на постоянные неудачи и откровенную травлю со стороны обывателей, испытываемую им с самого детства, Ефим Евграфович шёл по жизни с гордо поднятой головой. Он считал себя равным самым выдающимся умам человечества. Лишь в его литературном творчестве проскальзывают ноты обиды и отчаяния.

Из стихотворения Е.Е. Горина «В городе»

За свой пытливый ум и жажду просвещения

Он в Свинске (Симбирске. – Ред.) заслужил название «шарлатан»

И лично испытал большие оскорбления

За свой полезный труд от свинских сограждан.

Надо сказать, что кроме изобретательства, Горин имел ещё одну страсть – к написанию литературных произведений. «Лет пятьдесят назад на окраине Симбирска жил фотограф Горин, – пишут в монографии «С книгой через века» Е.Л. Немировский и Б.С. Горбачевский. – Клиентов обслуживал не всех, а лишь тех, которые ему нравились <...> Горин писал бездарнейшие стихи <...> Но захватанные банальные рифмы соседствовали в нём с почти безошибочным чутьём нового в технике <...> Диву даёшься, какой великолепной пронизательностью он обладал».

Действительно, собственные сочинения Горина были несовершенны, но отказаться от желания изложить свои мысли в стихах и прозе технический гений не мог. Его опыты публиковались в газетах Симбирска, издавались небольшими книжечками в Санкт-Петербурге. Особенно интересны его фантастические рассказы, вероятно, он чувствовал себя симбирским Жюль Верном. Во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке им. В.И. Ленина газет «Симбирянин» за 1917 год не сохранилось. Благодаря родственникам Е.Е. Горина, подарившим ему на 50-летие альбом под названием «Русский

Фотография семьи симбирян, сделанная Е.Е. Гориним в начале XX века

Эдисон», где было собрано всё техническое и творческое наследие Ефима Евграфовича, мы можем познакомиться с рассказом «Кольцо Сатурна», действие которого происходит в 2358 году, когда мир захватила Лига полноправия женщин. Автор проповедует идею создания мирового государства с мировой полицией: «Мы уничтожили границы государств, сделали всеобщим достоянием всё, что идёт на потребу всего человечества, мы дали полнейшую свободу жить людям всех рас и национальностей там, где кто из них пожелает, мы выработали общий язык для всех жителей земли, язык и закон, и, таким образом, отечеством человека стала Земля».

«Кольцо Сатурна» в рассказе – это аккумулятор атмосферного электричества для всей планеты. «Вон взгляните туда, на горизонт, видите там узенькую полоску, словно огромной длины железнодорожный мост? Это «кольцо Сатурна», построенное нашими инженерами в течение последнего тысячелетия».

Горин, как видим, был весьма продвинут в вопросах мировой политики. Кстати, среди его изобретений есть и счётчик, «позволяющий производить всякую баллотировку». Председатель Государственной думы в начале XX века получил от изобретателя письмо с предложением «устроить... электрическую баллотировочную урну, с помощью которой любую баллотировку можно произвести в несколько секунд. Причём все будут сидеть на своих местах и видеть на особом циферблате число голосов «за» и «против».

Ефим Евграфович подсчитал, что каждая минута заседания думы обходится в 75 рублей. Внедрением своего устройства он хотел сэкономить народные средства. Ответа из думы не последовало. Только в конце XX века электронное табло с результатами голосования стали внедряться в практику.

Переехав в Москву в начале 1920-х, Горин получил комнату на Тверском бульваре, познакомился с видными политическими фигурами страны Советов, оформил патенты на 300 своих работ. О нём лично хлопотали такие крупные политики, как В.В. Куйбышев и М.И. Калинин. Однако Ефим Горин по-прежнему оставался беден и не увидел своих изобретений, применённых на практике.

Его счастье, что любимая семья всегда поддерживала его. Дети выучились. Один из сыновей Анатолий, внешне очень похожий на отца и также технически одарённый, стал замечательным радио- и телемастером. Сам «русский Эдисон», так называл себя Е.Е. Горин, не роптал на судьбу, обошедшуюся с ним жестоко. Он философски относился к своим неудачам. В своём рассказе «Грандиозный проект», впервые напечатанном в «Симбирянин» в январе 1914 года, есть рассуждение: «...Гениальные люди тем именем и отличаются, что их мозг работает наподобие опережающих время часов, стрелки которых вечно бегут вперёд и этим раздражают всех, кто желал бы по ним узнать правильное время. Такие часы имеют за собой дурную репутацию, и цена им бывает всегда грош...».

Ульяновская земля по-прежнему продолжает рождать изобретателей. Талантливые молодые люди составляют особую гордость нашей малой родины. Им уготовано прекрасное будущее. С 2012 года лучшим студентам IT-направлений вручаются стипендии губернатора Ульяновской области «Имени Ефима Евграфовича Горина». Однако личность гениального изобретателя-самоучки продолжает оставаться интересной лишь краеведам. Открыла его для земляков замечательный специалист музейного дела М.М. Савич, а наиболее подробное погружение в жизнь Е.Е. Горина совершил А.М. Авдонин-Бирючевский, автор книги «Дальновидение Ефима Горина». В краеведческом отделе Дворца книги её может прочитать любой желающий.

Лилия Янушевская

Воздушный перелёт над побережьем Арктики

Занимаясь поиском материалов по истории Ульяновской школы пилотов, я обнаружил интересные факты в биографии уроженца Инзы Владимира Ильича Мишенкова (1914–1943).

Владимир Мишенков в 1935 году окончил Ульяновскую объединённую школу пилотов и авиатехников Осоавиахима, получил специальность авиатехника и был откомандирован в распоряжение Управления Главсевморпути. Именно в этом году началось освоение воздушных трасс Эвенкии, из Туруханска в Туру прилетел первый самолёт. Экипаж состоял из пилота Яна Липпа, старшего и младшего бортмехаников С.К. Фрутецкого и В.И. Мишенкова.

Однако более значительным событием в жизни нашего земляка стало участие в экспедиции, которую возглавлял опытный лётчик, Герой Советского Союза В.С. Молоков. В те годы Главным управлением Севморпути разрабатывался план освоения Арктики. Наряду с морской дорогой необходимо было установить воздушный путь над всем побережьем. С 22 июля по 19 сентября 1936 года В.С. Молоков, Г.Т. Побежимов (первый механик), В.И. Мишенков (второй механик), А.А. Ритслянд (штурман) и четыре пассажира (в их числе спецкор газеты «Правда», писатель Борис Горбатов) на морской летающей лодке Дорнье «Валь» под номером СССР-Н2 осуществили беспрецедентный облёт территории Крайнего Севера и трассы Северного морского пути из Красноярска в Москву (26 300 км).

Летающая лодка Дорнье «Валь» по праву занимает заметное место в истории авиационной техники. Созданный в начале 1920-х годов талантливым германским конструктором Клодом Дорнье самолёт более двадцати лет находился в составе военно-воздушных сил и гражданской авиации многих стран, налетав миллионы километров по всему земному шару. Принятая на вооружение морской авиации ВМФ РККА в конце 1920-х годов, летающая лодка сыграла важную роль в становлении советской морской и полярной авиации. На протяжении длительного времени самолёты этого типа были единственными, способными

выполнять дальние полёты по трассе Северного морского пути для ледовой разведки.

Маршрут арктического перелёта проходил через Красноярск, Якутск, бухту Нагаева, Петропавловск-Камчатский, Анадырь, Уэлен, остров Врангеля, бухту Амбарчик, бухту Тикси, Нордвик, остров Диксон, острова Северная Земля, остров Вайгач, Архангельск, Вологду и завершился в Москве. После этого экспедиция вернулась в Красноярск, пролетев суммарно 31 000 километров.

Высоко был оценён арктический перелёт! «Правда», «Известия» и другие газеты отводили этому событию целые полосы под огромными заголовками. Каждый день полёта фиксировался в сообщениях корреспондентов с мест, о нём рассказывалось в статьях Бориса Горбатова. Во всех центральных газетах была опубликована телеграмма от И.В. Сталина: «Герою Советского Союза товарищу Молокову. Поздравляю с успешным проведением замечательной работы по установлению воздушных путей Арктики. Желаю Вам новых успехов. Жму руку. И. Сталин».

В день прибытия экипажа Молокова в Москву ЦИК Союза ССР издал постановление, которым «за исключительное мастерство, проявленное при облёте в труднейших условиях впервые всей территории Крайнего Севера и трассы Севморпути от Берингова пролива до Белого моря» были награждены: командир самолёта Герой Советского Союза В.С. Молоков – орденом Красной Звезды, первый бортмеханик Г.Т. Побежимов – орденом Ленина, штурман А.А. Ритслянд и второй бортмеханик В.И. Мишенков – орденами Трудового Красного Знамени. Кроме этого, члены

экипажа были награждены денежными премиями.

Борис Горбатов в своём очерке «Большой арктический перелёт» (1936 год) писал о В. Мишенкове: «Рядом с ним (В. Молоковым) сидел его верный друг и испытанный помощник Григорий Трофимович Побежимов. <...> Тут же помещался и Володя Мишенков – помощник Побежимова. Он наблюдал за приборами, а в свободное время в полёте читал книги. Володя – парень любознательный и до книг охочий».

Вот как описывает этот перелёт вице-президент Ассоциации полярников России, действительный член Русского географического общества Ю.К. Бурлаков: «Молоков давно мечтал выполнить перелёт вдоль всего Арктического побережья – от Уэлена до Архангельска, связав все основные населённые пункты постоянной воздушной линией. Это было в интересах Главсевморпути. Пассажирами летели спецкор «Правды» Б.С. Горбатов, начальник политуправления Главсевморпути С.А. Бергавинов. В ряде мест садиться приходилось вслепую: пилот не видел поверхности моря, даже когда хвост самолёта уже чертил по воде. Однако выручал лётный опыт. В Архангельске получили указание Главсевморпути прибыть в Москву 19 сентября в 17.00 с посадкой на Москве-реке у Парка культуры имени Горького. Несмотря на многочисленные мосты, Молоков выполнил красивую посадку на акватории реки! На пристани экипаж встречали члены Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотов, Л.М. Каганович и А.А. Андреев, руководство Главсевморпути. Лётчиков вместе с семьями пригласили на трибуну. Затем в Моссовете состоялся торжественный вечер. 27 сентября лётчиков принимали в Кремле и наградили орденами».

После перелёта, в 1937 году, Владимир Мишенков окончил Николаевское лётное училище Осоавиахима и получил специальность пилота. Летал на Севере. С 1942 года работал лётчиком-испытателем на авиационном заводе № 21 в Горьком. Погиб 2 ноября 1943 года в авиакатастрофе при полёте из Ташкента в Горький.

Виктор Будкевич

По страницам Ульяновской авиационной энциклопедии

На страницах прошлого выпуска «Мономаха» (№ 4 (100) 2017) мы рассказывали о работе по подготовке «Ульяновской авиационной энциклопедии», которую на протяжении трёх лет вёл Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина. Издание станет подтверждением достижений ульяновцев в области авиации. Коллективом, объединившим усилия научно-исследовательских, образовательных учреждений и промышленных предприятий, сделаны интересные находки, систематизированы факты, свидетельства и документы, подготовлено около 900 энциклопедических статей. Продолжаем знакомить читателей журнала с новой книгой.

Из истории ульяновского аэроклуба ДОСААФ

Интересен тот факт, что практически во всех статьях и книгах об ульяновском аэроклубе есть информация о том, что его история начинается с 1931 года, с появления в Ульяновске Ульяновской объединённой школы пилотов и авиатехников Осоавиахима. Однако это не совсем верно. В школе готовили лётчиков-инструкторов, профессиональных пилотов, а аэроклуб предполагал более массовую работу, привлечение и обучение без отрыва от производства.

История организации ульяновского аэроклуба началась 22 апреля 1935 года с визита в Ульяновск спортсмена-парашютиста М.Г. Забелина. На его встрече с комсомольцами города 24 апреля было принято решение об организации

аэроклуба в Ульяновске. В мае 1935-го на городском физкультурном стадионе была собрана парашютная вышка. Решением бюро горкома ВКП(б) от 4 мая 1935 года в Ульяновске был создан аэроклуб. Для обучения лётчиков планировалось приобрести два самолета У-2.

В аэроклубе было введено индивидуальное и юридическое членство. Вступать в клуб могли хозяйственные, профсоюзные и общественные организации, каждая из которых вносила в общий фонд не менее 500 рублей. Первым начальником аэроклуба был назначен Г.И. Константинов, руководитель Ульяновской объединённой школы пилотов и авиатехников Осоавиахима.

В конце мая 1935 года были оборудованы планеродром и парашютная стан-

И.В. Аверьянов

ция в бывшей водонапорной станции в городском саду имени Свердлова (Владимирский сад). Летом 1935-го был получен первый парашют для парашютной вышки аэроклуба. К середине июня в клуб вступили более 500 человек, 8 организаций. Было получено помещение на улице Гончарова, 17 (бывший кинотеатр «Модерн»).

В 1936 году было закуплено два планера. В публикациях того времени аэроклуб называют «Парашютно-планерным клубом» в связи с отсутствием в клубе самолётов и невозможностью подготовки лётчиков. В мае 1936-го учёбу окончили 35 парашютистов, был сделан новый набор на курсы планеристов. А 30 декабря 1938-го аэроклуб выпустил первый отряд молодых пилотов, прошедших десятимесячную программу первоначального обучения без отрыва от производства. Было выпущено 48 курсантов-лётчиков, среди них две девушки. В первом выпуске ульяновского аэроклуба был и Герой Российской Федерации И.В. Аверьянов.

Анна Баранникова

Второй выпуск лётчиков-инструкторов. 1935

Запуск мотора цепочкой

Ульяновская объединённая школа пилотов и авиатехников Осоавиахима

В 1931 году Средне-Волжский краевой совет Осоавиахима принял решение перевести в Ульяновск краевую школу лётчиков. Занятия курсантов в Ульяновской лётной школе им. Молотова Средневолжского краевого Осоавиахима начались 15 октября, а 19 ноября 1931 года на аэродроме состоялось торжественное открытие школы. До сегодняшних дней в Ульяновске на Московском шоссе, 53 сохранилось здание командного пункта аэродрома. Штаб и учебная часть размещались в здании на улице Гимова, 1 (ныне музыкальное училище), общежитие – в доме № 3 (ныне Дворец бракосочетаний). Во дворе этих зданий находились гараж, вещевой, технический и продовольственные склады и три жилых дома для лётно-технического состава школы. Был построен аэродром. На этом этапе велась подготовка пилотов на У-2. Первый выпуск курсантов состоялся в феврале 1932-го. В 1932–1937 годах комиссаром школы был Г.И. Константинов.

Весной 1932 года в Ульяновске был открыт I-й Всесоюзный авиационный техникум. 5 ноября 1933 года приказом ЦС Осоавиахима СССР авиатехникум и Ульяновская лётная школа были преобразованы в Объединённую школу пилотов и авиатехников Осоавиахима.

Комплектование лётного отделения проводилось за счёт пилотов, прошедших первоначальное обучение в аэроклубах. 13 ноября 1933 года в Ульяновск прибыли 80 курсантов из Центрального аэроклуба им. В.П. Чкалова (Москва). В школе они отрабатывали элементы полёта на самолётах У-2, Ут-1 как лётчики-инструкторы, способные обучать курсантов по программе курса учебно-лётной подготовки ВВС.

С 1936 года окончившим курс инструкторов присваивалось звание лейтенантов запаса, окончившим курс авиатехников – звание воентехников

2-го ранга запаса. По особой программе велась подготовка инструкторов лётчиков-парашютистов: курсанты выполняли 25 прыжков с учебного и боевого самолётов, последние прыжки совершались, когда самолёт выполнял элементы высшего пилотажа. После учёбы эти курсанты направлялись на должности начальников парашютно-десантных войсковых соединений.

В школе на отделениях инструкторов и авиатехников были и девушки. К 1939 году в школе обучались на инструкторов-лётчиков 174 человека, на авиатехников 240 человек.

С 1 февраля 1940 года школа преобразована в Ульяновскую военную авиационную школу пилотов (УВАШП) и вела подготовку лётчиков-истребителей на самолётах И-5, И-15 бис, И-16, а затем – лётчиков-истребителей-штур-

мовиков на Ил-2. Её начальником был назначен полковник В.Г. Урус, комиссаром – В.И. Черешнюк. Только во время войны УВАШП подготовила 880 боевых лётчиков. По постоянно уточняющимся данным, 56 воспитанников УВАШП удостоены звания «Герой Советского Союза», один – звания «Герой Социалистического Труда», один – звания «Герой России». Среди воспитанников школы есть заслуженные военные лётчики СССР, лётчики-испытатели, заслуженный пилот ГА, мастера парашютного спорта, чемпионы мира по высшему пилотажу, авиационные судьи международного класса.

Классные занятия. 1937

В связи с сокращением Вооружённых сил 5 ноября 1945 года Ульяновская военная авиационная школа пилотов была расформирована. Уникальные материалы о ней собраны и хранятся Елизаветой Романовной Морозовой в музее «Люди легенд» в Новоульяновской школе.

Татьяна Качкина

Выпускники 1936 года

История сенгилеевских купцов Климовых

Когда в Сенгилее появились первые купцы, мы в точности не знаем. Известно лишь, что в последней четверти XVIII века здесь уже существовало полтора десятка купеческих семей.

По сведениям надворного советника Тимофея Григорьевича Масленицкого, в 1783 году в Сенгилее было 400 деревянных обывательских домов, где проживало 2 655 человек (1 241 мужчина и 1 414 женщин). Среди них числилось 111 душ купеческого сословия (55 мужчин и 56 женщин) и 13 мещан (5 мужчин и 8 женщин). В Сенгилее тогда было 14 деревянных купеческих домов, 3 мещанских дома, 7 водяных мельниц, 1 питейный дом и 10 ветхих лавок, в которых и велась торговля.

Купцы и мещане торговали хлебом на сумму до 10 000 рублей и мелочными товарами, которые отправляли вниз по Волге. Заводили кожевенные и другие промыслы. Некоторые занимались рыбной ловлей и выпечкой хлеба для ходивших по Волге бурлаков. В торговле хлебом участвовали также нижегородские, самарские и симбирские купцы. Со временем сенгилеевские купцы взяли в свои руки всю хлебную торговлю в уезде. Они скупали из заволжских и окрестных селений пшеницу, рожь и просо, перерабатывали их на городских мельницах и отправляли речным путём в Симбирск, Самару, Казань и Нижний Новгород. Сенгилеевская крупчатка была известна по всей Верхней Волге.

О купцах Климовых в своей книге «Столетие города Сенгилея», вышедшей в свет в 1902 году, В.Э. Красовский писал, что этот купеческий род в истории Сенгилея по старшинству лет занимал третье место, после Пырковых (фирма основана в 1835) и Цыковых (1836). Их хлебная торговля, крупчатое и просообдирное производство было основано в 1841 году. В начале XX века годовой торговый оборот этой купеческой семьи достигал 500 тысяч рублей.

Климовы происходят из нижегородского купечества. Первым известным

Барвара Ивановна Климова (сидит слева), Фаина Михайловна Сахарова (стоит справа)

нам представителем этого рода был Михаил Сергеевич Климов, родившийся в 1780 году. Почётный гражданин Нижнего Новгорода, купец 2-й гильдии, он дважды избирался городской головой Нижнего Новгорода в 1828–1830 и 1837–1839 годах. Торговал Климов железом, хлебом и солью. Ему и его сыну Сергею принадлежали маслобойни, пароходы, а также магазины по торговле минеральными маслами.

Общественную карьеру Михаил Сергеевич начал в 1807 году с избрания рагманом Нижегородского городского магистрата. В 1822 году он был избран гласным городской думы от 2-й гильдии купцов и, как отмечают архивные документы, «за частым отсутствием в городе градского главы советника И. Пятова всегда в разное время должность его исправлял». За такую усердную службу он был удостоен специальной признательности нижегородского губернатора Крюкова. В 1823 году Климов был приглашён в члены комитета по сооружению кафедрального собора, а в 1826-м избран членом комитета по проекту инструкции для руководства конторой Нижегородской ярмарки.

При отправлении должности городского главы Климов много внимания

уделял статистике: были составлены обывательские книги, списки и ведомости купцов и их капиталов. В 1829 году при сильном наводнении Заречной части города Климов, член комиссии по ликвидации последствий бедствия, «за усердную службу и точное исполнение предписаний начальства удостоился получить похвальный аттестат от начальника губернии Храповицкого».

В 1830 году городскому голове Климову пришлось бороться с эпидемией холеры, вспыхнувшей в городе. Были оборудованы специальные холерные бараки, на поражённые дома накладывался карантин, проводились санитарные мероприятия по очистке города. В это время Михаил Сергеевич понёс тяжёлую утрату: в 1831 году его жена Александра Ивановна и дочь Надежда умерли от холеры.

Михаил Сергеевич Климов уделял значительное внимание здравоохранению – с 1827 года он неизменный член комитета по постройке 2-го отделения градской больницы.

За личное пожертвование 1 018 рублей на это предприятие Климов получил особую благодарность от губернатора.

Многие годы Михаил Сергеевич со-

Николай Александрович Климов

стоял почётным членом губернского попечительства детских приютов, был председателем Нижегородской судходной расправы. За свои заслуги был награждён двумя золотыми медалями на Аннинской и Владимирской лентах. Был удостоен звания потомственного гражданина, которое переходило и на всех его потомков.

Нам известны три сына Михаила Сергеевича – Сергей, Николай и Александр. Сергей Михайлович, купец 2-й гильдии, проживал в Нижнем Новгороде и вёл свое дело вместе с отцом. О нём известно немного, в 1865 году он числился заседателем от купечества в палате гражданского суда Нижегородской губернии. В 1864 году С.М. Климову принадлежали два буксирных парохода, которые курсировали между Рыбинском и Саратовом, в 1872 году Климов также значится среди владельцев пароходов: «контора в Провиантском переулке в собственном доме».

О другом сыне Михаила Сергеевича, Николае Михайловиче, известно ещё меньше. Жил он в Самаре, носил купеческое звание, занимался торговлей хлебом. В 1851 году он женился на Александре Андреевне, дочери Андрея Яковлевича Ражева. Имел свой каменный дом, пристань, выстроенную в 1844 году. Всё это потерял во время пожара 1850 года. Вот как об этом пишет семейная хроника: «13 июня 1850 года. В 11 часов утра был в Самаре сильный пожар. Сгорели все амбары, лучшие здания в городе и каменный дом брата Николая Михайловича, 2 машины баловых и машина с подчалком братьев Климовых, выстроенном в 1844 году». Умер в 1874 году. Его сын Константин в 1883 году женился на Пламеневской Антонине Николаевне.

Третий сын Михаила Сергеевича Александр Михайлович (1819–1859) обосновался в Сенгилее. В 1846 году женился на Марии Яковлевне (1830–1883), дочери Якова Михайловича Лебедева. Жил в просторном каменном двухэтажном доме (сейчас это место затоплено водами Куйбышевского водохранилища). В 1853 в его доме гостил симбирский губернатор: «3 июля 1853 года. В пятницу 12 ночи квартировал в доме А.М. Климова в Сенгилее по 5 число сего месяца Его Превосходительство Действительный Тайный Советник и Кавалер Николай Петрович Бибииков Губернатор Симбирский, и при нём его чиновник Владимир Фёдорович Самарин. Из Сенгилея отправился в Сызрань».

Из наследников Александра Михайловича наиболее известен старший Михаил Александрович (1851–1901), купец 2-й гильдии, который в 1875 году сочетался браком с Варварой Ивановной Пырковой, чем объединил две знаменитейшие купеческие семьи Сенгилея. Он был членом уездного училищного совета, гласным земского собрания и городской думы и членом от земства уездного податного присутствия.

Варвара Ивановна Климова

После смерти мужа Варвара Ивановна Климова жила в собственном доме в Сенгилее до самой Октябрьской революции. У неё был огромный яблоневый сад. По детским воспоминаниям внука Варвары Ивановны, Александра Сергеевича Сахарова (1907–1979), у неё было своё производство сливочного масла, и пароходы специально останавливались в Сенгилее, чтобы купить «климовское масло». Ещё она владела

Николай Александрович Климов (стоит в центре) с семьёй Сахаровых

небольшим конным заводом. Внучка Варвары Ивановны, Варвара Сергеевна Сахарова (1903–1992), рассказывала, как в декабре в день именин бабушки знакомые приходили поздравлять её с днём ангела, а она, девчонка, тоже Варвара, стояла за креслом бабушки и тоже принимала поздравления. Скончалась Варвара Ивановна в 1920 году от сыпного тифа.

Немного известно о Николае Александровиче (1855–?). Он, вероятно, продолжил дело после смерти брата. В семейной хронике он упоминался в 1903 году как крёстный одного из близнецов Фаины Михайловны Климовой и Сергея Матвеевича Сахарова. Известна также подписанная им фотография со станции Котлас, датированная 4 февраля 1918 года, где он навсегда прощается с вдовой брата Варварой Ивановной Климовой.

Последней из Климовых, о ком известно, была дочь Михаила Александровича Фаина Михайловна (1876–1922), которая в 1900 г. вышла замуж за юриста Сергея Матвеевича Сахарова (1867 – 1941) из известной в Симбирске купеческой фамилии Сахаровых, дослужившего до чина статского советника. Её внучка Наталья Александровна Сахарова сейчас проживает в Москве. По рассказам, не подтверждённым документально, у Климовых недалеко от Сенгилея, в посёлке Лесной, было имение, куда в 1919 году из Тушны была переведена коммуна имени III Интернационала. По воспоминаниям, в имении имелась оранжерея, где выращивались различные экзотические фрукты, даже персики. В Сенгилее, на речке Сенгилейка, сохранилось место, называемое «Климов сад». Вполне вероятно, что здесь до революции был сад, принадлежавший этому семейству.

Юрий Крылов

Опасный враг рейха

А.В. Назаров

Жизнь Александра Владимировича Назарова (1917–1992) – это яркие страницы большой книги: ученик повара, кровельщик, студент рабфака и института, курсант школы НКВД, помощник оперуполномоченного. В годы Великой Отечественной войны – разведчик-незаконник, руководитель разведывательно-диверсионной группы, командир партизанского отряда, а затем спецбригады имени Дениса Давыдова. После войны, имея за спиной богатый опыт чекистской работы, он прошёл путь от майора до генерала, стал начальником УКГБ по Ульяновской области, руководил коллективом Управления почти четверть века. Был бессменным членом бюро Ульяновского обкома КПСС и депутатом областного Совета депутатов.

Мне посчастливилось в течение 17 лет работать под руководством Александра Владимировича, около четырёх лет ежедневно общаться с ним по делам службы и хорошо знать его лично, а позднее изучать архивные материалы о нём и его работе в органах безопасности. Мой рассказ – о нескольких эпизодах из жизни и работы Александра Владимировича в период Великой Отечественной войны.

Посвящается 100-летию со дня рождения генерала А.В. Назарова

В Ульяновске на доме № 5 по улице Карла Либкнехта имеется мемориальная доска со скромной надписью: «Здесь жил генерал-майор А.В. Назаров, участник Великой Отечественной войны, с 1957 по 1980 год начальник УКГБ по Ульяновской области».

«Гражданин Петров»

В 1941 году Назарова, резидента органов госбезопасности, в особом отделе НКВД приняли за немецкого шпиона. Дело было так. Александр Владимирович после выполнения разведывательного задания в тылу немецких войск возвращался в штаб Калининского управления НКВД, которое дислоцировалось в городе Торопце Калининской области, так как областной центр был захвачен оккупантами. Когда Назаров с другим офицером переходили линию фронта (переправлялись через реку Ловать), они были задержаны охраной тыла – пограничниками. При Назарове обнаружили паспорт на имя гражданина Владимира Петрова, военный билет, справку о судимости, два пистолета и гранату. Его приняли за агента германской разведки, поместили в фильтрационный лагерь, где находились разные категории, начиная с перебежчиков, дезертиров и кончая лицами, которые подозревались как вражеские шпионы и диверсанты.

Обстоятельства складывались явно не в пользу резидента Назарова. Документы, которые были изготовлены для защиты от ищеек гестапо, подкреплявшие его легенду о бывшем заключённом, человеке обиженном и настроенном против советской власти, теперь обернулись против него. Допросы были жёсткие, перекрёстные. Следователи требовали рассказать правду о том, как Петров стал шпионом, грозили судить его по законам военного времени. И хотя он назвал пароль и свою

настоящую фамилию, ему не поверили, заявив, что сейчас половину шпионов немцы направляют в наш тыл под видом милиционеров и чекистов. Кто знает, чем бы закончилось дело, если бы не господин случай! В это время в лагерь прибыл начальник разведки, который лично знал Назарова. Увидев его, он дал команду немедленно освободить чекиста. Александр Владимирович в своих мемуарах писал: «Этот случай стал для меня большим жизненным уроком. Он ещё раз наглядно и убедительно показал, что чекисту надо быть готовым к самым неожиданным поворотам, иметь крепкие нервы и выдержку».

По прибытии в УНКВД Назаров за успешное выполнение задания, за полученные ценные сведения был повышен в должности и получил очередное звание. Он вместе с несколькими сотрудниками 4-го отдела активно включился в подготовку и формирование разведывательно-диверсионных групп для действий в тылу врага для оказания помощи Калининскому фронту. О результатах их боевой деятельности можно судить по сводкам того времени: «С 15 июля по 1 ноября 1942 года 27 спецгрупп совершили 62 рейда через линию фронта в тыл врага. Они подорвали 36 воинских эшелонов противника с живой силой, техникой и боеприпасами и другими грузами, взорвали 8 железнодорожных мостов; в сельских гарнизонах уничтожено около 400 солдат и офицеров и более 30 немецких пособников».

Александр Назаров

250 тысяч рейхсмарок за голову

В июне 1943 году Центр и командование Калининского фронта приняли решение о назначении старшего лейтенанта Назарова командиром бригады спецназначения, в состав которой вошло несколько чекистских опергрупп и партизанских отрядов. А 21 июля 1943 года на планерах он был уже переброшен в тыл противника и находился там до 8 августа 1944 года. Бригада вела разведывательную работу, совершала диверсионные акты, участвовала в боях с оккупантами, сражалась с карательными подразделениями СД и полиции на территории Калининской, Новгородской областей, соседних районов Белоруссии и Латвии.

О боевых делах бригады и её командиру можно судить по аттестации А.В. Назарова в конце декабря 1943 года: «Товарищ Назаров дважды находился в тылу врага со специальным заданием, при его выполнении показал себя смелым и находчивым в борьбе с немецкими захватчиками. С августа месяца 1943 года снова находился в тылу противника, являясь начальником оперативной группы 4 (бригады) Управления НКГБ. За это время получено много важной развединформации, выявлены десятки немецких разведчиков и предателей Родины, подорвано 8 эшелонов противника, сбит двухмоторный самолёт и подорваны две автомашины с солдатами и офицерами. В октябре месяце 1943 года за образцовое выполнение заданий правительства по охране государственной безопасности в условиях военного времени награждён орденом «Красная Звезда». Заслуживает присвоения внеочередного звания – капитан».

К этому следует добавить, что в контакте с местными партизанами в Латвии на железной дороге Москва – Рига, между станциями Идрица и Зилупе, подорвано 12 эшелонов, при этом уничтожено более 120 вагонов с живой силой и техникой.

Гитлеровские оккупанты сразу почувствовали размах дерзких боевых операций и маневренных рейдов бригады Назарова по их тылам. Её активность вызвала тревогу у самого рейхсфюрера СС Гиммлера и гауляйтера Белоруссии и Прибалтики Коха. Они потребовали от полиции и гестапо обезглавить бригаду, ликвидировать её командиров.

Командующий полицией безопасности и СД Белоруссии штандартен-

фюрер СС Эрлинггер в своей директиве начальникам полиции Латвии и Эстландии указывал: «Выявлена рейдирующая бригада особого назначения НКВД. Предполагаемые операции бригады: диверсии, а также захват высших чинов Рейха. Командир бригады полковник НКВД Руднев (Назаров). Опытный разведчик. Опасный враг рейха. Коммунист. Учитывая предложение рейхсфюрера СС, вывесить объявления о вознаграждении за поимку Назарова и других сталинских вожakov-бандитов по 250 тысяч марок за голову каждого».

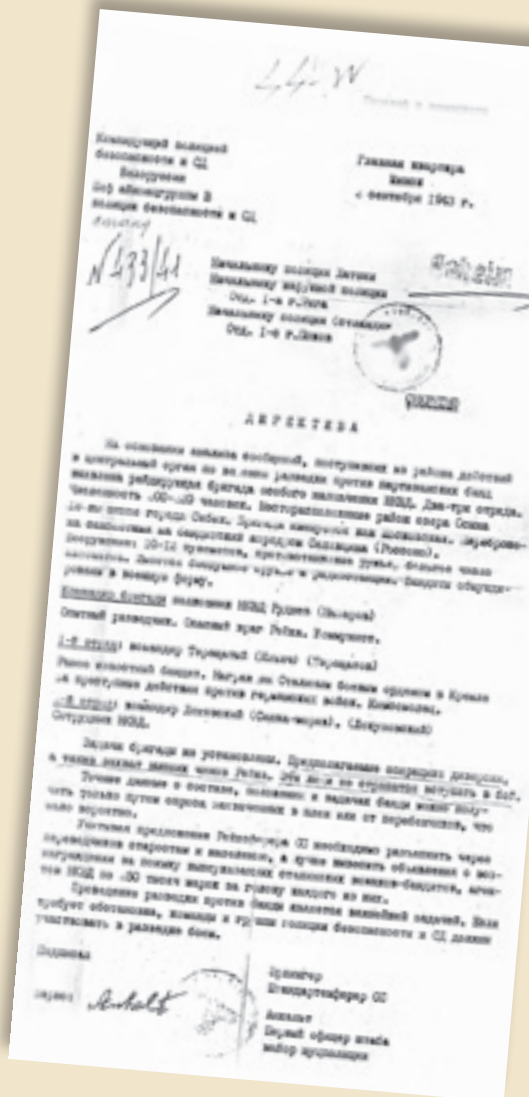
Как видно из директивы, у страха глаза велики. 25-летний Назаров представлен полковником, а численность бригады и её вооружение сильно преувеличены. Но недаром партизаны-чекисты дали ей имя прославленного героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова. Бригада воевала дерзко и смело. Молодой командир нередко сам садился за разработку наиболее ответственных и трудных операций, когда Центр требовал в срочном порядке добыть «языка» или получить новую информацию о планах противника. Например, успешно была проведена операция по захвату автомашины, в которой находились важные чины СД и СС с совершенно секретными документами и картой оборонительных укреплений в Прибалтике. Москва также высоко оценила добытую разведчиками бригады информацию об укреплённом районе немцев Великие Луки, которая срочно потребовалась командованию 2-го Прибалтийского фронта. Все участники операции были представлены к наградам, а командир к ордену Отечественной войны.

Война и мир

В своих мемуарах А.В. Назаров с горечью вспоминал, как приходилось ему терять боевых товарищей, разведчиков

А.В. Назаров, секретарь ЦК КПСС
М.А. Сулов, первый секретарь
Ульяновского обкома КПСС
И.М. Кузнецов

Директива командующего полицией безопасности и СД Белоруссии штандартенфюрера СС Эрлингера. 1943

Дорогой Александр Владимирович,
 рад был видеть Вас
 боевого закала, одного из
 тех через кем я преклоняюсь,
 долгих лет Вам жизни.
 С уважением
 Вад. Тихонов 1978.

За заслуги перед страной генерал награждён шестью орденами и многими медалями

и связных. Особенно тяжёлые потери бригада понесла в Белоруссии, куда гитлеровское командование бросило значительные силы, чтобы окружить и уничтожить её.

Длительные рейды, постоянное нервное напряжение, отсутствие отпуска в течение трёх лет сказались на здоровье Назарова. В конце 1944 года врачебно-экспертная комиссия дала заключение о резком ухудшении состояния его здоровья и настоятельно рекомендовала руководству УНКГБ направить его на санаторное лечение.

К началу 1945 года враг был отброшен за пределы нашей Родины. Немецкая группировка в Прибалтике оказалась в «котле». Бригада к этому времени влилась в состав Красной армии. Её командир стал работать в другом направлении в Калининском Управлении НКГБ, а затем в Кемерове. Весной 1956 года А.В. Назаров был переведён в Ульяновск на должность заместителя начальника УКГБ, а через год стал ру-

С актёром В. Тихоновым. 1978

ководителем Управления.

За 23 года им было немало сделано по перестройке и совершенствованию работы Управления в духе демократических перемен в стране, неуклонного соблюдения законности, реализации курса на профилактику в свете указаний председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова. Это позволило избежать привлечения граждан к уголовной ответственности по статье 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

Генерал много внимания уделял обеспечению безопасности важных промышленных объектов и НИИ. Александр Владимирович любил вспоминать случаи, когда он встречался с председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым в связи с созданием подразделения УКГБ для обеспечения безопасности на строящемся в Ульяновске авиационно-промышленном комплексе как объекте стратегического

назначения. Когда Юрий Владимирович ознакомился с проектом по предлагаемым штатом отдела (а там была названа приличная цифра), он улыбнулся и сказал: «Александр Владимирович, мы с вами бывшие партизаны и знаем, что воюют не числом, а умением. Берите любую половину из вашего документа, хоть правую, хоть левую», – внёс корректировку и поставил свою подпись.

За заслуги перед государством генерал награждён шестью орденами и многими медалями. В музее УФСБ имеются многочисленные документальные материалы, рассказывающие о жизни и боевых подвигах А.В. Назарова.

Анатолий Лихарев,
 заместитель председателя совета ветеранов УФСБ России по Ульяновской области

На встрече с Ю.В. Андроповым. 1970-е годы

Лето у бабушки

Вспоминая детство

Посвящается моей бабушке Лидии Петровне Ловыгиной

Летом мы ездим к бабушке Лиде в соседнее село Юшанское. Оно находится всего в девяти километрах от нашего посёлка Безречный, что в Майнском районе (в 80-х годах прошлого века – совхоз «Свободный труд»). Юшанское – небольшое зелёное село, уютное и чистое. Вдоль центральной улицы стоят деревянные дома, глядящие на дорогу окнами в бело-голубых резных наличниках. Почти возле каждого дома – колодец.

Здесь живут старики, к которым тоже приезжают внуки. Знакомимся с москвичкой Аней, дружим. Днём играем в прятки или в мяч, качаемся на самодельных качелях, которые устраивает для нас бабушка. Она привязывает толстую верёвку к столбикам калитки, прилаживает к ней дощечку, качаться не очень удобно, но нам всё равно радостно. Качаемся по очереди. Потом кормим кур. Если не жарко, баушка (а в эти моменты она именно «баушка») заставляет нас собирать колорадского жука с картошки. Может, Аньке это было и интересно, нам – нет! И мы всячески стараемся уклониться от этого важного дела...

Каждый день после обеда ходим на ферму. Хоть бабушка на пенсии, но её всё равно упрасивают поработать летом: «Лидя Петровна, выдь на работу, пособи, рук не хватает!». И она идёт, по-другому не может.

Про работу в военные годы (а когда началась война, было ей 12 лет) вспоминать не любит, говорит только, что трудно было чрезвычайно, что работала помощницей тракториста в колхозе «Знамя коммунизма». А потом всю жизнь трудилась на ферме: по молодости – овчаром, потом дояркой. И рассказывает, как ухаживала за овцами и коровами, как приносила домой маленьких ягнят, которых нужно было спасать, и выкармливала, выхаживала их. За свой труд не раз получала грамоты, а в 1971 году даже была участницей ВДНХ СССР. А теперь вот моет фляги.

Заходя в моечную (работники фермы называли её «холодильником»), бабушка надевает большой фартук, резиновые

сапоги, повязывает косынку и за дело. Мы крутимся рядом. Здесь прохладно и сумрачно. Воду, которой бабушка моет фляги, она называет «лёдовой». Очень скоро пальцы её немеют, теряют чувствительность... Но она не жалуется, всё делает на совесть.

Иногда бабушка водит нас купаться на речку Юшанку. Воды в ней чуть выше колена. Она мутная, и стоит только зайти в воду, как со дна поднимается тина, в которой ты радостно барахтаешься, опускаясь на четвереньки, и кричишь: «Я плыву, плыву!..» Сестра смотрит на меня с завистью и с недоверием: «Врёшь ты всё!» – «Нет, правда, я научилась!» – отвечаю я ей (плавать, к слову, до сих пор не могу!). На обратном пути собираем луговые опять (если их срок пришёл) или отфутболиваем грибы-дождевики, которых здесь почему-то много. После речки идём к соседке тёте Вале Юдиной отмываться в баню. У нашей бабушки бани нет, это роскошь, которую не каждый мог себе тогда позволить. И за это бабушка топил баню своими дровами...

Вечером другие развлечения. На закате поливаем огород. Воду бабушка носит из колодца, что через дорогу. Он окружён ветхим забором, зарос бузиной и чёрной смородиной. Ягоды смородины созрели, но бабушка не позволяет их есть: они в пыли. Сам колодец старый, стенки его поросли зелёным мхом, прогнили. Я люблю смотреть в тёмную глубину колодца. Бабушка не разрешает этого делать: когда мне было шесть лет, я упала в погреб, говорят, чудом «не покалечилась», и теперь она опасается, как бы чего...

Бабушка Лидя открывает крышку

Бабушке Лиде (на фото она справа) 27 лет. Нарядились с подружкой, чтобы пойти в клуб

колодца, опускает туда ведро на цепи. Ведро летит вниз и шлёпается о воду, потом она крутит ручку барабана и достаёт полное ведро. Иногда туда попадает лягушка. Но это не страшно, ведь вода всё равно идёт на полив. Я прошу разрешения покрутить барабан, но силёнок не хватает, и ведро срывается... Воду для питья бабушка приносит из другого колодца, она холодная даже в самый жаркий день и невкусная. Но приходится её пить, потому что водопровода здесь нет.

Чуть позже охраняем поле с картошкой от овец, которых пригоняют «со стада». Никогда не понимала зачем?! Ведь поле окружено рвом. Но бабушку не переспорить...

Потом начинается самое интересное – вечерние бабушкины-дедушкины посиделки. Старики собираются с нескольких дворов, ведут неспешные раз-

После работы можно и отдохнуть (бабушка Лида слева)

Те самые посиделки... Дедушки уже пришли, бабушки на подходе

говоры, мы рядом. Делаем свистульки из стручков акации или хозяйничаем на огороде: лакомимся ягодами, какие поспели (вишней, крыжовником, земляникой). Иногда бабушки просят нас «показать концерт». Мы в три голоса (я, сестра и Анька) горланим песни (запомнилась почему-то «Про зайцев» из «Бриллиантовой руки»), читаем стихи, какие вспомним. Про Новый год, Женский день, 7 ноября... – старикам неважно! Им всё нравится. В награду получаем от бабушек конфеты и мятные пряники.

Как стемнеет, идём домой. Ложимся спать. Бабушка гасит свет, подходит к нам и крестит. «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя твоё...» – шепчет она над нами и водит рукой. Мы засыпаем...

Лариса Сидоренко

СВИДЕТЕЛЬСТВО
 № 220910
 ов. Лавыгина
 Лидия
 Петровна
 ГЛАВНЫМ КОМИТЕТОМ ВЫСТАВКИ
 ДОСТИЖЕНИЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
 СССР

УТВЕРЖДЕН
 УЧАСТНИКОМ
 КОМИТЕТ
 ВДНХ СССР

Бабушкино свидетельство участника ВДНХ СССР 1971 года

К 75-летию народного артиста
России режиссёра Юрия Копылова

Всё-таки сцена – загадочная штука, правда?

У каждого, кто работал и общался с Юрием Семёновичем Копыловым, у его коллег и друзей, критиков и зрителей – свои воспоминания о нём, о его спектаклях. И сотни рассказов не смогут до конца раскрыть масштаб творческой личности режиссера – так она многогранна, глубока и неординарна. Но много, очень много могут поведать его спектакли. В них – то, что было для него в жизни самым главным и важным.

Увы, уже невозможно прикоснуться к дыханию, нерву, воздуху спектаклей Копылова. Но разве исчез мир, созданный Мастером?

В своих постановках Юрий Семёнович мог разбудить, встревожить мысли, заставляя зрителей вместе с ним искать истину, искать смыслы, искать ответы на вечные вопросы, размышлять над вечными загадками души человеческой. А разбуженную мысль остановить почти невозможно... Для Копылова предметом искусства являлось самопознание, самоизменение человека. А что может быть сложнее и притягательнее – и в театре, и в жизни?

«Для него работа была мукой в удовольствии. Каждый спектакль – езда в неведомое», – говорит о Юрии Семёновиче его супруга, заслуженный деятель культуры РФ Людмила Гаврилова.

Вспомнив его спектакли, мы приоткроем дверь в мир Юрия Копылова.

Иллюзия и реальность

В этом мире трагедии очищали души. Спектакли покоряли мощью и глубиной. Герои заставляли страдать, чувствовать, переосмыслить банальные слова и поступки, ощутить безмерность страсти. Так было в одном из моих любимых спектаклей «Шлюк и Яу» по Герхарду Гауптману. Любопытно, что «Шлюка и Яу» режиссёр сначала ставил в Москве – в Театре Советской Армии. Спектакль, по признанию Юрия Семёновича, получился очень средним, поскольку он не смог преодолеть инерцию актёров, ослабленных внутренне и не готовых к серьёзной работе. «Потом я очень обиделся на судьбу, приехал в Ульяновск и поставил «Шлюка и Яу» здесь, – рассказывал Копылов. – Человек не может долго находиться с ущемлённым самолюбием, он должен себя внутренне восстановить. Вот и восстановил».

В «ульяновском» «Шлюке и Яу» – карнавальном, взрывном, то ли фантастическом, то ли реальном – Копылов с непостижимой остротой препарировал историю человеческого унижения и ничтожности. С горечью вопрошал – что же мы делаем ежедневно с человеком, венцом творения?... Режиссёр вместе с актёрами Борисом Александровым и Владимиром Кустарниковым выворачивали наизнанку такие тёмные закоулки души человеческой, открывали нам такое безумие запятанных желаний, что хотелось уйти от этой жестокой реальности в мир иллюзий.

Не случайно же Юрий Семёнович называл жизнь сочетанием иллюзии и реальности, маски и лица, живого и мёртвого. Где же реальное человеческое существование – в настоящей жизни или в жизни театральной – вот в чём вопрос... На одной из репетиций я услышала от него поразительные слова: «Всё-таки сцена – загадочная штука, правда? Только там – настоящая жизнь. В жизни реальной надо жить с закрытыми глазами».

В удивительном спектакле «Коломба» Жана Ануя он ставил спектакль «о театре в театре». Интересно было наблюдать, как любимые идеи Копылова находят в развлекательном, на первый взгляд, жанре новое воплощение и новых героев, как переворачивают, казалось бы, банальный сюжет, и вы с изумлением обнаруживаете ещё один смысл, и ещё один слой, и ещё один подтекст. Словно снимаете с персонажа маски, одну за другой, и вроде бы вот она – истина... Нет, то всего лишь

очередная придуманная улыбка, нафантазированная мудрость, вымышленная страсть. Но почему-то все эти эмоции, все эти чувства выглядели гораздо более реальными, чем «живущие» за театральными стенами.

Поиски смыслов, переменчивость и движение внутренней жизни персонажей мы обнаруживали почти во всех постановках Копылова – будь то пьесы Жана Кокто, Антона Чехова, Александра Островского, Ивана Гончарова, Жан-Поля Сартра, Генрика Ибсена, Жан-Батиста Мольера. Классика стала для режиссёра инструментом для проникновения в суть явлений, для исследования мира и человека. Классика «дарила» блестящие идеи и находки, вместе с ней его режиссёрский талант обретал мощь, глубину, мудрость.

В 90-е годы театральную Москву потрясли «Монархи». «Вот вам и периферия! Вот вам и провинциальный театр! В Москве-то подобного нет, и не замахиваются», – говорили старые столичные театралки. В ярком, яростном спектакле, изнемогающие под напором и гнётом страстей герои добивались власти такой жуткой ценой, что, по сути, разрушали сами себя. Один монарх сменял другого, а жизнь крутилась на месте... И аналогии с современностью были неизбежны.

Но Юрий Семёнович не раз говорил, что никогда не ставил пьес на злобу дня, не занимался конъюнктурой, не подстраивался ко времени, хотя признавался, что время и само будто бы корректирует события под «вечно живые» пьесы. (К слову: ещё в молодёжном театре Красноярска он брался только за серьёзную драматургию, разговаривал с юными зрителями на равных. Наталья Сац, которая в детском театре понимала всё, на одной из конференций сказала о Копылове: «Какой умный мальчик!»)

В любой эпохе, в любой классической пьесе Копылову был интересен герой в критической ситуации, в тот момент, когда ему отпущено судьбой всё. Как в нём перерождается мир, что умирает остаётся, возникает? Поиски такого героя неизбежно приводили к Шекспиру.

«И обратил глаза мне прямо в душу»

«Ричард II», «Мера за меру», «Двенадцатая ночь», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Король Лир», «Сон в летнюю ночь»... Вечное искушение любовью и властью. Вечная борьба низких

помыслов и высоких страстей. Вряд ли найдётся в стране режиссёр, поставивший спектаклей по шекспировским пьесам больше, чем Юрий Копылов.

Любопытно, что Шекспир стал для режиссёра главным притяжением ещё в молодости. Тогда Юрий Семёнович работал в Орловском ТЮЗе. А секретарём по идеологии в Орловском обкоме работал нынешний первый коммунист России Зюганов. Копылов пришёл к Геннадию Андреевичу и сказал, что хочет поставить «Гамлета». А тот возмутился: «Разве это тема для молодёжи? Нам нужно про то, как молодой чело-

век входит в жизнь! Зачем нам Гамлеты? Нам люди сомневающиеся не нужны!».

Спустя три десятилетия на вручении премии имени К.С. Станиславского народный артист СССР Олег Табаков скажет: «Юрий Копылов – это огромный талант, помноженный на богатейший опыт. Каждый, кто видел его шекспировские постановки, знает, что это не пустые слова».

Одной из самых мощных философских постановок стал спектакль «Мера за меру». Воспитанный Копыловым театральным зрителем улавливал в спектакле отголоски предыдущих шекспировских постановок Копылова – от трагического «Ричарда» до карнавальной «Двенадцатой ночи». В размышлениях режиссёра о времени, истории, человеке – масса оттенков, нюансов, которые создавали особый театральный мир Копылова. И каждый новый спектакль затягивал вас в его мир, делал сообщником или критиком. Человек слаб. И бездумно жесток. Человек одинок. И безмерно властолюбив. Человек благороден. И до смешного тщеславен. Почему? Во имя чего? Кто он – ничтожество в роскошных одеяниях? Или тот, кому «видеть невтерпёж достоинство, что просит подаянья»?

Именно эта сосредоточенность режиссёра на психологической неоднозначности и изменчивости человеческой природы, это вечное копание в душе – собственной ли, нашей ли – и сделало Шекспира главным драматургом и главным героем Копылова. Потому на сцену нашего театра выходили Гамлет и король Лир. Вместе с ними великий драматург и режиссёр размышляли, как происходит перерождение человека, когда теряются ориентиры и так трудно понять – где реальность, а где иллюзия...

– Шекспира приходится каждый раз открывать заново, – говорил мне в интервью Юрий Семёнович. – В нём всё загадочно! Всё, вроде бы, передумано, перечитано, и всё равно во время каждой репетиции делаешь новые открытия. Шекспир требует постоянной готовности разгадывать тайну. Что же это за тайна? Соединение несоединимого: трагического и комического, доброго и злого,

Юрий Семёнович Копылов (1942 – 2012) – театральный режиссёр и педагог. Народный артист Российской Федерации. Заслуженный деятель искусств РСФСР, Лауреат Государственной премии РФ в области литературы и искусства года за спектакли «Генрих IV» Л. Пираделло, «Обрыв» И. Гончарова, «Лев зимой» Д. Голдмена, лауреат международной премии имени К.С. Станиславского в номинации «Строитель театра».

Окончил актёрский факультет Свердловского театрального училища и режиссёрский факультет Ленинградского Государственного института театра, музыки и кинематографии. Служил артистом в Амурском драмтеатре. Режиссер Красноярского ТЮЗа, Саратовского академического театра имени К.Маркса, художественный руководитель Орловского ТЮЗа и Владимирского драматического театра, с 1987 по 2010-й художественный руководитель Ульяновского драматического театра.

любви и ненависти, белого и чёрного... Шекспир умел это выявить, поэтому он гений. Ведь всю свою жизнь я ставил одну сказку. Даже в комедиях искал трагическую природу того же Шекспира. Он же всё-таки в один год создавал и «Двенадцатую ночь», и «Гамлета», исследуя природу человека и в комедиях, и в трагедиях. Мне ближе его трагическое мироощущение, когда человек попадает в ужасающую ситуацию, и только там происходит его духовное рождение. Когда, как говорил Достоев-

ский, битва между ангелом и дьяволом идёт в сердце человека. Кто побеждает? Душа человеческая. Тогда даже на краю гибели – всё равно есть свет в конце тоннеля.

Познать мудрость

Однажды услышала от Копылова: «Я всегда делал своё дело увлечённо. Самолюбие, эгоцентризм и азарт подталкивали, вытаскивали. Азарт – вообще суть нашей профессии. Как у Наполеона: «Главное – ввязаться». Совершенные спектакли ставить сложно. Вот и стараюсь искать хотя бы художественные блёстки в каждой работе».

Однажды он «ввязался», может быть, в самую сложную в его творческой судьбе пьесу, не имеющую в нашей стране сценической истории. В спектакле по Сартру «Дьявол и Господь Бог» режиссёр предложил подумать о самых главных вещах в жизни человека и общества. Взявшись за сложную философскую вещь, Юрий Копылов не сделал ни зрителям, ни актёрам никаких поблажек. Думать разучились. Думать было до отчаяния трудно. Копылов – режиссёр, для которого движение мысли главная и неоспоримая ценность. И он умел «уплотнить» мысль ассоциациями до степени видимости».

В этом спектакле Копылов предложил нам подумать о Боге внутри и вне нас. Об обречённости на смерть и о поисках бессмертия. Об искушающей и иссушающей силе власти. О невыносимом и желанном одиночестве. О сладком зле и горьком добре. О том, что ад не вне нас, ад – мы сами. Может, потому так трудно быть дьяволом, когда хочется быть человеком. Так трудно быть человеком, когда хочется быть Богом. Так трудно быть Богом, когда душу сжигает дьявольский соблазн.

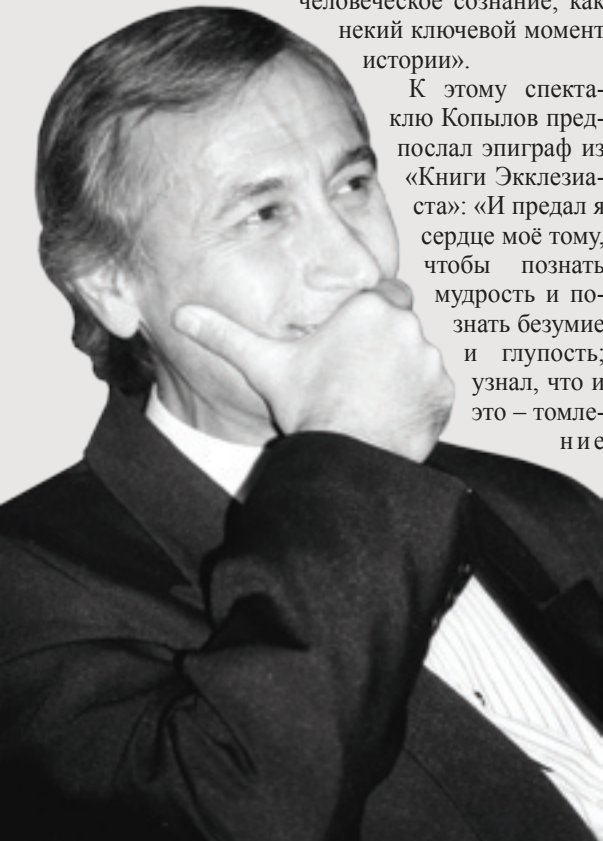
Режиссёр должен был не просто донести до актёров сложную философию пьесы, не просто объяснить, как это нужно сыграть (а как это можно сыграть?!), но и пропустить через свои мысли и сердце эти вечные муки, вечную невыносимость бытия. В этом – у режиссёра – свой рай и ад. И не каждый способен на такое погружение в профессию. Копылов мог. И очень хотел, чтобы человек, побывавший в этом или другом на спектакле, вёл с театром неслышимый диалог и чтобы унёс с собой чувства и мысли, которые будут его будоражить долго-долго. Ведь он называл театр нервом общества, куда люди идут не развлекаться, а трудиться – душой, головой.

«Лишь на один день приезжал этот

спектакль в Москву, и те, кому посчастливилось попасть на него, будут ещё долго переживать то, чему им довелось стать свидетелями, ибо это подлинное явление выдающегося театрального искусства того самого психологического театра, о котором мы нередко говорим в последнее время, как об утраченном счастье, – писала столичный критик Наталья Старосельская. – Юрий Копылов – режиссёр глубоко интеллектуальный, чуткий к веяниям времени и умеющий очень точно соотносить глубинную боль времени с его внешними реалиями, – ощутил тот мучительный перелом, в котором пребывает сегодня человеческое сознание, как некий ключевой момент истории».

К этому спектаклю Копылов предпослал эпиграф из «Книги Экклезиаста»: «И предал я сердце моё тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление»

духа. Потому что во многих мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Пожалуй, эти слова можно поставить эпиграфом к творчеству режиссёра.

Любой художник беззащитен

Эпоха Копылова в Ульяновском драматическом театре закончилась, когда из структуры управления театром вывели должность художественного руководителя. Говорили, что и для Копылова, и для коллектива это было непростое и болезненное решение, но мастер был болен, ему трудно. Собрались представители художественного совета театра и областного департамента культуры и, как говорится, «довели своё решение до сведения» Юрия Семёновича.

Столичные критики говорили о Копылове: «Он выстроил свой театр». Уверяли, что без него ульяновский театр вряд ли бы так мощно прозвучал по всей России, называли его режиссёром уникальной культуры и мощи мышления. Наверное, художники такого масштаба должны сами решать, когда им стоит закрывать двери своего дома. Человек, в чьих руках дело по имени Театр, не может не быть жёстким, властным, упрямым, потому для кого-то – неудобным. А Юрий Семёнович как-то признался: «Любой художник беззащитен. Я также беззащитен, как и любой артист»...

Для Копылова тогда придумали новую должность – почётного президента театра. Спустя некоторое время я спросила Юрия Семёновича: «Что это значит?». Он грустно улыбнулся: «Со мной иногда советуются...». А я почему-то вспомнила, как на своём 60-летии Копылов сказал: «Это мой театр. И все люди, работающие со мной, мои единомышленники. Это – моя семья. Мы

вместе меняемся, движемся вперёд».

Закончилась эпоха с мучительными поисками, философскими размышлениями, феерическими взлётами, оглушающими неудачами, стремлением дойти до самой сути. Можно, конечно, говорить о продолжении традиций, верности классическому репертуару. Но театр меняется вместе с жизнью, то раскручивается по спирали, то делает неожиданный поворот, то семенит мелкими шагами, то забредает в тупик, то перелетает через пропасть. Другие режиссёры, другие цели, другие спектакли. Получается – всё по Копылову? Ведь он всегда утверждал, что театр – это живой организм. Но иногда ощущаешь с особой остротой, как Юрия Семёновича не хватает театру, который он построил... И мы уже не увидим того Шекспира, которого он так любил и так понимал.

Юрию Копылову было отпущено ещё два года. Он успел написать книгу «Жизнь одного театра. Записки режиссёра». Предполагал, что это кому-то покажется интересным. «Когда я начал писать, думал: вот прожил в ульяновском театре 20 лет и что от тебя останется? – говорил мне Юрий Семёнович. – Всё уйдет, как ветер в степи. И песком засыпет. Обидно стало. Пусть останется хотя бы легенда: вот такой был Ульяновский драматический театр в конце XX – начале XXI века. Чтобы было понятно: мы в нём не просто так хлеб ели и делали спектакли только для увеселения публики. Мы пытались создать свой театр, в который люди приходили «духовной жаждою томимы». Если о нас так скажут, то жизнь прожита не зря...»

Татьяна Альфонская
Фото Павла Шалагина

«Соку спелого ПОЛНО...»

*Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто мёдом налилось!
Видны семечки насквозь...*

Были времена, когда особой гордостью Симбирской губернии считались плодовые сады. Берег Волги от Симбирска до Сенгиля был полностью покрыт садами, а симбирские яблоки поставляли и в Сибирь, и к императорскому столу. Ещё в 1765 году подполковник Генерального штаба Александр Свечин, рапортуя в Сенат о занятиях местного населения, писал, о жителях симбирских земель: «до плодовых садов великие охотники, кои содержат в изрядном порядке, продажей яблук, груш, слив, вишен пользуются».

Об «абушаевском саде», ставшем одной из достопримечательностей Симбирского уезда, написано и в «Полном географическом описании нашего Отечества»: «В большом плодово-ягодном саду разводилась владимирская вишня и разные сорта смородины, был плодовой питомник и оранжерея <...> Плодовый сад занимает 30 десятин, окружён защитными лесными опушками (лесополосами) и яблони здесь <...> 30 лучших сортов». Известный плодород В.В. Пашкевич в 1900 году писал о симбирском купце Мухамет-Кариме Абушаеве: «Купец ежегодно посылал из сада к императорскому столу апорты. Его садовник был большой выдумщик, во время созревания плодов он наклеивал на самые красивые крупные яблоки полоски бумаги с вырезанными на них именами членов императорской семьи и изречением «Боже царя храни». Когда яблоки созревали и наливались румян-

цем, полоски с них снимали, и имена на яблоках чётко просматривались. На Симбирской выставке 1898 года эти яблоки привлекли особое внимание посетителей».

Конечно же, фрукты всегда были в изобилии на столах и простых, и родовитых симбирян. Многие местные сорта хорошо хранились и умелые хозяйки круглый год готовили множество вкуснейших блюд из яблок.

В XVII веке князьям Петру и Ивану Ивановичам Хованским были пожалованы во владение земли на территории Симбирского края. Князь Пётр Иванович Хованский (1648–1716) был симбирским воеводой. Сергей Николаевич Хованский (1767–1817), действительный статский советник и кавалер,

с 1804-го по 1808 год служил симбирским гражданским губернатором. При нём была открыта губернская земская больница (1804) и построен новый губернаторский дом. После ухода со службы он жил в своём имении – селе Архангельское Ставропольского уезда Симбирской губернии. В усадьбе Хованских бывали Аксаковы, Ивашевы, Языковы, Баратаевы. Потомки княжеского рода и сейчас живут в Ульяновске, в собственном доме с большим и тенистым яблоневым садом. Секреты семейных рецептов яблочных десертов «Мономаху» передала Ольга Сукач (Горбунова-Павлова) из рода князей Хованских.

Яблочный бешамель

Для этого густого сладкого соуса берём 1 литр молока, 5 столовых ложек муки, 4 столовых ложки сахарного песка, 1 килограмм порезанных на дольки яблок, 50 граммов сливочного масла, 2 яйца, ваниль. В небольшом количестве молока смешиваем муку, сахар, желтки. Вливаем в горячее молоко эту массу и варим, пока не загустеет (примерно 2 минуты). Далее добавляем масла, затем яблоки и варим, пока яблоки не станут мягкими. Разливаем по формам, даём остынуть. Подаём как десерт.

Яблочная пастила

Яблоки режем, удаляем сердцевину. На доньико кастрюли наливаем немного воды, кладём туда порезанные яблоки. На малом огне доводим до кипения и варим под крышкой до тех пор, пока яблоки не станут мягкими. Время варки будет зависеть от сорта и зрелости фруктов. Сливаем лишний сок, сами яблочки измельчаем блендером или протираем сквозь сито. На противне или разделочной доске растапливаем пергаментную бумагу, выкладываем туда пюре из яблок. Слой делаем не более одного сантиметра, иначе лакомство будет долго сохнуть. После застывания нарезаем на квадратики и подаём к чаю.

